

Горчаковы

Светлой памяти
ГОРЧАКОВА Геннадия Александровича

**Сборник
биографических статей
и воспоминаний**

2014 год

**Горчаков
Иван Прокопьевич,
дедушка**

**Горчакова
Анна Васильевна, бабушка**

Отец

Вести от отца приходили только в первые месяцы войны. Мама читала по слогам солдатские письма, радостно сообщала нам, что папа жив, здоров, передает привет, всех целует, а потом вечером, уложив нас спать, старательно выводила на тетрадном листке каракули: мама училась всего два года. Через много лет отец вспоминал о тех письмах:

- Письмо из дому читаю - больше догадываюсь. Если написано «сено, мыло», читаю «Сано, милый».

В каждом письме были наши приветы: мой рисунок солдата или самолета, неуклюжие цветочки сестер. Младший брат Шурка рисовать не мог, ему было всего несколько месяцев, и мама, наложив малюсенькую Шуркину ладонь на листок бумаги, тщательно обводила карандашом кисть и пальчики.

Осенью письма стали ходить реже, а потом и совсем перестали поступать весточки от отца. Но мы ждали, ждали, всю войну ждали. Почтальон Илья Петрович четыре года обходил наш дом. Мама начала бояться его черной сумки: почти в каждую семью занес Илья Петрович серенькую бумажку – извещение. Маленькая бумажка, а горя сколько.

В сорок втором я пошел в первый класс, научился читать и писать. И теперь я уже доставал с полки зачитанные письма-треугольнички и всей семье читал их вслух. Шурка радовался приветам, искал глазами портрет отца на стене, широко улыбался и громко кричал: «Папа!».

Отгремела война, Майскими днями возвращались в деревню солдаты. Каждый день отпускала с уроков кого-нибудь из учеников-счастливцев наша учительница.

В конце мая приехал домой мой дядя Иван Иванович: золотые погоны офицера, черное отзагара лицо, седые виски.

- Большой стал и весь в отца, - сказал он мне при встрече. Держись, парень, и на нашей улице будет праздник.

Праздник пришел неожиданно. Это случилось в тот летний день, когда мама ушла в соседнюю деревню на свадьбу Ивана Ивановича. Именно в этот день почтальон завернул к нашей калитке:

Горчаков
Александр Иванович
(15.06.1908 - 19.01.1975)

- Вам письмо. От отца.

Я знал, что он напишет! Мы все знали, что он напишет.

Прежде, чем разорвать конверт я прочитал адрес: Вологодская область, Никольский район, Пермаский сельсовет, деревня Сочково, Горчаковой Людмиле Дмитриевне (если жива), Горчакову Ивану Прокопьевичу (если жив), Горчакову Геннадию Александровичу. Это мне!

Наше военное детство стало далеким прошлым. Шурка, ныне Александр Александрович, окончил юридический институт, сестры и я выбрали учительскую профессию.

Как тянет каждый год в родительский дом! Наверно, потому, что самое спокойное место на земле – сосновая изба под тесовой крышей в деревенском переулке, самая вкусная вода – из колодца, вырытого отцовскими руками, самый сладкий мед из его ульев. Только перешагнешь выбитый порог – тебя встречают самые добрые люди на земле – отец и мать.

Честь и любовь добрым рукам матери. Спасибо ей за то, что в трудные годы, оставшись одна, вскормила, вспоила, сберегла всех четверых детей.

Отец вернулся в сентябре. Мама в этот день на колхозном току сортировала зерно. Без телеграммы (да и зачем волновать родных, когда и сам не знаешь, сколько суток пройдешь пешком почти двести километров от железнодорожной станции до своей деревни), с пустым вешевым мешком, встал он на пороге родного дома.

- Здравствуйте, дети!

Шурка и Нина рисовали что-то, сидя на лавке за столом. Раиса и я были в школе.

- А ты кто? – недоверчиво спросил Шурка.

- Я... ваш папа.

Но Шурка не поверил: папа у него был молодым, вон он – на фотографии! – и обидно заревел, да так громко, что на плачь прибежала перепуганная бабушка, мать отца.

Счастьем светился наш дом. Жизнь стала иной. Мама снова научилась улыбаться. Я подражал отцу во всем: учился ходить степенно, как он, не торопясь брал кусок хлеба за столом, кажется перестал шалить в школе, на уроках пения пел басом. Кто не поймет мальчишеское счастье!

О, как многому ты научил меня, отец. Двенадцатилетним парнишкой я строил с тобой дом, неумело стуча топором, по широкому лугу я вел с тобой покос, удивляясь твоей сноровке и силе, я научился любить мир и землю по-твоему.

А тихим июльским вечером на дальнем сенокосе отец удивил меня великой поэзией есенинских стихов. Он их знал наизусть.

И до сих пор слышится:

«Ты жива еще, моя старушка...

Жив и я. Привет тебе, привет».

Г. ГОРЧАКОВ.

**Отец - Александр Иванович
с сыновьями - Александром (слева) и Геннадием (справа)**

Мне этот край судьбою дан...

Светлой памяти отца посвящаю.

Моё село до самых крыш
Ржаное поле затопило.
Забрёл у мельницы камыш
По пояс в серые чернила.
Бегут дороги от села
По всей России необъятной,
одна из них и увела
И привела меня обратно.
В траву поставив чемодан,
вбегаю в рожь,
чтоб с ней обняться.
Мне этот край судьбою дан,
Чтоб отовсюду возвращаться.
«Эй парень, полно рожь топтать,
Садись в телегу, В отпуск что ли?..
А чей ты будешь? Как не знать.»
Мы ждём от жизни лучшей доли,
А вот в деревню тянет всё ж,
Ни в Крым, ни в горы
И ни к Волге.
«Эх, нынче эта молодёжь,
Всё только в отпуск, ненадолго..»

Давным давно я не косил,
 Забытый зуд в плечах приятен.
 Легко в груди от новых сил,
 А воздух влажно ароматен.
 И где б ни жил я и всё же
 Куда судьба ни увела,
 Но нет милее, нет дороже
 Глухого этого села.
 Как часто в мыслях осторожных,
 Когда им, может быть, не рад.
 Вдруг понимаешь, что, возможно,
 И сам немного виноват,
 Что только издали жалеешь,
 Умеешь охать да просить
 И, сын крестьянский, не умеешь
 Ни лён растить, ни рожь косить.
 Эх, размахнусь..
 Но вдруг коса
 О камень звякнула с размаха.
 А за спиною голоса:
 «Устал знать..
 Глянь, мокра рубаха».
 - Пошёл, брат, камушки считать.
 - Трудна косьба то
 с непривычки.,
 а мне бы только не отстать,
 а мне б глоток сырой водички.

Вдыхает старая гармошка.
 Летят в раскрытое окно
 Мотивы грустные немножко,
 И всем знакомые давно,
 О верной девушке Катюше,
 О вечерах в краю родном,
 И мужики гармонь послушать
 Сошлись, как раньше, под окном.
 А я, устав от старых песен,
 Беру весёлый перебор...,
 Меж тем, правдив и интересен
 Мужской вскипает разговор.
 Сперва о том, что с сенокосом
 Как раз управились к страде,
 Что по утрам обильны росы-

Не помешало б молотьебе,
О том, что слабы сигареты,
Что в магазине водки нет.
А там - в далёкие планеты,
А там - про целый белый свет.
Припомнят, как шумел Матвейч,
Узнав, что в сторону Луны
Летит ракета: «Уж то смеют?!
Сшибут ведь месяц, сатаны...»
Как дед ночами из оконца
Следил. На месте ли Луна.
Мой отчий дом, родная стёжка,
Моя родная сторона.

4.

Мои ровесники - ребята
Узнали всё: снега и зной,
И стол, заставленный богато,
И хлеб с картофельной мукой.
Мы жить спокойно не умели,
Спешили вдаль: скорей, скорей.
И свадьбы наши отшумели
Вдали от грустных матерей.
Да, жизнь - не только радость
Лета,
Не только тропочка во ржи...
Ещё не всё и нами спето,
Не вее распаханы межи.

5

Прости меня, мой отчий край,
За эту долгую разлуку.
Мне часть забот твоих отдай
И протяни спасенья руку.
Под этим небом жить хочу,
Не отвергай моё желанье.
Я целой жизнью заплачу
Лишь за твоё одно признание.
За То, что дано мне ходить
Отцовской тропкой через поле.
Я научу других ценить
Твоё таёжное раздолье.

Г. Горчаков

Признание в любви

Моей маме семьдесят лет. Недавно съездил к ней в деревню с гостинцами. Мама встретила меня чудесно: поставила самовар, заварила в чайник не какого-нибудь второсортного чаю, а бросила по шепотке индийского, цейлонского и грузинского. У нее всегда для дорогих гостей по пачке разного чаю.

Сама она из крестьянской семьи. Жили в свое время не богато, не бедно, считались середняками, в колхоз вступили сразу. Крестьянство никогда не порождает ленивых. И смолоду главным богатством моей матери было трудолюбие.

Сколько я помню, мама всегда была в работе. А воспитала она, по современным понятиям, много детей: нас в семье, шестеро. Все сейчас, как она любит выражаться, «при деле», стали взрослыми. В семье три учителя, два юриста. Да и рабочим званием младший брат гордится не меньше, чем мы – высшим образованием.

...Память хранит день 22 июня 1941 года, когда в деревню Скучково пришла весть о начале войны. Вспоминать больно.

Другим солдатские письма-треугольники приходили хоть от случая к случаю, в наш дом всю войну почтальон не заходил. Ни письма, ни похоронки.

Дождались мы отца, выжили все, хоть чистый хлеб за все четыре года ели не часто. Примешивали в муку куколь, липу толченую, траву разную...

Вроде бы все это и не о маме, но за каждой строчкой я только и вижу ее. В тридцать лет мама поседела. И я не помню, какие у нее волосы были настоящие. Наверно не белые.

Поздно мы оцениваем материнскую любовь. Разве в одной ласке она выражается? Как хочется, чтобы все поняли, особенно- молодые, что ценить и лелеять мать за ее доброту надо при жизни.

Я открыто любил отца, недавно скончавшегося. Но маме редко говорил слова признания в любви. Пусть это письмо будет как искупление части моей вины перед нею.

Горчакова
Людмила Дмитриевна
(5.10.1907 - 17.06.1992)

Г. ГОРЧАКОВ,
директор средней школы № 1 . г. Никольск.

Не забывайте матерей

Моей маме семьдесят с лишним лет. В деревню с гостинцами недавно съездил к ней. Она встретила меня чудесно: поставила самовар, в чайник бросила по щепотке индийского, цейлонского и грузинского (не от богатства, а на всякий случай хранится у нее с давних пор по пачке разного чаю).

И начну я свой разговор о матери именно с богатства. Сама она из крестьянской семьи. Жили в свое время ни богато, ни бедно, считались середняками, в колхоз вступили сразу. Ее брат Петр Дмитриевич, был первым председателем колхоза «Каменный».

Крестьянство никогда не порождало ленивых. И самое главное богатство моей матери – трудолюбие. Сколько я ни помню, она всегда в работе. А воспитала она, по современным понятиям, много детей: нас в семье шестеро. Все сейчас, как она любит выражаться, «при деле», стали взрослыми. В семье три учителя, два юриста. Да и рабочим званием младший брат гордится не меньше, чем мы высшим образованием.

Память хранит день 22 июня 1941 года, когда в деревню Скочково пришла весть о начале войны. Вспоминать больно.

Военные годы в деревне – это труд неустанный, бескорыстный. А ведь растили хлеб, хоть и пахали колхозные поля не только на тракторе, а порою впрягались в плуг по восемь человек. Тяжело хлеб давался. Как-то стесняемся и говорить об этом, а ведь это подвиг, и счастье нашей родины в том, что на этот подвиг были способны и женщины, не только мужчины. Другим солдатские письма-треугольники приходили хоть от случая к случаю, в наш дом всю войну почтальон не заходил. Ни письма, ни похоронки. Злые люди, а такие тоже были, досаждали догадками, упреками. Помню в огороде столбы поставили, чтоб дальше этих столбов ни пахать, ни сеять. Спасибо партийной власти: разобрались, посрамили недобрых. Дождались отца, выжили все, хоть чистый хлеб за все четыре года ели нечасто.

В тридцать лет мама поседела. Я и не помню, какие у нее волосы были настоящие-то. Наверно, не белые.

В детстве я часто и подолгу болел. До врача далеко, лекарств не было, и мама упорно лечила народными средствами: малина от простуды, чистый деготь – от нарывов...

Как поздно мы оцениваем материнскую любовь. Разве в одной ласке она выражается? Хочется, чтобы все поняли, особенно молодые, что ценить и лелеять мать за ее доброту надо при ее жизни.

Г. ГОРЧАКОВ.

Семья родителей. Слева направо: сидят Рая, мама - Людмила Дмитриевна, Анатолий, отец - Александр Иванович, Василий, стоят: Геннадий, Нина, Александр.

Дормидонт скочковский

Живая река человеческой памяти через столетия доносит до нас из прошлого имена тех людей, которые при жизни без устали творили добрые дела. Многие никольчане, особенно жители деревень Осиновского сельсовета, Блуднова, Дворища, Куданги до сих пор помнят легенды о Христовом праведнике Дормидонте. От дедушек и бабушек слышал и я о нем. Легенды разные, но сходятся все в том, что это был сильный духом и добрый человек, защитник крестьянства, помысливший построить церковь в 3 километрах от деревни Скочково, на горе, у развилки дорог на Дворище-Пермас, Кудангу с многочисленными починками.

Место действительно красивое: с высокой горы почти на километр открывается широкий луговой простор, зеленой скатертью сбегающий к чистоструйной речке Куданге, к старой водяной мельнице. Говорят, Дормидонт расчистил на склоне горы подход к роднику, сделал небольшую плотину и водой из этого родника лечил приходивших на Гору больных и немощных людей. А около старого Упираловского болота, на Печищах, за полями Дормидонт вырыл глубокий колодец, из которого в сенокос и уборочную страду люди до сих пор берут чистую воду. Печища - место знаменитое, упоминается в летописях, как старое чудское Печище место, давно обжитое нашими древлянами.

Я давно искал в архивах документальное подтверждение личности и добрых деяний Дормидонта. Сейчас расскажу о нем правду. У меня в руках подлинные документы. Первый из сохранившихся - протокол Никольского земского суда, № 3343, от 11 июня 1849 года, в котором определено: «...препроводить крестьянина Ракутина в Никольское Окружное Управление под строжайший присмотр до решительного распоряжения Высшего начальства, дабы он не мог скрыться и произвести больших соблазнов, о чем Духовной Консистории с сею же почтой донести Столоначальник Петропавловский».

Итак, вы определили, что дело происходило почти 150 лет назад. Судебное решение было принято 13 июня, уже назавтра (цитирую документ) «...в присутствии духовного Правления сделано было увещание крестьянину деревни Скочково Дормидонту Кириллову Ракутину в продолжении 5-6-9-10 часов и назавтра с 8 часов утра до 2 пополудни. Во тщательном увещании оказался непреклонным в своих бреднях, отзывающихся суеверным невежеством при его не вполне здравом рассудке, бредни его не могут быть одобрены, но не составляют собою какого-либо толка раскола или ереси... Из слов Ракутина ясно видно одно желание: построить храм при их деревне во имя Ахтырской Иконы Божией Матери, признаваемой и через его разглашения другими крестьянами явленной и чудотворною — во имя той самой, что принесена им от крестьянина Ивана Гудина и по отобрании хранится в Сретенском Соборе.

Дормидонт словестно и через стуканье в доску приглашал соседей к

Богомолению на избранном для церкви месте, в том сознался и решительно утвердил, что он от Богомоления с соседями ни под каким видом не отстанет; если запрещают молиться им днем, то будут молиться ночью. Сам он петь божественные стихи не будет, а других останавливать от пения не намерен. Кроме того, объявил, что если означенная икона не будет ему дана для продолжения моления, то он без ведома начальства скроется в лесу для той же цели.

Листаю протоколы Никольского земского суда Никольского Окружного Управления Государственным Имуществом Никольского Уездного Суда, вчитываюсь в написанные еще гусиным остро отточенным пером каллиграфически выведенные слова и предложения строгих приговоров и предомною во всей своей силе и красоте встает образ русского мужика-правдолюбца. Могучий характер, целеустремленность, приверженность великой цели, готовность на любые испытания ради этой высокой цели.

1852 год. Новое дело, новые страницы, новые увещевания... Читаем: «...1852 года, Октября, 3 дня... крестьянин Никольского уезда, Байдаровской волости, деревни Скочково Дормидонт Ракутин (в от дельных случаях фамилия записана - Рокутин) был увещиваем, чтобы он не позволял крестьянам своей деревни брать из своего дома ни одной Святой Иконы и носить на избранную им обще с соседями Гору для моления и что бы на сей Горе сам не молился с ними и других не призывал и не научал к молению, равным образом и в дом свой никого бы из посторонних не принимал для моления, а молился бы в своем доме, когда хочет, один и со своим только семейством, но он остается непреклонен... требует от ближайшего начальства ручательства за то, чтобы ему не менялось в вину, если в отсутствии его югда-либо привезенный на Гору для исцеления какой-либо больной человек помрет. Это исцеление, как он, Ракутин, объясняет, совершается таким образом: больной человек привозится на Гору, откуда сводится на ближайший водяной ключ, в котором прежде помещались Святая Икона Ахтырской Божией Матери, хранящаяся ныне в Сретенском Соборе, обливается тот больной водой...

Во время бытности его под арестом суда и в рабочем доме в течение трех лет люди не прекратили моления на Горе, а иногда собираются до 200 и 300 человек, он стыдится оставаться в доме и молится с ними на Горе, без общего моления чувствует тоскливость.

Икону, купленную от крестьянина Ивана Гудина, считает вместо родительского благословения и сердечно желает, чтобы дозволено было построить часовню в честь означенной Иконы, которую и поставить в оную часовню... При сем дополняет он, Ракутин, что когда в 1848 году отобрана была Никольским Земским Судом Икона Ахтырской Божией Матери, то в их деревне Скачково случился скотский падеж на коров и лошадей, и когда было совершено молебствие в Сретенском Соборе по их обращению, то падеж

уничтожится».

Моления на горе продолжались, росла популярность Дормидонта, в Скочково приходили верующие из Аргунова, Зеленцова, собиралось до 700 человек. Гостеприимством отличались жители деревни Скочково. Читаем в очередном судебном постановлении: «Жители деревни Скочково Козьма Поникаров, Василий Горчаков, Евсей Горчаков, Николай Ракутин и другие по окончании Богомоления киот этот носили на ручей и там обливали водой, после этого, почерпнув воды в имевшиеся у них бураки, возвращались домой все, вместе с киотом, в деревню Скочково, где крестьянами оной деревни приготовлены были примостки, в виде столов, с разными съестными припасами. Усадив за те столы народ, угощали оный нарочно пригтовленным для этого народа пивом в значительном количестве и кормили обедом...»

Не сбылась мечта Дормидонта построить святую Церковь на Горе за деревней Скочково, остались память о нем, ручей да колодец его имени. Да

Росла еще до двадцатых годов столетняя сосна, которую он завещал беречь. Но нашлись ляхие скочковские «комсомолята», которые не послушали стариков, не вняли их увещаниям. Двое молодых парней два дня кощунствовали над могучим деревом. Рухнула сосна. Через неделю погиб один из этих варваров, в течение года умер и второй...

Жил Дормидонт Ракутин в доме моего деда Ивана Васильевича. Дед как-то говорил, что Дормидонт заранее предсказал день и час своей смерти. Никто не верил в это. Но в определенный судьбой срок Святой человек сходил в баню, переоделся во все чистое, лег на лавку, перекрестился и - умер.

Лет десять тому назад пронеслась летняя буря над Горой, наломала, накрестила старых елок над ручьем - не подойти. Мы с братом Василием привезли из города пилу «Дружба», распилили елки, убрали сучья, сделали выстилку на болотине, поставили новый лоток - и заговорил Дормидонтов Ключ. А брат Александр, живущий и работающий в Москве, в каждый свой приезд в родные места обязательно просит сходить с ним на Гору.

Там сейчас сельское кладбище, на котором похоронены наши родители, другие наши родственники. Обязательно посещаем и Дормидонтов Ключ. Напьемся чистой воды, умоемся, а потом Саша обязательно совершит свой ритуал: очистит русло ручья, протрет лоток свежей травой... Постоим, послушаем говор ручья.

Дормидонтов колодец тоже охраняется жителями Скочково и Упиралова. Лет десять тому назад я с большим трудом нашел этот колодец в густом молодом ельнике, а вот года три назад ездил испить из колодца - и приятно поразился; к Дормидонтову колодцу прорублена

широкая просека, у колодца обновлен сруб, сделан навес, а рядом добротная скамейка. Кругом высохшее болото, на месте бывшего плодородного поля мелкий березняк, а в колодце (вот ведь чудо!) до края земли чистая вода. Бери и руки берестяную пилицу, зачерпни живительной влаги и хочешь – пей ее, а хочешь умойся ею. И вспомни Дормидонта, так страстно мечтавшего построить еще один Святой Храм на Руси.

Г. ГОРЧАКОВ.

Старый дом

В этом доме прошло мое детство. Да и не только мое... И отец, и дед, и прадед, шлепали когда-то босыми ногами по этим широким половицам.

И стоит дом вот уж век, а, может, и больше посреди деревни. Говорят, он последним был, а за ним начинались поля. Дом постарел, осел в землю. И хоть пытается белеть сквозь чащу рябин своими кирпичными стенами, хоть и гордится палисадником и тесовой крышей, вид у него далеко не молодецкий.

Жили-были три брата, Иван, Михаил да Леонтий. Построили они на сухом и песчаном бугре, у ручейка, двухэтажный дом. Сами кирпич делали, сами обжигали, сами стены возводили. Вырос дом-красавец, слава рукам крестьянским, трудолюбию человеческому.

В июле 1882 года, жарким днем, когда взрослые были на сенокосе, сгорела деревня. Остался невредимым один этот дом среди пожухлых рябин да сиротливых печек и тлеющих головней. Много он видел, его история — это история села, но я люблю его за детство, за веселую трескотню дров в печке-лежанке в зимние сумерки. А еще люблю за сказки.

Сказки все любили в доме. И поэтому дед всегда зазывал ночевать сказочника Митю, бродившего по деревням в довоенные годы, и

преданно дружил с Николаем Егоровичем, деревенским сказителем. Первого я помню очень смутно - борода, лицо гладкое, руки маленькие и глаза живые, умные, ласковые. О Николае Егоровиче я рассказ написал, за что и получил от его родственников по выговору.

В доме было всегда многолюдно. В суровом сорок первом пять братьев один за другим ушли на фронт.

В годы войны в доме было правление колхоза «Буревестник». Всегда шумно, холодно, накурено было в комнате, занимавшей половину нижнего этажа. Но - интересно. Здесь говорили о хлебе, о сене, о пиве, о войне. Приходили мужики с фронта, в отпуск ли, насовсем ли, шли в правление - беседовали. Пришла и в этот дом синенькая бумажка-повестка. И долго не могли поверить мы что Анатолия, сильного, веселого Анатолия, уже нет.

Конечно, главным лицом в доме был дед - высокий, рыжий, бородатый, внешне сердитый, но добрый.

- Приходи спать со мной на печь в правление - завтра ложки сделаю, - предлагал он мне потому, что боялся до старости спать один. Или вызовет сказки слушать, достанет из печки горячей, - обуглившейся печеной картошки, положит на стол кусок ржаного хлеба и скажет: «Ешь». А он смотрит на мою перемазанную рожу и улыбается в бороду. - Между прочим, Илья Муромец тоже картошку любил, как и все русские.

Жили, росли, казался дом большими каменными палатами. Приедешь к дому - словно в детстве побываешь. Только потолок кажется почему-то низким, окна маленькими, да порог выбитым.

Г. ГОРЧАКОВ.

Старая мельница

Глухой, неумолчный шум падающей с мельничной плотины воды встречал каждого, кто проходил или проезжал через речку Кудангу по дороге от Скочкова к Дворищу. Невозможно было хотя бы на миг не остановиться и с высокого угора не окинуть восхищенным взором вдруг открывшуюся панораму.

Широкий луг зеленым ковром сбегал к реке, серпантинном извивалась Куданга, отражая в себе цепь белоствольных берез и чистую голубизну летнего неба. Вдали чернела мельница, белел пыльный мост и сверкала на солнце гладь омута ниже плотины.

Для нас, деревенских мальчишек военной поры, всякий выход на мельницу был праздником. Сколько всяких заданий матери, уехавшей на сенокос, надо выполнить за день, но улечишь часок и — бегом за три километра к мельнице. На ходу сбрасываешь рубашку, расстегиваешь помощь у штанов — и бултых в воду. Какое блаженство испытываешь от прохладной бурлящей воды! Страх перед таинственностью темного

омута отступает, вот и поплыл вдоль песчаного берега. Но надо домой, там ждут дела, младшие сестры и брат, зловредные куры опять, наверное, в огороде.

Эти яркие впечатления детства живут во мне постоянно. Но мельница была построена сельчанами не только для красоты. Она мне всегда представлялась кормилицей, как корова в крестьянском дворе. Помню, только соберем урожай с огорода, или осенью дадут рожь на колхозные трудодни, собираемся с мамой на мельницу. Сушим зерно, просеиваем его, засыпаем в мешки. Так же шумит вода, но теперь не до детских увлечений. На мельнице очередь, всем хочется испечь хлеб из свежей муки. Засыпаем в лоток зерно. Мельник пускает воду, открыв деревянную задвижку. Скрипнуло наливное колесо, повернулось. Тронулись жернова и совершилось великое таинство: потекла мука. Лучшего хлеба, чем из первой муки, я не едал.

За мельницей тянулся пруд. Он доходил до лесосучастка Белая, а это от нее не менее 8 километров.

Муку для лесорубов возили в большой лодке. В пруду и ниже плотины водилось много рыбы.

Мельницы стояли почти около каждой большой деревни, а возле Сочкова их было две: Верхняя и Нижняя. Запомнились мне Пермасская, Осиновская, Кудангская, Карнышская, Ермаковская, Полькива и особенно - Завражская.

Именно там я увидел, как после войны загорелась первая электрическая лампочка. Великий труженик и заботливый хозяин (имени его не помню) привез издалека генератор, установил его на мельнице - и заулыбалась деревня: свет появился хоть тусклый, но первый послевоенный после лучин и чадающих фителей.

Мельницы в Сочкове нет, постройку унесло в половодье, плотина разрушена, мост провалился. Долго сопротивлялся омут, но и его сейчас заносит. Привольно в речке лишь пескарям, да уклеикам.

Конечно, может быть не возродится плотина, не быть и пруду на старом месте, это экономически не выгодно для колхоза, но почему-то не хочется верить, что судьбу Сочковской мельницы повторят все ее сестры.

Г. ГОРЧАКОВ.

Четыре ипостаси березы

Истари говорилось: "Есть дерево от четыре дела. Первое дело - мир освещает, другое дело - крик утешает, третье дело - больных исцеляет, четвертое дело - чистоту соблюдает". Это о березе. Дерево для жителей России привычное, а вот я читал где-то, что африканцев береза приводит в исключительное удивление. Белое дерево. Чудо природы. Много необычного в жизни самой берёзы. Трудно начинать березка свою жизнь, но, утвердившись маленьким ростком на земле,

в первые годы растет чрезвычайно быстро: в возрасте от 5 до 15 лет берёза в каждый год вырастает на один метр. Далее рост её слабеет и приблизительно к 60 годам прекращается, а к 90-100 годам - прекращается и сама жизнь берёзы.

Иногда в древесине берёзы происходит нечто странное, и до сих пор необъясненное; волокна древесины не располагаются правильно, но идут, изгибаясь и перепутываясь самым разнообразным способом. Это так называемая карельская береза, древесина которой, именно благодаря перепутанным волокнам, во-первых, красива в полировке, во-вторых, прочна. Перепутаны волокна древесины и в тех наростах на стволах берёзы, которые так часто встречаются на этом дереве. Эти наросты называются капом или выплавком и обладают свойствами карельской берёзы. Встречаются среди берёз уникальные экземпляры. Профессор Д. Кайгородов в книге “Чернолесье” сообщает о замечательной берёзе в Костромской губернии: “Дерево это невысоко над землёй разделялось на 18 больших сучьев, имевших как бы 84 отдельных вершины, а в прежние времена имело 133 вершины, но ветер уменьшил их число. Дерево это имело в объёме у комля более одной сажени”. Но это было в прошлом веке.

Берёза на нашей холодной Вологодчине - это перво-наперво дрова берёзовые, самые жаркие. Край лесной, но хороший березник около деревень давно вырублен, приходится ездить за хорошими дровами за несколько километров от дома. Сокрушались деревенские старушки: “Раньше-то было: свалишь берёзу на дрова - она вершиной прямо в ограду падает. А теперь-то надо за березовыми дровами три километра ехать. Есть деревни, в которых и сейчас берёзовые дрова роскошь. А для бани, без которой и не помыслишь наш север, дрова берёзовые нужны непременно. И не только для парильного жара. Его-то в крошечной баньке можно и осиновыми дровами нагнать. Берёзовые нужны для особой духовитости бани, прозрачной, незаметной. Для овина, без которого до появления комбайнов ни о какой молотье и мечтать-то было нечего, дровяной запах имеет меньшее значение, но ему для сушки отсыревших снопов жар подавай. И только берёзовые дрова тут не подведут. Причем поленья для костра под овином в два раза длиннее, чем для русской печи, да и кололись покрупнее, потолще - жара побольше.

Сейчас в лесах около наших вологодский деревень редко можно увидеть привычный недавно пейзаж — поленницы березовых дров, заготовленные ранней весной в относительное затишье крестьянских забот - до страды весеннего сева. Раньше эти поленницы вывозили из лесу на санях по первопутку. Нынче на машине и тракторе удобнее везти дрова в кряжах. Поленницы в лесах, как и лошади в конюшнях, встречаются все реже и реже.

Сотни лет берёза не только отапливала дома северян, но и освещала крестьянские избы.

Свещец с лучиной имелся у каждого деревенского хозяина. В безкеросинные годы войны и в первые послевоенные лучина снова вспыхнула во

многих избах. Для лучины выбирали лучшие, без сучков, березовые поленья. Счищали с них не только бересту, но и всю кору - скорее и лучше высыхает. Сушили в русских печах. А потом толстым ножом щепали эти сухие-пересухие поленья на плоские тонкие, но широкие (2-6 см) пластинки-лучинки. Горят они хорошо и ярко.

Нынче многим надо объяснять устройство светца и профессиональные секреты осветителя, постоянно находившегося возле светца.

Было так. Железный свещец, выкованный в своей деревенской кузнице, мог быть самой разной, даже весьма причудливой формы. В него можно было вставлять много лучин сразу. И получалось что-то вроде люстры лучинной.

Самый простой свещец - это расщепленный на четыре дольки железный ломик. В него для непрерывного горения вставлялось только две лучинки - горящая и догорающий огарок. Одна кончается, другую поджигают от неё и вставляют.

Лучина в свещец вставляется горизонтально и чуть наклонно. Огонек сам перебирается медленно, но весьма охотно по нижней кромке, которая потоньше - как лезвие ножа. Бывает, что, огонек побежит слишком стремительно и лучина загорится очень сильно, а может сразу и вся вспыхнуть. Но стоит приподнять немного горящий конец - горение замедлится. Бывает и наоборот - огонек не хочет бежать по нижней кромке - надо резко наклонить лучинку вниз, а если и это не поможет, то маленькой лучинкой поджечь еще раз лучинку снизу. Вот почему у светца всегда должен сидеть караульщик. Обычно эту роль выполняли подростки и старухи. Взрослые при свете лучины занимались каждый своим делом. Женщины сидели за прялкой. Мужчины плели или чинили неноские лапти, да вили массу веревок из липы для разных хозяйственных надобностей.

Железный свещец вбивается в деревянный держатель, вставленный в - квадратное отверстие. Корыто стояло на ножках. В корыто наливалась вода. Угольки, отгорая, с шипеньем падали в воду и не давали больше дыма. Туда же бросали и тлеющие огарки. Чтоб лучина горела ярче, не дожидались, пока уголек сам упадет в корыто, а его легонько сбивали лучиной же, и тогда пламя горело и на конце, а где был уголек - получался небольшой факел.

И хоть лучина и воспета в народных песнях - освещение это надоедливое, неяркое, и не ровное по сравнению далее с керосиновой

лампой. А главное, к концу вечера даже в привыкших к лучине глазах начинается резь от едкого дыма. Вечёрки, или, как у нас говорят, беседки, девушек и парней тоже проходили при свете лучины. Сидели допоздна и лучины заранее щипали много - сразу горело несколько лучин. Ведь девушки, рассевшись по всем лавкам, работали - пряли, а парни плели лапти. Надо было осветить хорошо всю комнату. Вот уж тут под конец вечера, сколько не открывай дверь - дым глаза ест. Праздничные игрища, в Рождество, Новый год, Крещение, Масленицу старались проводить без лучины. Даже в самые трудные годы где-то добывали керосину, и одна лампа под потолком освещала избу.

Берёзовые угли не стреляют - при горении, их жаровые качества вне конкуренции - вот почему они использовались в горнах сельских кузниц. Угля для кузниц требовалось немало. Берёзовый уголь жгли в специальных ямах. В яму бросали сухие берёзовые дрова - целыми плахами, поджигали их и как только дрова прогорали, забрасывали яму землёй. Дрова дотлевали без доступа воздуха и превращались в угли. У нас за Скорчковом у речки Султанихи до сих пор сохранились осыпавшиеся ямы, в которых заготавливали берёзовые угли. Говорят, нынче опять возобновили их заготовку.

После дров берёза шла на изготовление санных полозьев. Полозья - и для простых дровней, и для подсанок, и для розвальней, и для праздничных расписных кошевок гнули из берёзы. Вытесывают прямой брус в виде грубого полоза. На переднем конце его делают неглубокие запилы пилой. Эти концы распаривают в построенных для этого временных печках - прямо на улице. Распаренные, размяченные концы загибают на специальных деревянных станках, сделанных по форме будущего полоза. Изгиб для дровней мог быть и не очень крутым, а вот для полоза небольшой кошевки, напоминающего лебединую шею, и изгиб соответственный - гордый и изящный.

Загибали полозья, забивая в дырки между изгибом полоза, вплотную к нему, круглые берёзовые заклепки - в специальные дырки на стене. Просто и остроумно. Гнули полозья, конечно, несколько мужиков собственной силищей. Полоз оставляли прямо в стене. В таком согнутом виде он и засыхал. Полозья заготавливали впрямь на несколько лет, чтоб каждый год не возиться с распаркой да строительством печки. Для сохранности, конечно, загнутый конец полоза притягивали черемуховой вицей к не загнутому концу - это чтоб от влажности воздуха полоз не распрямился.

Сухие полозья подвергаются плотницкой обработке, оснащаются всеми деталями, и новые сани готовы скользить по снегу.

Точно так же делали полозья и для больших санок, предназначенных для перевозки тяжестей, и полозья для юрких масленичных и для детских санок. Их гнули на небольших станках, а распаривали прямо

в русской печи. Остались у нас ещё саночные мастера. Два года назад я купил чудесную кошевку. У меня зять Александр Викторович (казак по духу и рождению) держит в Череповце лошадь Ласточку. Расписная кошевка удивляет череповчан, восхищает знатоков. От любителей прокатиться на ней - отбоя нет.

Обод для колеса делался тоже из берёзы. Сверху он обивался железным обручем. Ободья гнули тоже распаренными. Но станок в отличие от станка для полоза, естественно, был круглый. Гак же, как и полозья, ободья гнули впрок, и они необделанными, громадными связанными кольцами валялись в сараях.

Не только обод, но и точеные втулки колес и спицы - все было из берёзы. Оси тоже были берёзовые. Правда, у тарантасов оси были всегда железные. А вот толстые деревянные подушки, на которых вращается передняя ось у двуколок, и у тарантаса были из берёзы. Рессоры тарантаса - это пружинистые берёзовые жердочки, заготовленные в определенное время года - в самый сок, т.е. в конце мая, в июне, и высушенные без коры

Так что все средства передвижения были, как у нас говорили, “на деревянном ходу”, хотя справедливее бы было сказать - на “берёзовом ходу”. Если крестьянин не жалел железа на ось, то повозка так и называлась “на железном ходу”. На ней можно было по нашим дорогам ездить более смело и везти больше груза, но такие повозки были большой редкостью. Да и тарантасы-то на железном ходу были только у тех, кто побогаче. В колхозе был всегда один тарантас - для поездок председателя в сельсовет и в район.

В школе мы долгие годы держали лошадь. Был чудесный тарантас. Я очень любил эти неспешные поездки в нетряском тарантасе и по служебным делам, и к родителям в деревню.

* * *

Лыжи делались тоже из берёзы. Заготовки для лыж плотно связывали попарно - накрепко в двух местах, сзади почти вплотную к концам, а спереди перевязка отступала от концов сантиметров на 40. Этот конец распаривали в русской печке и забивали между лыжами клинья. В расклиненные концы вставляли поперечную распорку и оставляли лыжи на просушку или сушили вместе с клиньями в русской печке. Высушенные заготовки тщательно просушивали и обрабатывали.

В Великую Отечественную войну у нас в деревне Скочково для многих подростков делал лыжи Поникаров Павел Кузьмич, мой родственник по бабушке. Конечно, не “пластик”, но вырубали деревенских пацанов.

* * *

В войну наши девушки и немногие мужчины-сплавщики выполняли ответственное военное задание. По пояс в снегу бродили девушки по

лесу, выискивая хорошие, без гнили берёзы, срубали их. Лошадьми на волокушах вывозили к дороге. Весной их отправляли вниз по реке не моём - сырая берёза потонет. Берёзу ждали фанерные заводы - фанеры в войну требовалось очень много, ведь она употреблялась в конструкциях самолетов. Из фанеры делали макеты самолетов для ложных аэродромов и фанерные танки с целью дезинформации противника. А сколько требовалось фанеры для патронных ящиков и всяких других нужд.

Весной в половодье на реках плотили плоты. Из лесу привозили сухостойные ели. По несколько сухих еловых бревен вплачивали в каждую плотину. И вот тут-то, при сплотке, береза выявляла себя еще раз.

На поляне, заросшей непроходимой чащобой мелких березок, вырубали несметное количество их. Длина этих березок метра три, а толщина в комле сантиметра два. Эти длинные и тонюсенькие березки, выросшие в страшном утеснении друг от друга, называются вицы. На дереве делали затесину и захлестывали в нее самую вершинку этой несуковатой вицы. На комель надевали восьмеркой кожаное кольцо, а в него поперек вицы - палку. Начинали вращать эту палку и вица с вершинки начинала от вращения скручиваться. Чтоб не перекрутить ее, все время ходили, не останавливаясь, вокруг дерева или столба, обвивая его кольцами мягкой, перекрученной березки. Вица перекручивалась легко, только при скручивании комля приходилось прилагать усилие немалое. Возами возили эти берёзовые вицы к месту сплотки. Плотовщики скатывали на воду два берёзовых бревна, клали поперек на концы их две нетолстые сырые еловые пожилыны - длиной в будущую ширину оплотины - обычно метров 5-6. Из двух берёзовых виц, сложенных комлем, к вершине скручивали кольцо. Его надевали на выступающие за пожилыну внутрь плота и в образовавшуюся петлю забивали под пожилыну березовой колотушкой громадный берёзовый клин. И чем больше забиваешь этот клин, тем плотнее притягиваются бревна к пожилыне. Просто и мудро. Бревна намертво прижимались к пожилыне, и так далее - по два бревна притягивали к пожилыне берёзовыми вицами. Иногда вместо сырой березы брали еловую сухару - для плаву.

Сам чал-канат, которым на ночь прикрепляли, причаливали к берегу плот, делали из тех же берёзовых виц. Правда, толщины внушительной.

И надобно видеть, как лежит на хвостовой оплотине эта гигантская берёзовая змея, свитая громадными кольцами... Один конец этой змеи прикреплен к хвостовой оплотине, а к другому привязан деревянный рач - деревянный заостренный якорь с одним крепким сучком.

Вырубался рач тоже из берёзы.

В сумерках подруливали хвостовую оплотину к берегу. Самый бойкий и сильный плотогон хватал рач и выпрыгивал на берег. Течение уносило плот. Громадная берёзовая змея начинала раскручиваться. И когда она полностью скрутилась, плотогон начинал медленно заостренным концом

рача пахать землю. Громадная сила плота все глубже уводила рач в землю. И, наконец, уменьше плотогона вознаграждено - плот, вогнав рач на метровую глубину, останавливался.

Умение плотогона требуется немалое. Надо не просто определить грунт берега - песок не удержит рач. Но "пахать" рачом надо под таким наклоном, чтоб не произошло его выпрямления в земле. А тогда уж никакое умение не поможет - рач в глубине земли не повернёшь, не исправишь. Сила, влекущая его - громадна. Бывали вырывы рача из земли столь стремительные, что приводило и к трагедии.

А как же на утро?

Чал рубят? Нет.

Выход был найден старыми плотогонами, как всегда, простой. Выкапывают землю впереди рача лопатой, всё время тонко чувствуя поведение плота, - как он тянет рач. Надо копать медленно и осторожно, сумев вовремя остановиться и дать сигнал плотогонам. А там не зевай, отбрасывай рач в сторону и догоняй плот, вытягивай березовый канат, укладывая его на место.

* * *

Четыре самых главных принадлежности домашнего ткацкого стана делались непременно из берёзы.

Это навой - задний вал, на который навивали нитки основы.

Это пришивица - передний вал, на который навивалось уже готовое полотно. Стан по много месяцев стоял в избе и дерево, естественно, высыхало, раскалывалось. Так вот для большей прочности на раскол на концах навоя и пришивицы оставляли несодранной бересту, и она хорошо предохраняла от раскола.

Из берёзы же были и набелки-ледедки, через которые перекинута бечевки, соединенные с подножками и с нитченицами. Наступая на подножки, бечевки заставляют две нитченицы подниматься вверх и опускаться вниз, разъединяя на зев два слоя основы, чтоб можно было пробросить челнок с утком.

И, наконец, створки берда, уплотняющего ткань и выдерживающие довольно сильный удар о полотно, делались из берёзы.

Были и другие детали стана, которые могли быть тоже из берёзы, но эти четыре делались только из нее.

Жернов ручной мельницы - это берёзовый спил высотой сантиметров 20. Посередине его отверстие, в которое сыпали левой рукой сухое зерно из лукошка. Правой рукой вращали жернов за стоячий деревянный стержень, вбитый у края на верхней стороне жернова. Для того, чтобы жернов не раскололся при высыхании, бересту с него не снимали.

Нижний спил этого берёзового жернова был сплошь забит осколками разбитого поваренного чугуна.

Нижний жернов был каменный. Осколки чугуна, плотно притертые к камню, и размалывали зерно.

Соединял оба жернова широкий пояс из луба липы, а иногда и из бересты. Пояс нужен был для того, чтоб муку не распыливало, и она высыпалась в одно маленькое отверстие между нижним жерновом и поясом.

Ручная мельница была почти в каждой избе. Да её без труда можно было и перенести из дому в дом.

* * *

Дрова пилили на берёзовых козлах.

Берёзовые, часто неколкие дрова кололи при помощи деревянной берёзовой колотушки. Иногда колотушку делали из капа - прочного, никогда не трескавшегося свилевого нароста на березе. Колотушкой колотили по обуху топора, чтоб не сломать стальной топор ударом другого топора, или колотили по сухому берёзовому клину.

* * *

Из берёзового полена вытачивали красивые веретена для пряж. Вытачивали их на скромном самодельном токарном станке, вращая свободно закрепленную между стойками станка болванку-заготовку. Иногда веретена раскрашивали. Кроме веретен на токарном станке вытачивали из березы солонки, ложки. Длинную и громадную, ложку-черпалку пивовары делали только из капа. Тут был расчет на другое свойство капа. На ложку клали большие раскаленные докрасна камни, а кап очень плотен и трудно поддается горению. Из капа вырезали иногда и миски кухонные.

* * *

О вениках-голиках можно много писать, но о банном венике и поэму сложить можно. В древнейшей летописи "Повести временных лет" рассказывается о легендарном путешествии в Новгородскую землю ученика Иисуса Христа Апостола Андрея (Андрей Первозванный). В летописи отмечено его большое удивление - новгородцы, моясь в банях, почему-то сами себя хлещут прутьями.

На протяжении столетий душистый берёзовый веник был и остается лучшим русским лекарем. Веник делается не из всякой березы. Её в народе называют "чистохой". Листья у неё глянцевитые, крупные, цвета темнозеленого, а у берёзы бородавчатой листья шероховатые и гораздо светлее. У чистохи на веточках в местах развилок нет бугорков (бородавок), которые весьма больно бьют по распаренной коже. Из чистохи веник мягкий, нежный и ласковый.

Сено к стогу носили обычно на носилках - двух длинных обструганных жердях. Но иногда подтаскивали сено к стогу и на волокушах, запряженных лошадей. Для этого не надо никакой повозки. Да ни одна из повозок по ямам, бочажинам, колдобинам, по кочкам и не проедет. Просто вырубали две молодые кудрявые берёзки. Ветки очищали.

Стволы берёзок служили оглоблями, а на ветки накидывали копну сена. Ветки удерживали на себе сено, пока лошадь тащила его к стогу.

И переметы через стог, чтоб ветер не поднял сено, делали из двух берёзок, связав их вершинками и перебросив через стог. Можно, конечно, ивовые или черемуховые делать, но они и реже растут, да и лягут на стог неровно, а берёза с её удивительными расположениями ветвей плотно прижмется к крыше стога.

Вилы-гройчатки деревянные делали тоже из крепко сросшихся берёзовых сучков.

Самый главный химический продукт, который получали из берёзы - деготь. Деготь гнали в каждой деревне - примитивным, но оригинальным способом.

В крутой низкой горке вырывали квадратную пещерку-печь довольно внушительных размеров - метра два в ширину, высоту и глубину. А под ней вырывали в земле печку, которая соединялась отверстием-дымоходом с верхней печью.

Драли в лесу бересто громадными полотнищами - скалье. Загружали этим скальем пещерку и замазывали ее отверстие слоем из глины. А в противоположной от дымохода стороне на уровне пола пещерки вмазывали для стекания дегтя трубу или просто оставляли дырку - леток. В поду верхней печи делали канавку. Разводили в нижней топке огонь. Дым и жар через дымоход проникали в верхнюю печь и бересто без доступа воздуха не горело, а сначала чернело, потом выделяло жидкий деготь, который струйкой тек в ведро или прямо в бочку. Чистый деготь ценится высоко в народе, как лекарство. Опарил мужик ноги в сенокос - лучшее лекарство деготь из березового корня. Я проникнут глубоким уважением к целительному свойству дегтя. В войну моя сестра обварила себе шею и спину кипящим молоком. В больнице, куда возила ее мама, рукой махнули: "Помрет девочка, не вылечить". А вот бабушка Христина Прокопьевна, царство ей небесное! - вылечила чистым дегтем мою сестру. Да и меня бабушка вылечила этим же народным целительным лекарством. От смерти спасла. Но об этом рассказ особый. Нельзя путать чистый деготь из берёзового корня с дегтем из сосновых смолистых пеньков и кореньев.

Дегтем смазывали кожаные сапоги и ботинки женские - для праздничного глянца и для смягчения кожи - "для сносу".

Кожаные, особенно "работающие" части сбруи - гужи, чересседельник, шлею - для смягчения и крепости на разрыв тоже смазывали дегтем. Деготь использовали как черную краску при строительстве домов, нумеруя венцы сруба. Ну, а вымазать дегтем ворота дома, где живет девушка, это уж крайне ослабить её. Но в деревенской истории случая такого не было. Я имею в виду нашу деревню Скочково.

Большим мастером смолокурения слыл в послевоенные годы в Скорчове Иван Дмитриевич Горчаков, брат моей матери. Следы его завода по изготовлению дегтя и смолы сохранились до наших дней на развилке дорог в Кудангу и Дворище на берегу речки Суборная.

Знаменитая ныне берёзовая чага, настой которой пьют при заболевании раком, у нас по этому назначению не употреблялась.

Зато чага была незаменима при добывании огня...

Вырубали нарост чаги из березы. Очищали ее от верхнего черного и плотного слоя, оставляли желтую мягковатую сердцевину и просушивали её в печке. Откулапашешь ногтем маленький кусочек чаги, приложишь к краю плоского камня-кременя, ударишь по камню стальным кресалом, а то и просто старым напильником, и полетят искры. На чаге появляется черная, словно горошинка, точка. Значит, искра, как у нас говорят, "присталала". Чага начинает тлеть. Раздувай и прикуривай. Но чтоб добыть огонь, надо к кусочку тлеющей чаги приложить сухие древесные угли и раздувать, не жалея легких. А к раскаленным углям приложить тоненькую сухую березовую или еловую лучинку - и она вспыхнет.

Кресала делали и закаляли в деревенской кузнице. Впрочем, для этого служил любой кусок стали, да и просто железа.

В войну, когда спичек не было, у каждой хозяйки на запечке лежали кремень, кресало и кусочки чаги. Угли всегда найдутся в загнетке печи. У каждого курильщика в кيسете тоже были кремень, кресало и чага.

* * *

Жевательную резинку ныне знает каждый. Жуют её все. Видел по телевизору, даже генерал на военных учениях что-то жуёт. Ясное дело - резинку! В старину тоже модно было жевать сушеную репу и жвачку из берёзового корья. Весь завод - это простой печной горшок небольшого размера. Очищенное с обеих сторон бересто - его белый слой - клали в горшок, плотно закрывали, даже замазывали глиной. И ставили в печь. Получалась густая, белая масса, которую так любили жевать ребяташки, девушки и бабы на посиделках.

Мы, школьники военной поры, по весне собирали березовые почки, сушили и сдавали в сельпо. Даже специальные задания были - собрать по 3-4 стакана почек.

* * *

Бересто, или березовое скалье на крыши домов драли в июне месяце, в самую соковую пору. Надрезанное бересто тогда само, почти без усилий, буквально отскакивает от коры, даже с легким треском. Скалье драли только со стоячих, растущих берез. А чтоб скалина была подлиннее, к палке привязывали короткий толстый нож, которым и удавалось высоко по дереву разрезать бересто.

Вспомним об удивительных свойствах береста;

- не пропускает влагу,

- не гниет (Новгородские грамоты пролежали в сырой земле 800 лет),
- легкое, как пробка,
- прекрасно горит,
- плохо проводит тепло,
- гибкое,
- эластичное,
- красивое по фактуре,
- не имеет неприятного запаха,
- не отпотекает,
- обладает антибактериальными свойствами.

Северяне умело использовали бересту в строительстве и в быту. Берестом, как сейчас толем, обертывали столбы, чтоб они подольше не гнили в земле.

Бересту подкладывали под первый венец дома, чтоб предохранить нижнее бревно от сырости и гниения.

Если наружная труба печи, что над крышей, делалась из сырого, необожженного кирпича, ее тоже обертывали берестом от дождя и снега.

Из береста можно, умеючи, за несколько минут смастерить легкую, прекрасную корзину. Когда всей семьей шли за ягодами с одной-двумя корзинами, то никогда не брали с собой никаких кружек - зачем таскаться с ними. А прямо в лесу делали из береста по маленькой набирушке. У холодных ключей на дорогах и тропинках всегда можно видеть лежавшую берестяную черпалочку на черенке, чтоб любой прохожий мог без труда напиться. На крутом спуске к речке Куданге у бывшей мельницы бойко бьется Дормидонтов ключ. Не зарастает к нему тропа. Мельницы нет - разрушена. Зато на горе устроено сельское кладбище, на котором тесно от могил и крестов. В "поминальные" дни на кладбище бывает много людей. Все идут на ключик, пьют "святую" воду из берестяной черпалки, по-деревенски - "пилица".

Из сваренных в кипятке обрезков при отделке березовых лык, а еще лучше из старых просушенных березовых лаптей получаются прекрасные факелы.

Мне приходилось ходить пешком в 5 класс из пос. Высокинского лесопункта до Завражья, в 6-7 классы - из Скокоча через Дворище в Пермас, а это в обоих случаях по 12 километров.

В годы учебы в педучилище (это в начале 50-х годов) ходил пешком из Куданги в Никольск через Упиралово, Осиново, а это более 30 километров.

В понедельник в школу отправлялись глубокой ночью, а из Куданги - и с вечера, нужда заставляла ходить из школы домой каждую неделю. Хлеб, картошку, другие небогатые припасы носили на себе в березовых пестерях за спиной. В темную глухую ночь на таежной дороге выручал горящий факел из бересты.

Еще в субботу договаривались, кто и сколько старых лаптей припасет для факела. Обрезки березовых лык, свернувшиеся в горячей воде в громадную мочалку - незаменимый вехоть для мытья некрашенных полов. Мокрый пол посыпали дресвой (мелко искрошенным камнем-песчаником). Хозяйка драила пол с дресвой этим упругим вехтем до чистоты необыкновенной. До сих пор с удивлением и восхищением вспоминаю любовное отношение многих деревенских хозяек к устройству уюта в крестьянских избах. Чистота потолка, стен, полов, лавок, столов поражала.

* * *

Любопытное употребление береста при ремонте разбитых оконных стекол. На разбитом стыке в нескольких местах с обеих сторон накладывали кружочки береста величиной с пятак и сшивали сквозь щель нитками. Стекло восстановлено. А главное - и при ветре не дребезжит - береста ведь гибка, эластична, но и в то же время упруга.

* * *

Из легкого, упругого, водонепроницаемого береста можно смастерить многое. В каждой избе были солонки, сплетенные из березовых лык. Пробку делали всегда из сухого липового дерева, Липа - плохой проводник влаги и не дает посторонних запахов. Соль же имеет свойства впитывать влагу. В берестяной солонке соль долго сохраняется сухой, даже во влажном воздухе. Их всегда брали и на дальние крестьянские работы, на охоту, в дорогу.

* * *

Специально для хранения веретен (пустых и с пряжей) выплетали корзинку, которая напоминала громадный лапоть - только с прямым квадратным носком. Эту корзинку у нас называли - веретенница. В этнографической литературе она обычно называется мочесница - от слова мочка - определенное количество нитей пряжи. Слово мочка у нас тоже бытует, но веретенница осталась веретенницей.

* * *

Вершина употребления цельного береста - знаменитый туес, у нас еще называют и бурак.

В самый сок - в начале июня - рубят березу. Выбирают на ней абсолютно гладкое место - без единого сучка, без единой коросты. У вершины гладкого места березу перепиливают или перерубают, а на другом конце обрубка снимают поясok береста вместе с корой, оставляя голый ствол. Со стороны спила вгоняют под кору (не под бересто) тонкие прочные плоские палочки, обычно тоже из сухой березы. Между корой и стволом образуется незаметный на глаз разрыв. Кора легко снимается со ствола вместе с берестом. Затем кора вытряхивается из береста. Изготовить туес просто. Сейчас об этом много пишут в изданиях "Сделай сам". Туес с молоком или квасом

брали с собой косари и жницы. В тени куста или под сулоном молоко в туесе не закисло весь жаркий день.

* * *

О плетении лаптей я рассказал особо. Книга “Сказ о русском лапте” вызвала определенный интерес у читателя. Сейчас хочу рассказать о постоянном спутнике нашего военного и послевоенного детства и юности - о пестере. Да, пестерь вологодский - вечный труженик. Сколько он перенес поклажи, сколько вынес из лесов грибов и ягод, сколько натер мужицких плеч. Обычная картина сороковых-пятидесятых годов: школьники бегут в школу ранним утром в понедельник. У каждого за плечами пестерь с нехитрой едой на неделю.

Пестерь - это берестяной заплечный рюкзак. Плели пестери самых разных размеров - от маленького детского до громадного грибного пестеря, ведер на пять груздей. Обычный же пестерь - два ведра грибов или ягод.

Дно, стенки и крышка пестеря выплетаются одновременно из одних и тех же лык. Начинают выплетать с днища. Для большого пестеря, естественно, лыки требуются изрядной длины. Крышка пестеря выплетается в виде карманной захлестни и прикрепляется при закрытии обычной замоткой вокруг вставленного в одну из центральных клеток на передней стенке деревянной планки.

Лямки пестеря выплетали тоже из березовых лык, в виде девичьей косы. Или несколько сложенных вместе лык скручивали кругом еще одним лыком. Привязывали же лямки к пестерю более прочными липовыми веревочками за небольшие поперечные палочки внутри пестеря.

Чтобы грибы и ягоды в нем не мялись, особенно, когда пестерь тяжелел, делается очень простое приспособление - выламывают палочки и ставят внутрь пестеря в виде распорки.

Пестерь берестяной очень легок. Пустой пестерь на плечах не чувствуешь. Пестерь есть и сейчас в каждой сельской семье. Висят они и в городских квартирах, как напоминание о русской деревне.

Вот такой длинный рассказ получился о березе.

Г. ГОРЧАКОВ.

На «игрищи» - в Блудново

Деревенские игрища начинались зимой, около Рождества, и проходили, как и храмовые праздники летом, в каждой ценящей свое достоинство деревне, в которой жили не менее 5-6 девок и парней.

Готовились к ним загодя, все велось по составленному за многие годы расписанию. И этот режим не менялся; в Блуднове - накануне Рождества, в Скоцкове - в Рождество, в Пермесе - на Святках.

Собирались семьями. Бабушка моя, Христина Прокопьевна, умершая в годы войны, рассказывала об этих праздниках мне. Я ходил тогда в начальную школу, телевидения, радио, газет, разумеется, не было, одна информация шла от дедушек и бабушек. Мама уставала на колхозной работе, дома ждали ее четыре «рта». Тут не до рассказов.

Бабушка вспоминала:

- Любила ездить на игрища в Блудново. Там и родня была богатая, люди приветливые. Собирались в гости, как на работу. Кто за чем. Тятя - пивца попить, это уж неделю-то ему отдай, мама подружек проведать, посудачить, показаться самой, нас, девок, показать. А мы только этими праздниками и жили. Тятя и мама строгие были. У них все работа да работа. А тут вырвешься в люди, радости-то, песен да пляски - сколько душа выможет. Мама и тут задание дает; без дела на беседу не ходи, возьми с собой прялку да добрый клубок пряжи наряди. И отчитайся. Ну, я не спорю, а у бабушки, которая худо видела, украду клубочков пяток, мне и хватит. Мама-то меня хвалит в чужих людях: «Работница растет! Вся в меня». А бабка все на кошку валит: «Опять, проклятая, пряжу по углам раскатала». Хотя, наверное, обо всем давно догадалась, меня не выдает.

Избу в деревне нанимали самую просторную, мыли потолки, стены, пол, белили печь, самые узорчатые половики стелили на пол; убирали светец и лучину, лампу брали на прокат у богатых или грамотных (чаще у учителей) людей. Ни какую-то семилинейку, а обязательно двенадцатилинейную, заправляли керосином, чистили стекло, весили на потолок на середину избы и ждали гостей. Одевались напоказ. Где, как не на этих беседах-игрищах, и показать себя! Девушки надевали до десятка юбок, чтобы видели все, какое богатое приданое готовится в семье за девку. Недаром в частушке пелось:

Супостаточку не красит

Новенькая парочка.

Из-под юбки юбку видно,

Подтяни, товарочка.

Девушки сидели на лавках с прялками, парни играли в карты у печи, или лузгали семечки, собравшись группой.

Под полатями - бабы, их-то больше, чем девок. Они не стесняются, громко говорят; «Валька Олешки Кузькина самая баская. Парочка-то на ней, небось, самой Олешихи еще» - «Да что-ты! - возразили ей сразу двое, трое: Тонька Мишки Петрухина басше!».

Девочки-недоростки и мальчишки-подростки на полатях и на печи. Столько их набилось - не сосчитать. В глазах сплошное любопытство: тут вся наука на будущее.

- Печь проломите, - беспокоится хозяйка..

«Вдруг все стихли. Послышался звон колокольчиков под дугой, кто-

то на улице громко крикнул: «Гпр-р-у!», в сенях послышался шум, веселые голоса, громко заиграла гармонь, распахнулась дверь и вместе с морозными клубами пара в избу ввалилась молодежь, ну, скажем, из Дворища.

«Здорово, крещеные» - приветствовали прибывшие. Девушки обязательно вставали с лавок и, не выпуская из рук пряжи, кланялись гостям. Парни здоровались за руку. Ни вина, ни пива не подавали. Курящих были единицы. Поэтому «входной» была песня и пляска. После взаимных добрых шуток на круг выходил самый авторитетный, называли - «первый» парень из деревни.

Будет день - будет нам

И вода и пища.

Разрешите поплясать

Санку из Дворища!

Как тут не разрешить?!

Показали себя - и хватит. Вон на улице гармонь заливается, парни из Кожаева, наверное, приехали. Эти - форсуны. Они из саней еще загодя до деревни вылезли, чтобы ноги размять - далеко ехали. Хотя бы кумбисерских в первый вечер не было: эти драчливые.

Мир да лад. Отогрелись парни, девушки прибрались, все отыскивали свои места. Лавки вон какие длинные, да и мода была парням сидеть у девушек на коленях. Тут уж прялки в угол.

«Первая пара, бегай!» - понеслась команда заводилы. Началась кадрили. В Никольской кадрили было до десятка колен, за первым шло второе, за вторым - третье. Сначала степенные, потом - веселые, с переплясом, с частушками. Много было частушек про «дроллю», про любовь и верную, и неверную, про супостатку. Были шуточные.

На беседки провожал

Тятка - три копейки дал:

«Две копейки профорси,

Копейку сдачи принеси!»

Но больше пелось про любовь. Ведь состоялась первая после летних праздников встреча с любимой.

«Игрищами» эти зимние беседы называли потому, что на них не только плясали и пели, но играли. Те игры мы забыли, а в них было и озорство, и минуты уединения с любимым человеком, где-то на узкой скамеечке за печкой, ровно столько, чтобы сказать друг другу два-три слова, да поцеловаться. Тут желающих много, у печки очередь.

Обычно в первый вечер на игрищах парни не дрались. Блюда честь и гостеприимство, местные парни и девушки не посылали приглашений драчунам. Ну, а кто «срывался» на драку и портил веселый праздник, тот получал страшный нагоняй от своих.

Бывало, в дом, где гостевали старшие, вдруг врывается девка из

родственников и кричала: «Тятя, Гришка на беседках дерется, новая рубаха вся изодрана на ленточки».

«Ах, я ему...» - срывается батько из-за стола.

Но не думайте, что все тумаки и оплеухи одному Гришке доставались, нет - перепадало изрядно и тому, кто порвал Гришкину рубаху на ленты.

Мир воцарялся быстро. Участковых милиционеров тогда не было, протоколов никто не составлял. Сняжки заживали дома.

Игрища длились в одной деревне до трех и более дней. Это были к тому же общественные смотрины женихов и невест, а в этом деле спешить не следует.

Расходились с беседок за полночь. На улице мороз, долго не «надролишься», это не летом, щупаться некогда, раз-два поцеловался, тиснул свою «матаню» в платке и полушубке - и по избам, до следующего вечера.

Г. ГОРЧАКОВ.

Слева направо: Поникаров Василий Владимирович, жена - Нина Андреевна, дети: Валя, Рая, Толя; Поникарова Мария Андреевна, внук Геннадий; Горчакова Александра Ивановна; Горчакова Анна Васильевна (бабушка); Коноплева Нина Александровна; Поникарова Клавдия Ильинична; Игумнова Ольга Ивановна; Поникарова Алефтина Прокопьевна; Игумнов Василий Степанович.

(Снимок сделан в 1965 году в д. Скочково А.Я. Яшиным)

Годы молодые

Вот мы вырастем большие
Повстречаемся потом
И про годы молодые
Сразу вспомним обо всем.
Эх вы, годы, молодые годы,
Годы вольной жизни и свободы!
Как вас не ценить, как вас не любить!
Разве можно годы юности забыть!
Вспомним то, как вместе жили,
Вспомним искренних друзей,
Вспомним то, как мы дружили,
Вспомним прелесть этих дней.
Эх вы годы, молодые годы,
Годы вольной жизни и свободы!
Как вас не ценить, как вас не любить!
Разве можно годы юности забыть!
Будет опыт за плечами,
Будем много, много знать,
А о юности с годами
Будем чаще вспоминать.
Эх вы годы, молодые годы,
Годы вольной жизни и свободы!
Как вас не ценить, как вас не любить!
Разве можно годы юности забыть!

*28 декабря 1952 года
г. Никольск, IV «б» курс.*

**С другом Поникаровым
Михаилом Владимировичем**

Пестун

Там, где речка Сосновка впадает в Юг, есть чудесное плесо, глубокое и спокойное. Правый берег реки в этом месте высокий, обрывистый, с золотой шапкой молодого соснового бора, а левый - низкий, густо порос ивняком и ольхой. У левого берега на воде плавают зеленые листья кувшинок, и вода здесь кажется темнее и холоднее, чем у правого берега. В устье Сосновки хорошо берут окуни, а если закинуть крючок с хорошей насадкой дальше листьев кувшинок, то и голавли. И окуни, и голавли - рыба храбрая, ловить их одно удовольствие.

Это речное плесо и красоту высоко поднявшегося над водою молодого кудрявого бора любил ревностно не я один.

Елисей Пракопьевич Березин никогда не носил с собой удочек. Высокий, седой, бородатый,

в неизменной телогрейке, он приходил ранним утром из деревни Боровица к устью речки Сосновки, где я часто удил рыбу.

- Ловится? - обычно спрашивал он, ответив, на мое приветствие.

- На уху уже есть,- отвечал я иногда с гордостью, если ловилось хорошо, иногда со злостью оттого, что старик опять стал свидетелем моей неудачи, но Елисей Прокопьевич всегда доверчиво удивлялся:

- Смотри-ка, не перевелась, знать, рыбка.

- Не перевелась, дедушка.

- А чего ж ты вчера не был? Утро-то какое было; весь бор в реке плавал.

- Некогда было. Работа.

- Это верно. Работа पहले всего. Как же. А кем служишь-то?

- Учителем работаю.

- Святое дело людей добру учить. А меня вот в школе не учили, сам выучился читать и писать.

Один раз дед был особенно откровенен. Подсев ко мне рядом, Елисей Прокопьевич после обычного «ловится?» сказал доверительно:

- Вчера в деревню сам секретарь райкома приезжал. Уважительный мужик. О пенсии выспрашивал, как живу, интересовался. А потом говорит: «За что тебя, дед, в деревне пестуном зовут?» Я рассказываю, а он записывает все, в газете хочет пропечатать. Ты ведь, наверно, знаешь секретаря-то, выдаешь в города-то. Скажи, чтоб не печатали, тут не только в своей, деревне, а и, в районе-то мне выхода не будет. И так пестуном прозвали.

- А за что, дедушка?

- Вот и ты туда же!

- А все же.

- Не за ребят, конечно, хоть внуков у меня чуть не полк наберется.

- Слово, к слову — разговорились мы с Елисеем Прокопьевичем. И хочется его слова восстановить в памяти, записать, хоть в них,

пожалуй, ничего необычного, и нет. Просто разговорился человек.

- К старости чаще и чаще биография вспоминается: как жил, да где был. А вот стань писать - и нечего, одни войны перечисляешь. Я в деревне родился, не учился. Детство деревенское - оно у всех одинаковое: перестал штанины путать - работник. А потом армия. Ростом-то, замечаешь, я не обижен, в гвардию попал, в кавалерию. А там так вымуштровали, так рубить научили, что и сейчас помнится.

После революции в деревне крестьянствовал, потом к Буденному в армию ушел. А потом с белофиннами дрался, а потом - вторая мировая. Да, много войн пройдено, медали тоже не даром давались. А груд мой лесной. В промежутках между - войнами лесорубом работал, хоть и не люблю этого слова. Вот я думаю, заводится какая профессия - к ней сразу слово - название. А лесорубов надо бы как-то по другому назвать, а то будто варвар какой, только и знает, что лес рубить.

И чего ты сидишь на этом месте! Ведь все равно не клюнет.

- Клюнет, говорю я, хоть и очень в этом сомневаюсь. Просто я еще не узнал главного. - А почему вас пестуном-то зовут, Елисей Прокопьевич?

- Пестуном-то... Это все старуха, это ее дело, это она первая по всей деревне славушку пустила. Да, с другой стороны, и не обидно: правда ведь.

А за рекой, зажженный взошедшим солнцем, горел молодой зеленый бор. Нельзя было не замечать его ликующий красоты.

- Красиво за рекой-то. Тут когда-то бор кондовый стоял, мы его на шпалы истесали, а потом вот так, шутя, когда пеньки на смолокурный завод увезли, мы с одним мужиком, Петром Митричем, новый бор посадили. А как бор принялся, будто привязало меня к этому месту. От тогой с бабой брань, что каждое утро сюда бегаю. Будто приучен заговором каким. Все хожу, да борок чищу. А люди-то что говорят: пестун. Особенно старуха. Опять ругаться будет, идти надо. У меня плотик в заводи стоит. Пошли.

Я смотал удочки и пошел с Елисеем Прокопьевичем. Но плот был маленький, только на одного человека, да и утро было на исходе, пора и мне домой.

А старик кричал мне откуда-то из прибрежных зарослей изняка:

- Скажи, не забудь, чтоб про меня в газете не печатали. Один смех будет.

Я выполнил просьбу деда. Заметки о нем в газете не было: факт незначительный.

А зимой Елисей Прокопьевич умер. И как-то пусто и безлюдно, просто одиноко мне было в первую весеннюю рыбалку. Но за рекой зеленел молодой бор. Это казалось сказкой, но это была - жизнь. К счастью, и так

Нам есть за что любить эту землю

Недавняя поездка в Пермас отозвалась гордостью и болью за всю николевскую землю, чудесный и неповторимый наш северный край. Порадовали люди, талантливые и увлеченные учителя Пермасской средней школы, счастливые и любознательные ребята. Горько, оттого что на Пермасской земле за четыре года родилось 22 малыша, а умерло - 77 человек.

Но Пермас живёт. Работают взрослые, учатся дети. Школа хоть и в приспособленном помещении, но уютная, чистая, какая-то добрая.

А ведь всего тридцать лет назад Пермас и окрестные деревни, да и всё Поюжье, ждала печальная судьба. Надумали власти перебросить воды северных рек в Волгу. А один из самых коротких путей переброски - по реке Юг. Мощные насосы погнали бы воду из северных рек вспять, от плотины к плотине, затопляя города деревни, поля, луга, леса. Я разговаривал с инженером-проектировщиком, который тогда долго жил в Никольске, о судьбе нашей земли. «Затопим большую территорию, зато поднимем уровень воды в Каспийском море», - с гордостью говорил инженер. - А воду погоним через Пермас. Там канал всего семь километров надо прорыть. А так самотёком пойдёт вода».

Проект в жизнь не воплотили. Какое это счастье для нас и нашей земли! Мысли естественно увели мою память в глубь истории.

Географическое расположение деревни Пермас очень выгодное: старое поселение расположено на правом высоком берегу Юга, реки северного водного бассейна, но рядом течёт и Ветлуга. А это уже волжский бассейн.

Устюгская земля (так называли когда-то наш край) имеет немалые заслуги в становлении великого Российского государства.

История этой земли начинается с образования в 1147 году в устье реки Юг города Великий Устюг выходцами из Ростово-Суздальской Руси. Удельное княжество Устюгское сначала входило в состав Ростово-Суздальского, затем Владимиро-Суздальского великих княжеств. С присоединением последнего к Москве оно вошло в состав великого княжества Московского.

Устюг был крепостью на важнейшем пути новгородцев по Сухоне. Три с лишним века, вплоть до покорения Новгорода в 1478 году князем московским Иваном III длилось противоборство устюжан с новгородцами.

И Никольская земля была свидетельницей многих драматических событий в этой борьбе. По преданию, новгородский воевода Анфал шёл со своей дружиной через Пермас неизвестной теперь нам дорогой из Новгорода на Устюг, но в местечке около Дунилова был убит. И сейчас не заросла тропинка к предполагаемой могиле воеводы за речкой Андангой.

Многие поколения никольских мужиков пытались найти клад, якобы зарытый около могилы, но всё тщетно. А яма, вырытая искателями клада, и сейчас впечатляет. Если вы любопытны, то на песчаном угоре за речкой Андангой сверните налево. Увиденное не забудете. Следов той дороги на Устюг теперь, конечно, не отыскать, разве что зарастающая Бабья дорога что-то помнит о былых временах. Я предполагаю, что торный путь пролегал от Дунилова на Высокую, затем шёл на Малое Старыгино, а там - к истоку Юга (это уже в Кичменгско-Городецком районе) и далее на один из шести укрепленных городков на реке Юг. Один из таких городков - Осиновец. Эта крепость в 1612 году была разрушена поляками, но до сих пор от неё сохранились земляные укрепления.

Здесь сошлись два потока людей: из Москвы в Новгород и далее на юг и из южных земель в Москву. Недаром в Дунилове самыми распространенными фамилиями до недавнего времени были Московкины и Новгородцевы.

Глубоко ошибаются те люди, которые считают, что наши земли по реке Юг не были благоприятными для земледелия. В XVII веке Устюг был одним из крупнейших в России поставщиков зерна. Наибольшее количество хлеба производили крестьяне Поюжья, где земли к этому времени были освоены лучше, чем по Сухоне и Двине. Хлеб отправляли в Сибирь и за границу. Крестьяне держали много скота. Тагары с Волги закупали в наших никольских деревнях тысячи и тысячи лошадей. Старая лошадь в Никольском уезде даже в XIX веке стоила всего один рубль. Лошадей сгоняли в огромные гурты в район деревень Шолково и Счочково, а затем через Пермас гнали эти стада через Ветлугу и Новгород - в Казань.

Высоким спросом пользовались гуртоправы из деревни Пермас. До сей поры за ними бытует прозвище (не буду называть), на которое они почему-то обижаются.

Жизнь в нашем северном краю во все времена была суровой. Но она формировала особый северный характер, наших предков отличало чувство собственного достоинства, свободолюбие, честность, стойкость, надёжность и отменное здоровье. И воины, и землепроходцы были отличные. Вспомним хотя бы, что на Куликовом поле в центре русского войска стоял Белозерский полк. Все белозерцы (там были наши земляки) погибли в той битве, но не дрогнули, не отступили.

У полководца Александра Суворова любимым был Вологодский полк. Именно он совершил героический переход через Альпы. Историки доказывают, что жители первоначальных русских поселений на Урале и в Сибири - это выходцы из наших северных земель. Из Устюга вышли знаменитые землепроходцы: Семён Дежнёв, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов... Тотемские купцы ходили в Америку.

Вологодские парни и в наше время подтверждают славу предков в рядах российской армии.

В пятидесятые годы я работал в Узбекистане. Вологжан в Средней Азии знают хорошо. И по командарму Белову, который устанавливал советскую власть в Туркестане, и по командующему Туркестанским военным округом генералу Михаилу Казакову, уроженцу Никольского уезда и по другим славным людям. И когда спрашивали: «Откуда ты?», а я отвечал: «Из Вологды!» - всегда звучало восторженно-уважительнее: «О, вологжане. Молодцы!»

Геннадий ГОРЧАКОВ.

Сказ о русском лапте

Вместо предисловия.

Читатель, вероятно, удивится: надо же, в наше трудное время, когда столько забот всяких, автор избрал такую несовременную тему. К чему бы это?

Я, дорогой читатель, вовсе не призываю поставить памятник старому лаптю где-нибудь на тихой улочке Никольска, но глубоко уверен, что мы должны знать и сохранить для будущих поколений все то, что связано с Русью уходящей.

Лапти верно послужили России. Тысячеверстные русские дороги протоптаны людьми в лаптях, в них простолюдины трудились в поле, строили города, ратники выступали в бой за Русь в лаптях да онучах,

Из воспоминаний детства

В детстве я не одну пару лаптей износил. И не стыжусь этого. Стыдиться, не приходилось. В войну самая лучшая обувь была - лапти. Их носили многие.

Дед мой был лапотником не то, чтобы искусным, но усердным. Он часто путался в самом начале дела - в заплетении. Бабка знала слабость деда, и когда он начинал считать:

- Пошли налево - пять, пошли направо... Она обязательно спрашивала;

- Батько, самовар-то ставить?

Дед поднимал голову, снимал с носа очки, ложил спокойно лыка на лавку и говорил:

- Опять под руку сунулась, долготыкая. Разве не видишь, что за окошком день еще. Кто в эту пору самовар ставит?

А потом, подумав, решал:

- Ставь самовар. Завтра схожу к Николу Егорихину (тот слыл лучшим лапотником в деревне) - он заплетет.

Николай Егорович назавтра легко заплетал сразу два левых и два правых лаптя - и тут дело у деда шло, как по маслу, никаким самоваром

его было не соблазнить, пока не выдавал «на-гора» пару новоиспеченных крепких, как свежие грузди, лаптей.

Без лык лапти не сплетишь. Драть лыка с берез - работа не очень тяжелая. Мужики всегда ходили в лес по одному. Но дед один ходить не любил. Это был странный человек. Храбро воевал первую мировую войну, имел георгиевский крест, который хранил за печкой в щели елового бревна. Потом куда-то, к сожалению, «Георгий» исчез. Виною тому, вероятно, многочисленное, драчливое, любознательное потомство. А в лес ходить дед боялся. Даже - за грибами.

За лыками ходили вдвоем. Я - на правах старшего внука. Место было одно - за Бабьим полем. В первые годы войны для увеличения посевных площадей корчевали колхозницы-солдатки подходящие для льна угодия.

Стасканные в огромные кучи сучья, пеньки устрашающе тянули к небу сухие руки, даже птицы не селились в этих местах.

- Горя-то тут сколько, - горестно шептал дед, когда мы проходили по Бабьему полю, - горя-то сколько...

Для меня путешествие с дедом за лыком - большая радость: хоть на несколько часов избавлялся от обязанностей няньки в семье.

Береста дерется легко и быстро в мае, когда на деревьях распускаются клейкие листочки и между корой и берестой двинется сок. Только в весеннюю соковую пору берестяные лыка впрок не заготавливают. Они быстро скручиваются, нежны, желтоваты изнутри.

Лыка для лаптей, лукошек, пестерей, кузовов заготавливали поздней осенью. Сок в ту пору превращался в коричневый налет на бересте. Но осенью она уже не «отскакивает» сама от коры, а поддается только клину, который делают из короткого сухого елового сука, бывало, из бычьего рога, из кости. Железный клин прорезает бересту, захватывает тело березы, тяжело ее ранит.

Надо знать, где драть лыко. Лучшие березы для этого в смешанном лесу, в низинном месте. На солнце береза покрывается частыми черными наростами, лыко на ней становится сухим, ломким, неэластичным. На бывшем пожарище или старой вырубке, на заброшенном поле, деревья вырастают высокими, гладкими, белоствольными. Долго светлюбивая береза тянется вверх, выживает, может, одна из сотни, но зато самая красивая, самая белая, самая стройная. Под тенью таких берез и потянутся потом елочки, которые через десяток-другой лет обгонят их в росте.

Но вот и береза подходящая найдена. Можно срубить ее, подложить на место падения белоствольной красавицы два-три толстых обрубка какого-нибудь бревна, иначе потом березу не поднимешь с земли, так плотно она свяжется с почвой, да и бересто во многих местах от падения лопнет. Если береза упала на подготовленные бревна, тогда

ее всю от комля до сучьев можно ободрать на одно лыко длиной метров на пять-десять. Но это будет уж чисто из спортивного интереса: такой длины лыко нигде не требуется.

Дед берез никогда не срубал, а драл лыка со стоячих деревьев.

- Больно березе-то, дедушка, - говорил я, наблюдая, как дед умело «тянет» лыко.

- Зарастет все, - отвечал дед. - Любая рана на здоровом теле зарастет. Хочешь иметь новые лапти?

- Хочу, - отвечал я.

- Тогда не стони, а помогай.

Помогать - это значит, содранные лыка свивать в большой клуб. Непременно белой стороной наружу, иначе лыко скрутится потом в трубку и пригодится разве только на растопку печи.

Свить лыко надо тоже умеючи. Под мышкой клубок в деревню не погянешь - тяжело, да и засмеют. Тот же Николай Егорович какую-нибудь притчу сочинит. А в деревне любая новость в несколько минут будет известна, да еще с перевертами пересказана.

У каждого клубка делаются отверстия, через них клубки надевают на палки и несут на плече домой, а дома лыка спускают в подполье на влажную землю. Там они не высыхают, лежат всю зиму.

Дед у меня ни шутки, ни обмана не терпел, но после «лыко-драния» он не мог усидеть дома больше часа за самоваром, даже если бабка сахара подаст и крепкий чай заварит.

- Пойдешь для подтверждения, - говорил он мне, быстро надевая полушубок и шапку. Адрес был известен; к Николаю Егоровичу.

- Шесть клубков лык надрал сегодня, - врал дед, ничуть не краснея.

- Да, что ты, бог с тобой, - не верил Николай Егорович. После долгих споров приходили к общему знаменателю

- Так у тебя клин-то какой, - спрашивает Николай Егорович деда.

- Костяной у меня клин, - врал дед. - Я-то знал, что у него клин еловый,

- То-то и оно, - соглашался Николай Егорович. - Вот ты еловым клином надери столько, сколько я домой принес, потом и хвастайся.

Сомнения одолевают Николая Егоровича всю ночь. Он под вечер следующего дня с четырьмя клубами березовых лык на длинной палке через плечо долго кружил около нашего дома. Дед из сеней поглядывал за соперником и недоверчиво бормотал в бороду.

- Неужто, а? Ну, Микола, погоди... Небось весь недельный результат содрал! Ишь ты, кологривец, этакой. Обгоню!

Николай Егорович был выходцем из Кологрива, что за Кемой, на Волге. Дед утром убежал с топором ни свет, ни заря, чтобы обогнать в лыкодрании своего соперника.

Это соревнование имело свою пользу: лык на всю зиму и у деда, и

у Николая Егоровича потом имелось в достатке. Но принести лыка из леса — даже не полдела, а четверть дела. Лыка надо обрезать с обеих сторон острым ножом или обстричь ножницами, а белую сторону тщательно выскоблить, потом в теплую воду для размягчения положить. Дел много. Потом надо лапоть заплести и выковырять.

Заплетать, как говорят, надо каждое лыко в строку. Если просто ковырять как попало, то ни лаптя, ни ступня не получится. Но вот заплели вы лапоть и начинаете ковыряние. Надо сделать так, чтобы цветная (не белая) сторона лыка была наружу. Это не просто для красоты. Внутренняя сторона лыка прочнее. Не думайте, что плетение лаптей — дело простое.

Вы думаете, что я умею лапти плести? Не умею, а мастера знаю — учителя Кожаевской школы Коноплева Анатолия Михайловича.

— Тебе, — спрашивает он, — из пяти, семи, девяти или двенадцати лык заплетать?

Лапти в сказках и легендах

Об известной русской обуви — лаптях даже легенды сложены. Путешествовавший по Руси в XVII веке англичанин Коллинз записал одну из таких легенд.

Царь Иван Грозный со боярами, с дьяками, с высшим духовенством показывал иноземцам свою державу. Царя повсюду встречали по-царски. Каждый город, каждое селение подносили ему дары богатые. В одной деревне, через которую лежал путь царя, тоже готовили дары. У бедного лапотника не было ничего, кроме его дешевых лаптей. Очень сокрушался лапотник, что нечего ему поднести царю. Жена присоветовала сплести для царя-батюшки лапти покрасивее. Искусный лаптевяз вложил в свой подарок все свое уменье.

Царю так понравились лапти, что он приказал всей своей громадной свите и гостям иноземным каждому купить у лапотника по паре лаптей и заплатить по пять шиллингов. Цена неслыханная. Так бедный лапотник в один день стал богатым. От него-то и пошли, по легенде, князья Лаптевы.

* * *

У нас на Севере повсеместно бытует такая легенда. Петр I выучился всем ремеслам, умел делать все, но вот лапоть ему не давался. И сколько раз не начинал Петр плетение лаптя, всегда путался, наконец, бросил лапоть, прекратил это занятие, сказав (тут слова непечатные).

* * *

Русский богатырь, крестьянский сын из муромского села Карачарово Илья Муромец, тридцать три года отсидев на печке, а затем встав на могучие ноги, пришел в лаптях к князю Владимиру.

* * *

В одной из русских былин есть такие строчки:

«Во те во носы во лапотные
Вплетено по камушку по яхонту».

Лапти, украшенные драгоценными камнями?! Только в поэтическом озарении сказочника возникли такие лапти небывалые! Согласитесь, эта деталь воспринимается нами как достоверная.

На то и поэзия былинная!

* * *

И уж не легенда, а многовековой обычай - лапоть на новоселье. Когда переезжали в новую избу, то брали лапти, клали в них несколько холодных угольков из старой печки и приговаривали, обращаясь к домовому; «Пожалуйте, дедушка, на новое житье!». Лапти, как жилище домового (в сапогах домовый жить не будет, ему сухие, теплые лапти подавай), первыми вносили в новую избу и вешали в сених или возле печки.

Даже царское новоселье в новый дворец проходило точно также - впереди громадной процессии бояр, князей и духовенства несли лапти с угольками от старого очага - несли домового.

* * *

Во многих местностях даже в нашем XX веке вешали старые лапти на куриный насест и называли их «куричьи боги». Они охраняли кур и делали яйцекладку более обильной. Это отзвук тоже древней языческой религии. Но почему именно лапти стали символом «куричьих богов» - сказать трудно. Может быть, по той же ассоциации - жилище домового - а здесь жилище древнего языческого бога - охранителя кур. А, может, и сам домовый выполнял когда-то по совместительству обязанности покровителя кур, ведь он ответчик за все хозяйство в доме, тем более, что у языческих богов всегда было много должностей. Когда куры на насесте ночью как-то неприятно квохчут - всегда говорили, что их беспокоит суседко-домовой. А если курица днем вдруг пела по-петушину, то ее сначала ошарашивали окунали в бочку с холодной водой, но если и это не помогало, отрубали голову. Пение курицы считалось плохим предзнаменованием.

Покойника у нас на Севере всегда обували в лапти, причем, обували по-особому. Новые белые холщевые онучи наворачивали длинным концом не наружу, а между ног. И если кто-нибудь по забывчивости наворачивал онучи внутрь, то всегда попрекали: «Переобуйся - что ты обувашься, как покойник!».

В древности обычай обувать покойника в лапти и класть лапти в гроб был, видимо, распространен по всей Руси. Донские казаки никогда не ходили в лаптях, но еще во времена Пушкина хоронили своих покойников, даже убитых на войне, непременно в лаптях.

Вспомним поэму Некрасова «Мороз - Красный нос», похороны Прокля:

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщевой
И в липовых новых лаптях.

* * *

У мордвы бытовал свадебный обычай - невесту перед свадьбой вели в баню и обували в лапти с белыми онучами. Причем этот обычай распространялся на всех - на бедных и на богатых, дочери которых, кроме дней свадьбы, и в лаптях-то не хаживали.

* * *

Монахи-пустынники носили лапти, но онучи у них были не белые, а соответственно их званию - черные. На картине Нестерова «Пустынник» мы и видим монаха в черных онучах.

* * *

Случай был в Кеме. В одной из деревень воры увели со двора корову. А чтобы хозяин не смог утром найти ее по следам, они обули все четыре коровьи ноги в берестяные лапти. Но береста - вещь непрочная. Жесткое копыто - не для лаптя. Порвались они через сотню метров. Воры были схвачены.

* * *

Немногим известно, что в годы гражданской войны и разрухи была создана еще одна Чрезвычайная комиссия - Чевколап - Чрезвычайная Всероссийская комиссия по снабжению населения лаптями. Обувная промышленность оказалась разрушенной. Лапти и тут пришли на выручку молодой Советской республике.

В кадровых войсках молодой Красной Армии можно было встретить красноармейца в лаптях. А уж о тыле и говорить нечего.

Днепрогэс и Магнитку «помогали» строить лапти. Не хватало сапог, да строителям, приехавшим в лаптях из глухومانых местностей, и не в новинку было их носить — сапог они и дома-то не нашивали.

* * *

Конец XIX и начало XX века - это время увлечения русской стариной и русским бытом. Создавались песенные и танцевальные ансамбли исполнителей народной музыки. Они получили название - «лапотные ансамбли»; исполнители в них одевались в русские народные одежды и обувались в лапти. Известный ансамбль владимирских рожечников, который создал Кондратьев из владимирских пастухов, гастролировал в Петербурге, в Москве, в Париже, в Берлине в лаптях, играя, кстати, на рожках из берестяных лык.

Отдельные эстрадные исполнители русских народных песен выступали нередко в лаптях.

* * *

А вот немцам под Москвой в 1941 году пришлось надеть лапти - в музее подмосковного города Дмитрова есть такие лапти немецких солдат. Громаднейшие лапти. Сплетены они из материала необычного - из связок соломы. У нас на Севере так плели гнезда для кур, которые вешали обычно на сеновале и где куры несли яйца.

* * *

Вологжане любили посмеяться над соседями - вятичами, как они над нами, разумеется.

Сказывают, вятичи однажды сплели лодку из лык, да протекала она шибко. Хотели сплести и колокол «лычный о сто пудов». Радовались: «Во, ребята, грохнет - в Москве будет слышно!».

Только сплели тот колокол или нет - неизвестно.

Русские писатели о лапте

Отношение русских поэтов к лаптю уважительное. Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» пишет:

С утра встречались странникам

Все больше люди мелкие:

Свой брат крестьянин-лапотник,

Мастеровые, нищие,

Солдаты, ямщики.

Николай Клюев:

Галка-староверка ходит в черной ряске,

В лапотках с оборкой, в сизой подпояске.

Демьян Бедный в «Былине о могучем богатыре»:

За спиной у него вместе с сумочкой

Висят старые-старые лапоточки,

Старые, рваные, истоптанные.

Сергей Есенин так пишет о святом Николе-угоднике:

В шапке облачного скола,

В лапоточках, словно тень,

Ходит милостник Микола

Мимо сел и деревень.

Русская частушка о лаптях

Разве могла русская частушка пройти мимо лаптя? Конечно, лапоть в частушке уважением не пользуется.

Эх, лапти мои,

Лапотунки мои,

Пошли плясать,

Запотункивали.

«Тункать» - вологодское диалектное словцо. Это значит - громко стучать.

У кого какой миленок -
У меня мастеровой:
В руке новый коточиг,
И все по лаптю - чик да чик!
И вот совсем недавняя частушка, явно с политическим уклоном:
Нас все «лапотной Россией»
Называет Вашингтон.
А мы в космос запустили
Лапоть весом в десять тонн.

«Лапотный» словарь

Я не буду знакомить читателя с обширным словарем о лапте, потому что не пишу научную работу, хотя поле деятельности здесь широкое.

И все-таки уделите внимание этому краткому словарю;

1. Лапоть - обувь из лык и пеньки.
2. Лапоть сплесть - о скорости, легкости дела. «Это как лапоть сплесть». (Поговорка).
3. Лапти плесть - говорится о всякой плохой работе, а в карточной игре - делать непростительные промахи.

«Вы, ваше превосходительство, в карты лапти изволите плесть, где же это видано, чтобы с короля козырять, когда у меня туз один». (Салтыков-Щедрин. «Губернские очерки»).

4. Лапти плесть - неумело вести дело, портить его.

«Иные финансисты народ, как липку, обдирают и лапти плетут». (Михельсон. «Ходячие и меткие слова»).

5. Лаптем щи хлебать - о крайней бедности, а чаще о крайнем невежестве. «Сам-то что едал! Лаптем щи хлебал». (Достоевский. «Записки из мертвого дома», том III, стр. 89). «Вот, говорит, как ныне купцы живут, которые, когда были серыми мужиками, щи лаптем хлебали». (Лейкин. «В старом гнезде» - Пет. газета, 1902).

6. Напущение лаптей - особый род порчи новобрачных, приписывалось колдунам - жених в первое время не способен к брачной жизни.

«К случаям враждебных наветов колдунов относится порча новобрачных и напущение молодому лаптей, вследствие чего он везде видит одни только лапти» - («Описание Архангельской губ.» стр. 303).

7. Лапоть подвязали - дразнят молодуху, с которой муж не имел сношения в течение нескольких дней после брака.

8. Лапоть - сапог. Употребляется в противопоставлении крестьянина и помещика, горожанина и необразованного жителя деревни (иногда - ботинок).

«Вы ведь, надеюсь, не принадлежите к числу тех, для которых лапоть всегда прав перед ботинком. (Лесков - «На ножках» т. VIII, стр. 167). «Лапоть сапогу не товарищ». (Поговорка Вологод. губ.). «Чем

лаптю кланяться, так уж, поклонюсь сапогу» (Даль - Пословицы, стр. 215).

9. Лапоть бабий - муж, находящийся в подчинении у жены. Бабник.

«Я, бапушка, с собой хозяйку возьму, одному боязно...

- Ты уж говори прямо: теплей будет... (ты - бабий лапоть!) (Захарьин - «Люди темные», стр. 181).

10. Лапоть - в значении меры длины, около 20 см (английский фут).

«На каждую четвертину пришлось по четыре кося, да по полукосью, да по два лаптя» (Златовратский - «Деревенские будни», т. II, стр. 406).

«Тут лаптя на три передвинуть надо». (Чернышев), Влад.

«Отступи на лапоть». (Памятная кн. Воронеж, губ. на 1892 год, стр. 75).

11. Лапотник - большой черный таракан в восточных уездах Вологодской губернии.

12. Лапотное - первая чарка водки, которая подносится тому, кто был послан за вином и принес его.

13. Лапоточек - уменьшительное, ласкательное.

«Сядь-ка, Настя, на песочек,

Разувай-ка лапоточек».

14. Лаптева - принадлежащая к лаптю.

«Ты, гуляй, гуляй, портянка,

Гуляй, Лаптева сестра».

(Деревенская частушка).

Вологодский лапоть - красавец среди лаптей

Вологодские лапти славились крепостью и красотой. Каждый лапоть вылегался как на правую, так и на левую ногу; Спросят, а как же иначе-то? В некоторых местностях плели лапти нарочито бесформенные. Гнездо гнездом из лык. Носок у вологодского лаптя глубокий, пятка высокая, в таком лапте, да еще по размеру ноги соответственно, и ходить-то на любые расстояния любо-дорого.

Берестяные лапти крайне неносики. Поздней осенью их чинить приходится после двух-трех дней - носки. А чтоб лапти носились подольше, иногда на пятку и на носок березовыми гвоздиками набивали кожаные нащепки, иногда последний слой лаптей проковывали даже кожаными лыками.

Обувались в лапти мужчины и женщины по-разному. Мужчины белые онучи из домашнего холста наворачивали до самого колена. И большими крестами липовых веревок - обор прижимали онучи к голени. Выглядело не очень красиво, зато лапоть и онучи сидели на ноге прочно.

У женщин онучи из холста были побелее и потоньше. Оборы для женских лаптей вили тоже потоньше, главное - поаккуратней. Женщины онучи наворачивали не до колен, а до середины икр. Желтые липовые оборы накручивали без крестов - одна возле другой веревочки

посередине онучи. Получался красивый поясок на ноге.

Обязательной принадлежностью любого лаптя были оборы, которые вили из липовых лык. Длина каждой оборы - не менее двух метров. У женских лаптей покороче.

Оборы продергивают по всей верхней кромке лаптя через пустые строки-петли. Концы оборы продергиваются еще раз через одну из строк, непременно под продернутую уже обору. Эти продернутые концы образуют две петли. Их накладывают одна на другую и образуются два креста-перехлеста из оборы. Остается вставить ногу в эту перекрестную петлю и затянуть концы обор.

Строки, через которые протягиваются оборы для петель, называются «ушницы». У березовых лаптей их не выплетают специально - бересто все равно очень непрочное. А у липовых лаптей в некоторых местах ушницы выплетают специально в виде стоячих петель по четыре на каждом лапте.

Заключение.

Вот и окончен короткий рассказ о русском лапте. В моей записной книжке еще остался материал, который в свое время попросится на страницы газеты или книжки.

Вину чувствую перед читателем; не рассказал, как лапоть заплетать. Хоть и стыдно, но признаюсь: сам не умею. Придется идти на поклон к Коноплеву Анатолию Михайловичу в недалёкую деревню Кожаево.

Договоренность есть. Только вот лыка где достать?

Парни на храмовом празднике

Деревня раньше жила весело. Был тяжелый, изнурительный труд, непроходимые заботы, но были и праздники, раздольные, широкие, с песнями, гуляньем, гармошкой, пляской. На храмовые праздники в мое родное Скочково (а этот праздник бывал ежегодно в Духов День) собирались не сотни, а более тысячи людей. Молодые девушки, ярко одетые, жизнерадостные и красивые, группами, взявшись под руки, не спеша с песнями гуляли по главной улице деревни, буквально запрудив ее.

Подходили парни и девушки из других сел и деревень. Парни еще до начала праздника где-то за деревней собирались группой, обсуждали свою «политику и тактику» на предстоящий тяжелый день. Задач становилось много: с кем на этот раз помириться, расходиться по избам для гостевания или идти к кому-то всей партией, а если подражаться, то с кем, кому и как начинать, кому охранять гармонию. Обязательное условие ставилось для любителей выпить: до вечера не напиваться. А то какая поддержка от пьяного: только дело испортишь, рано в драку влезешь, надо будет самого выручать. Бывало, таких «героев» так побьют, что они все летние праздники дома на повети отсиживались. Все бывало.

Но вот парии собрались, отряхнули костюмы, сапоги травой почистили, в первом ручейке освежили лицо, помыли руки - и в деревню. Нет, не толпой, а обязательно плотной шеренгой во всю ширину улицы. Гармонист слева, рядом с ним парень - заводила, самый авторитетный, самый сильный и рассудительный, далее - тот, кто запекает частушки.

Выстроились.

«Давай!».

Громко вскрикнула, хромка, тут голосов и басов не жалели, запевала четко, чтобы все слышали, проговорил начало первой частушки, начал сам, подстроившись под гармонь, все подхватили и деревня услышала:

Из деревни из Скочкова,

Из пермасского села,

Ты гуляй моя головушка,

Покуда весела.

Это для начала и если нет никаких намерений, кроме добрых. А то:

По деревнюшке пройдем,

Простукаем, пробрякаем.

Кого надо - наколотим,

Лишка не калякаем.

Были и лирические зачины, они случались чаще. Ведь на гулянье в чужую деревню приходили еще и на свидание с любимой. Почему-то считалось, что в другой деревне девушки лучше. Упираловцы влюблялись в скочковских девок, а скочковские парни в дворищенских, кудангские в шолковских. Поди тут разберись.

Да ведь у местных парней и свои интересы были. Тогда и первые частушки были обращены к любимым.

Я по этой по деревнюшке

Одиннадцатый раз -

Заросли окошки тополем -

Не вижу, дроля, вас.

Обычно в каждой деревне была традиционная площадка для сбора, в Скочкове это было место у школы, называлось почему-то «угор». Вероятно, потому, что упуганная многими поколениями, эта твердая площадка чуть возвышалась рядом с перекрестком двух улиц Скочкова непосредственно и Иванова. Была еще третья улица - Самодумово, но та тянулась за грязной ложиной к Упиралову, туда заходили только и гости, да уединялись влюбленные парочки подальше от бабьих любопытных глаз.

Шли на «угор». Там уже плясали трепака парни из своей деревни. Народу собиралось много. Плясуны были в ударе, надо же было лицо деревни показать, форс держать. Гармонист уже вспотел, около него две девушки березовыми веничками отгоняли назойливых мух и комаров.

Погуляем это лето
На родимой стороне,
А на будущее лето
Неизвестно будем где.

В это время парни-подростки побежали по деревне узнать, разведать: из каких деревень и кто пришел, где девки собираются. Поручений дается много, среди главных - найти «дроллю» того или другого парня, сказать, что он тут, что ждет чтобы не уходила. Да мало ли поручений...

Разведка доносила и другое: явились все парни из дальней деревни, сидят на завалинке у Лучихи, камни в карманы суют, драгаться хотят.

Ага, учтем!

Но сначала надо показать себя с доброй стороны. Вот и парни кончили пляску, радушно встречают гостей, здороваются, шутят, зазывают в гости.

Тут и вступает в силу тот план-сценарий, который был составлен парнями еще на подходе к деревне.

Дай-то им Бог одного веселья, да томных и долгих, до утренней зорьки, свиданий с любимыми!

Деревенское пиво

- Батько, пора нам родных да знакомых «отпаивать», - сказала мать отцу. Тот сразу согласился;

- Да, у многих мы в гостях побывали, а сами давно в гости никого не звали. Вот к Октябрьским праздникам и сварим пиво.

Так без видимой явной причины (не было ни свадьбы, ни новоселья, ни юбилея в доме) решено было варить деревенское пиво.

Примерно за две недели до Октябрьских праздников отец купил несколько мешков ржи, рассыпал рожь в чистые мешки, сшитые из домотканого холста, да так, чтоб мешок был наполнен не более, чем наполовину, и отвез эти мешки с зерном на Мочище, так называется урочище на речке Куданга, и замочил их.

Два дня зерно в речке набухало. Потом отец вытащил мешки из воды, подождал, пока стекла вода, сложил мешки на телегу и привез домой.

Мама расстелила широкие холсты на пол в «новой избе», в той просторной половине дома, в которой жили только летом, а отец, рассыпал набухшую рожь на холсты.

Мама сама несколько раз в день поливала зерно чистой, теплой водой. Через двой-трои сутки зерно начало прорастать, мама сказала, «проклюнулось». Отец сгреб зерно в мешки, плотно их завязал, затем несколько раз со всей силой бросал мешки на пол. И мы мяли мешки с теплым и мягким зерном, выплясывая невообразимый танец и приходя в восторг от дозволенной шалости.

- Задницей трамбуйте мешки-то, не ушибетесь, - смеялся отец,
- Ладно, хватит. Пусть рожь солодеет.

Солодела рожь в мешках сутки.

Потом зерно рассыпали на чисто выметенный под в русской печи, чтоб оно сохло. Часть зерна унесли в дом деда, там тоже была нагнана печь.

На мельницу мы ездили с отцом вместе. С шумом лилась на широкое мельничное колесо вода, весело крутились деревянные шестеренки, медленно вращался огромной толщины вал из тесаной сосны, хрустела сухая рожь на каменных жерновах.

- Мели на солод покрупнее, - попросил отец мельника.

Пиво в деревне варили часто. На речке Изница, которая славилась особенно чистой и вкусной водой в километре от деревни, за полем, было оборудовано специальное место, сделан навес, насыпана небольшая плотина для забора воды.

У Алешки Кузькина выпросили деревянный чан - широкую бочку, ведер на сто, со всеми предосторожностями перевезли на телеге этот чан к речке и установили его на подклет из бревен, почти с метр высоты.

В дощатом днище чана светилось квадратное отверстие. В него вставили деревянный березовый штырь, который сантиметров на десять торчал ниже днища, а верхний конец был несколько выше краев чана.

Вблизи развели костры, над которыми повесили большие котлы, налили в них воду из речки. Когда вода вскипела, лишний жар из-под котлов убрали. Теплой водой из котлов заварили в чане из солода очень густую кашу, размешивая ее специальным веслом. Не торопясь, разводила эту кашу в чане все жиже и жиже специально приглашенная из города Никольска старуха Поникариха, искусная мастерица пивоварения.

Пиво пьяное, веселое

Хозяин наварил;

Потихонечку с весельшком

Помешивал, ходил, - приговаривала она частушкой.

- Ну, теперь не мешайте! - потребовала Поникариха.

Наступил самый ответственный момент, требующий от пивовара умения и немалого искусства. Наступила «доводка», надо было уловить определенную густоту раствора.

Конечно, в детстве я наблюдал чисто внешнюю сторону пивоварения. Мне, как и многочисленной деревенской ребятне, нравились костры в ночи, озабоченная суэта взрослых людей, какое-то таинство... Уже позднее, через годы, когда пивоварение было запрещено, я все доискивался у знатоков, у этой же Поникарихи, как варится славное никольское, пенистое, вкусное и довольно пьяное, деревенское пиво.

А вот в этой части сложной процедуры таится огромный секрет.

От солодового раствора зависит качество пива. Опускают в раствор веселко, поднимают его и наблюдают, какой струей стекает с него раствор. Густой раствор стекает прямой струей, а жидкий начинает виться жгутом. И чем жиже раствор, тем этот жгут течет круче и стремительнее.

Бывает, капают капельку раствора на ноготь и смотрят, как растекается он по ногтю. Жидкий, естественно, растекается быстрой.

А то еще делают из соломинки небольшое кольцо, опускают его в раствор и вынимают. В соломенном кольце должна образоваться пленка.

Раствор доведен до нормы, готов.

Начали сооружать пожог. Наложили ряд сухих еловых плах, а между ними камни. Следующий ряд плах для устойчивости пожога положили поперек первого. Снова камни. Так рядов восемь - десять.

Немалое искусство требуется - поджечь такую громадину сразу со всех сторон, чтобы камни накалились одновременно. Зрелище горения пожога бывает необычайно красивое. Из деревни сбегаются на этот огромный костер все мальчишки-подростки, приходят и взрослые. Хотя в деревне не принято приходить без дела, просто так, даже на такое зрелище.

Пока пожог горит, на штырь в чане надевают фильтры из ржаной соломы, бывает, закрепляют эти фильтры плетенкой из березовых виц. Кое-кто насыпает в раствор заранее наготовленной чистой овсяной мякины - сантиметров на десять в высоту на дне чана.

Пожог прогорает. Камни накалились докрасна. Начинается работа - не зевай, не мешайся под ногами.

Пожог развалили, бабы на вилах-тройчатках (чтоб не зацепить угли) понесли раскаленные камни к чану и бросали их в раствор.

Пивовар Поникариха стояла на широкой скамейке у чана и веселком ворочала грозно ворчащие камни, чтоб не горело дно. Температура раствора близка к кипению, камни в раствор бросать перестали. Только Поникариха, приняв раскаленный камень на громадную ложку, сделанную из березового капа, осторожно опускает камень в раствор. Так постепенно раствор доводится до кипения.

Начинается ответственный момент варки пива. Раствор кипит, как молоко, с огромной пеной.

Все лишние люди с площадки уходят, чтобы не мешать мастеру-пивовару. А тот, в нашем случае - Поникариха, приняв раскаленный камень на свою ложку, сжигает этим камнем часть пены, оставляя все время в чане чистые от пены полыньи - окна. Раствор остывает долго. Можно и отдохнуть.

Кто-то из проворных мужиков осторожно начинает обухом топора выбивать штырь из днища чана.

Вот штырь пошатнулся, образовалось в дне небольшое отверстие -

и потекло из чана по подставленному под отверстие желобу в большую лохань густое темнокоричневое, сладкое и ароматное, ни с чем не сравнимое по вкусу сказочное сусло.

Ведро теплого сусла несут в деревню - угостить ребятню и стариков. От последних ждут похвалы.

Сусло из лохани бабы ведрами носят в котлы, что висят над кострами. В котлы на каждые пять ведер сусла высыпают по четыреста граммов сухого хмеля, не только одни шишки, но и вместе с лозами.

Сусло с хмелем кипит всю ночь - часов шесть. Огонь под котлом обычно поддерживают ребяташки под наблюдением взрослого человека.

Сладкое и ароматное сусло хмель делает горьким и неприятным по вкусу - пить его уже нельзя.

Начинается самое священнодействие: подготовка опары, у нас зовут - «головка». Именно она безалкогольное сусло и превращает в пиво.

А как сделать эту «головку»? Раньше выручал самый простой способ: у родственников или просто знакомого, который варил пиво неделю - месяц назад, брали 3-4 литра жидких дрожжей, остатки от выпитого пива, добавляли туда муки или свежего пива, разбавляли теплой водой, - и опара поднималась не по часам - по минутам.

Нынче идут в дело заводские дрожжи. Все абсолютно проще. «Головку» выливают в чан. Начинается брожение. Пиво «гуляет», тяжелые намокшие венцы хмеля переворачиваются в чане, пиво плещется о стенки чана с шипением, словно легкий морской прибой шуршит по песку.

Сутки двою гуляет пиво. Наконец, оно успокаивается.

Тут и начинаются веселые и разгульные «складки» - разлив пива из чана в лагуны и бочонки, ведра по два и более. У каждого такого лагуна или бочонка есть квадратное или круглое отверстие, через которое заливают пиво и заколачивают это отверстие крепкой деревянной пробкой, есть и маленькое — чуть повыше дна. Через него-то, если ототкнуть крупную длинную затычку, и потечет пенистое пиво в ведро.

Складки без гармонии не обходятся. Пиво черпали прямо из чана, раньше наливали в «братину» - большую, росписную деревянную чашу, пили понемногу, ведь складки - не застолье, а работа.

Но плясали под гармошку от души. Ребятишек отгоняли прочь. Потому, что порой самая скромная деревенская баба вдруг выкрикивала в частушке такие непристойности, каких не услышишь и от завязых разгульников.

Остается последнее; процедили пиво через решета, слили его в лагуны и бочонки и заколопили верхние отверстия, обмазали их ржаным тестом и - дображивай пиво два-три дня.

Тут можно и застолье собирать!

- Садись-ка, сын, на велосипед, да ездай в Шири, в Блудново да в Кудангу звать гостей к пиву, - сказал отец.

Геннадий Горчаков.

Геннадий ГОРЧАКОВ

Светлой памяти родителей

Александра Ивановича и Людмилы Дмитриевны посвящая.

Дом не хотел умирать *(Дневник деревенского мальчика)*

Повесть-эссе

*Может изменой
любимая женщина ранишь.
Может ружье отказать
и угаснуть звезда.
Верь только в память.
Память порой предавали.
Она ж - никого. Никогда.*
Борис Олейник.

Геннадий Горчаков и его воспоминания

Вышла из печати повесть-эссе Геннадия Александровича Горчакова «Дом не хотел умирать», (дневник деревенского мальчика).

Автор долго мучился, глубоко переживал, взвешивал все «за» и «против»: стоит ли публиковать свой дневник, правильно ли поймет читатель его сокровенные мысли и, вообще, нужна ли его такая исповедальность.

Я ознакомился с повестью вчерне, настойчиво рекомендовал Геннадию Александровичу опубликовать ее. Считаю ее очень нужной и полезной.

Коротко об авторе.

Родился Геннадий Александрович 22 сентября 1934 года в городе Первоуральске Свердловской области.

«Детство мое прошло в деревне Скочково. Отец «ходил» на финскую, а затем, с первым призывом, - на Отечественную. Остались мы - малые дети - четверо - на руках матери. Что тут говорить? Хватили всего...», - вспоминает Геннадий Александрович.

Учился в Скочковской начальной и Пермаской семилетней школах, затем - Никольское педагогическое училище. В педучилище он начинает писать стихи, знакомится с поэтом А.Яшиным, едет в 1950 году на первый съезд молодых писателей в Вологду. В 1953 году по путевке Министерства просвещения РСФСР уехал в Самаркандскую область. Учил узбеков, немцев, крымских татар, таджиков русскому языку. В 1960 году с отличием окончил Самаркандский университет.

С сентября 1960 года Геннадий Александрович живет и работает в Никольске. 47 лет педагогического труда - целая жизнь; 36 лет работы директором средней школы № 1 г. Никольска - вот веки его трудового пути.

Геннадий Александрович - незаурядная, богато одаренная натура, обладает исключительно яркими интеллектуальными качествами. В этом еще раз убеждаешься, когда читаешь его дневник. Дневник его, писанный о себе и для себя, проигрывая иногда в полноте и обстоятельности, много выигрывает в искренности и непосредственности.

Воспоминания написаны увлекательно. Геннадий Александрович обладает мастерством рассказчика. Он отличается даром картинного воспроизведения всего того, что видел и наблюдал в окружающей жизни. Дневник его много дает читателю для постижения послевоенной поры, среды, быта семьи Горчаковых, всей русской деревни.

Мягкий и теплый юмор придает его воспоминаниям особую прелесть. Нельзя не упомянуть об очень важной детали. В повести-эссе автор заново переосмысливает все, сопоставляя впечатления и эмоции юности с поздним опытом и знанием. Со временем горькое и тяжелое стусшевало в памяти, заслоняясь светлым и радостным. Геннадий Александрович нашел убедительный, нигде не впадающий в фальшь, тон объективности «летописи» рассказа, он предельно сдерживает свои субъективные симпатии и антипатии.

Большой человеческий дар Геннадия Александровича Горчакова - его способность жить неумирающей памятью. Отсюда свежесть и достоверность его воспоминаний, их огромная познавательная ценность.

А. КУВАЕВ. 23 апреля 2000 года.

Многие годы (а если быть абсолютно точным, то с 21 сентября 1948 года и по 15 ноября 1971 года) я вел почти ежедневно дневник, уделяя час вечернего времени для этого, давал оценку себя в этом мире описывал наиболее интересные случаи и события из своей жизни, писал о работе, о служебных отношениях, обо всем, что казалось мне чуть значительным.

Дневник - вещь абсолютно личная. Все ведь не вынесешь на людской суд. Да и ни к чему.

Просто хочется вспомнить, чем жил послевоенный подросток, чему радовался, чему огорчался, поделиться этой радостью или болью с другими. А чтобы все было понятно, я решусь на некоторые комментарии. Дневник я собрал, систематизировал, переплел в два больших тома. Первый назвал - «Дневник деревенского мальчика», второй - «Вечное».

21 сентября 1948 года. Завтра мне исполнится 14 лет. Пришел в школу, повстречался с друзьями. Жаль, что не пришел почему-то мой друг Колька Отсус, эстонец из Переселенья. Федор Михайлович, учитель русского языка, назвал меня Ген-нахой. Я сначала на него обиделся, а потом успокоился. Что со старика возьмешь?

22 сентября. Хватит жить в одиночку! Девочка из 6 класса как раз мне подходит. И рост почти тот! Напишу ей письмо. Буду переписываться.

28 сентября. Получил от девочки письмо. У меня есть новый друг!

Анютка, моя соседка по дому, весь день на меня смотрит. На уроке химии я написал ей записку: «Почем рожа?» Она мне очень грубо ответила, писать - что? - не буду. Ладно, хоть ты и соседка, но на первых же беседах в бок натычу. Одни неприятности.

В.В.спросил меня по немецкому языку. Я не знал. Он оставил после уроков меня и двух Петек - Петровича и Павловича. «Учите стихотворение по-немецки», - говорит. А я говорю: «Немецкий язык я учить не буду. Немцы четыре года моего отца в плену держали. Он сейчас болеет». В.В. шлепнул меня ладошкой по затылку и сказал: «Будешь!» И домой до вечера не отпустил. Ладно, оба Петьки рядом живут, а мне через Дворище еще 12 километров бежать. Суббота ведь.

29 сентября. С утра тятя с мамой ушли в Кудангу к пиву на 4 дня. Мама говорит: «Корова смиренная - сам подоишь. И чтоб все ребятишки были накормлены. Чуть-что не так будет, то беги к Анне Долгой». Хотел сам подоить корову. Сел на скамью, вымя обтер, начал доить, а тут корова начала лягаться. Сколько надоил - столько пролил.

Пришлось идти к Анне Долгой. Зовут ее так потому, что она очень высокая, под два метра. А Проня, ее муж, маленький, ей только до груди. Как напьется, так и кричит: «Садись, Анютка, на стул - чигать буду!» Анна садится, но Проня ее ни разу не бил.

30 сентября. Анна Долгая пришла и говорит: «Какой из тебя хозяин!? Беги в школу! Мне батько твой наказывал, чтобы я тебя в школу отправила. Тут уж я подомовничаю».

Все эти проклятые 12 километров бежал. Пospел только к четвертому уроку. Это была география. Учительница спросила «Полезные ископаемые СССР». Поставила «три». Да говорит: «Ты чего, хазик, уроки не учишь?»

Не надо было и приходиться в школу. Юра, друг мой, пришел из Никольска, да заболел, дома сейчас. С ним бы поговорить!

Память

Юрка, Юрий Николаевич!

Мой добрый, верный, бесценный друг детства. Память о тебе и радостна, и горька.

До войны Юра с родителями жил в Ленинграде. Это была дружная, работающая, любящая семья.

В первые дни войны отец ушел на фронт, погиб. А там - блокада.

В начале зимы сорок второго года Мария Михайловна (мать Юры) решила эвакуироваться с сыном из блокадного Ленинграда. Но в суматохе воздушной тревоги мать потеряла сына. До Шарьи она добралась одна, затем переехала в деревню Скочково, на родину мужа, устроилась на работу в молокоприемный пункт колхоза «Буревестник». Она жила на квартире у деда, в одном доме с нами, и я видел, как она каждый вечер горько плакала, сидя у топящейся печки. Утешить ее никто не мог. Да, наверное, и сил утешить не было ни у кого.

Горя хватало всем. А Юра попал с группой детей в Вологду, оттуда - в Шарью. Сердобольные женщины-солдатки, ездившие на станцию Шарья за керосином, привезли в Никольск на санях мальчишку-блокадника, закутав его в тулуп, чтоб не замерз.

Так Юра вновь обрел маму. Повидавший войну, хлебнувший столько горя, он отличался от деревенских сверстников: был не по-детски серьезен, молчалив. Но какой талант рисовальщика хранил он в себе! Как он был умен, как захватывающе подробно и в лицах рассказывал о прочитанных книгах (а книг тогда в Скочкове было мало. Даже в Пермаской школе был один небольшой шкаф с книгами на всю школу). Какой фантазер и умелец был.

В 1946 году он окончил Пермаскую семилетнюю школу. Там встретил и первую любовь свою. Затем была учеба в Никольской средней школе до середины десятого класса, переезд с матерью в Ленинград, там - Высшее Морское Арктическое Училище.

Не один раз обогнул земной шар Юрий Николаевич на электроходе «Профессор Визе», был даже в Антарктиде. Почти каждый год приезжал в Никольск. Особенно любил - осенью, когда это удавалось, побродить с ружьем по кудангским и повечерновским местам. Всегда заходил к нам, любил вспомнить детство, Скочково, Никольск.

А вот личная жизнь не сложилась. Женится после долгих раздумий на красивой женщине, директоре ресторана в Ленинграде. Сколько страданий она ему принесла... Люди были абсолютно разные.

И трагическая развязка наступила.

Боль и неумная печаль на душе.

6 октября. Хороший день. Взрослые девки устроили вскладчину беседки в доме Петьки (Петровича) Вершинина. Он меня пригласил. Обещал провести с Анютой. Мы пришли. Парни не хотели пускать, но Петька нас провел. Анютка говорит: «Давай сядем парочкой, спляшем». Но мне стало стыдно сидеть у девки на коленках, да я и

плясать «трепака» не умею. Надо учиться. Анютка весь вечер плясала. Я ушел за занавеску, взял у Петьки тетрадь и карандаш и стал записывать частушки.

Кабы не было березы-

В поле не белело бы.

Кабы не было матани -

Сердце не болело бы.

Понравилась частушка:

Пароход идет по Югу -

Окна отворенные.

Ты зачем, дроля, забыла

Речи говоренные?

Эти частушки так и ложатся на душу.

Потом парни и девки стали целоваться на скамейке, поставленной среди избы. Тут кто-то свет погасил. Шумно было. Еле выбрался.

Буду записывать частушки.

8 октября. Получил «пять» по истории и «двойку» по русскому языку. Ф.М. спросил меня про глухие согласные. Я только получил письмо от подружки, стал читать, Петька (сосед по парте) все мне мешал. А тут Ф.М. шумит: «Иди отвечай!» Пока я письмо сворачивал и в карман совал, он мне уже «двойку» поставил. «Опять мух ловишь», - говорит. Да я знаю эти «глухие» согласные! А вообще - ты сам глухой!

10 октября (воскресенье). Целый день топил баню. А тут к вечеру приходит Нина Алешки Кузькина и говорит: «Фотограф в деревню приехал, мне бы надо сфотографироваться, а не с кем. Пойдем со мной, сядь на стул, я тебе в руки дам гармонь, ты ее поддержишь - для фотки-то все равно. Парней-то с хорошей рожей в деревне нет. Надевай новую рубаху, пиджак, а шапку я батькову принесу».

Мама поддержала. Пришлось идти. Вечером после бани я попросил батю: «Купи мне гармонь». А он ответил: «Какая еще тебе гармонь, в моих штанах ходишь. Да и учителя на тебя жалуются».

11 октября. Осматривали врачи из города. Мне сказали, что могу заниматься спортом. На уроке физкультуры 100 метров пробежал за 17 секунд.

17 октября. Тятя очень болеет. У него язва желудка. Весь день он пролежал на печи, пил только горячее молоко. Все это война сделала.

Память

Что помним мы, дети войны? Как-то отец спросил меня, помню ли я тот счастливый день, когда он вернулся с финской войны, и мы с мамой встречали его за речкой Кудангой, на дороге, что ведет из Пермаса в деревни Дворище и Скочково?

- Не помню, - признался я.

- Но тебе уже шесть лет тогда было! - не поверил отец. - Должен

помнить!

Ему, как я сейчас понимаю, очень хотелось верить, что не только он один разделял и помнил радость возвращения с суровой войны, а еще и кто-то из родных и близких. Мама тогда выручила меня:

- Помним, все помним.

Отец как-то странно улыбнулся. Финская война была для него тоже немалым испытанием.

Как-то, уже будучи взрослым, я подслушал разговор отца с его братом Иваном Ивановичем:

- Никогда не забуду, - вспоминает отец, - как ходил в первую штыковую атаку в финскую войну. Бежим вперед с винтовками наперевес. Снегу по колено. Навстречу мне - огромный финн, выше меня ростом, сажень в плечах... «Все, - пронеслось в голове, - конец». Но сказала солдатская наука в пограничных войсках. Я отбил его винтовку, резко рванул на себя - и финн упал на меня. На какое-то мгновение я потерял сознание. Очнулся - жив. Финн лежит на мне. Чувствую, что-то теплое льется мне на шею. Свалил врага в сторону, встаю, а вся шинель в кровавых мозгах. Начало тошнить, стою на коленях, руки трясутся. Человека убил. Страшно. Штыком попал в глаз, резко рванул на себя и вверх, сорвал череп. Два дня ничего не ел. Потом стало легче, но память никуда не денешь.

Отсчет моего детства начался 22 июня 1941 года. Вот этот день, как и дни 24-25 июня, врезались в память навсегда. Отец уходил на войну, по первому призыву, как бывший фронтовик и пограничник.

Сколько горя свалилось на всех, в том числе и на детские сердца, если до сих пор жива эта рана, и я не могу говорить о тех днях спокойно. Понимали матери, провожая сыновей, понимали жены, провожая мужей, понимали и невесты, провожая женихов на войну, что это, может быть, последнее расставание, что вряд ли придется еще свидеться. Только Шурка, мой младший брат, ничего не понимал, он улыбался в зыбке. Ему от рождения исполнился только месяц.

Отец поднял меня на руки, прижал к груди, поцеловал.

- Ну, ты теперь за хозяина остаешься. Маме помогай.

Опустил меня на землю, поцеловал маму, сел на телегу - и запыхтела дорога...

12 октября. Спрашивали по литературе, поставили 5. Написал на уроке зоологии стихотворение:

Ах ты, зимушка-зима,

Наш Кузьма сошел с ума:

По деревне носится

И на девок косится.

И так далее.

Вася Собакин в перемену читал это стихотворение в коридоре. Все смеялись. Боялся, что вызовут в учительскую. Опять: «Горчаков, в

учительскую!» Обошлось.

16 октября (суббота). Пришел домой из Пермаса, а мама с Раисой, Ниной и Шуркой уже переехали в новую избу. Я так обрадовался. Надоел старый дом. Моя собака Ветка бросилась ко мне.

18 октября (понедельник). После уроков было собрание, записывали в комсомол. Меня выбрали секретарем, а Петю Вершинина - председателем. Но он сказал, что ему нет еще 14 лет, ему рано вступать в комсомол. Спросили меня, хочу ли я в комсомол. Я ответил, что схожу вот домой, спрошу тятю. Все засмеялись.

По физике - 5, по геометрии - 4.

20 октября. Пришел в школу очень рано. В классе один. Затянул песню «Разлилася Волга широко...»

Взял в библиотеке сельсовета роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Написал письмо Коле Отсусу в Эстонию. В школу хожу в лаптях. Стыдно. Глашка, хозяйская дочь, нашли письма от моей подруги, довела меня почти до слез. Письма бросил в реку.

24 октября (воскресенье). Весь день с тятьей убирали щепки, пилили бревна, которые похуже, на дрова. Я сказал тятю, что его вызывают в школу. «Что ты там опять натворил? Не пойду, пусть тебя исключают!» А что натворил? Не шалил, не грубил, просто сказал учителю, что я лучше вам сейчас устно расскажу характеристику Гринева, чем писать эти пустяки по вашему плану.

25 октября (понедельник). Отправились мы с Мишей Алевтинкиным из деревни в Пермас около 3 часов ночи. Подходим к Ульяновскому починку у Дворища, там, говорят, «манит». Боимся, на угор бежим. Каждому надо вперед. Я запнулся, упал, схватился за Мишкин лапоть. Миша тоже упал, ногой пнул меня, угодил по носу. Я закричал, а он встал и побежал. Еле его догнал.

В школу идти боюсь, без отца не пустят.

Пришел просить прощения к Ф.М., а он говорит, чтобы я шел к директору Николаю Ивановичу. Я его искал, но он уехал в город. Ушел на квартиру.

26 октября (вторник). Пришел в школу - и прямо к директору на квартиру. Он живет в «Северной Америке», это на втором этаже общежития. Николай Иванович мыл холодной водой голову под умывальником. Я попросил прощения. Он пофыркал и сказал: «Иди. Я скажу классному руководителю». Слава тебе, Господи! Опять гроза миновала.

В этот день стреляли из винтовки. Из 50 возможных очков я выбил 43. Стрелял в шапку Шурки Ленкина, но не попал.

Веду дневник прочитанных книг. В 1948 году я прочитал сто одну книгу. Получил письмо от Васи Заварина из Завражья. Мы с ним вместе учились в 5 классе Завражской школы, а жили в поселке «60-й квартал» Высокинского лесопункта.

Память

В 1946-1947 годах наша семья жила в поселке «60-й квартал», теперь - поселок «Высокинский». Шумной ватагой не менее 12 мальчишек мы ходили из поселка в Завражье. В пятом классе училось 42 человека, из них только две девочки. На последних партах сидели переростки 16-17 лет, которые в годы войны не учились.

Отцы вернулись с войны, посадили своих сыновей за парту, но вкусившим вольной жизни парням было тяжело сидеть пять-шесть уроков по сорок пять минут, да и знаний не было, позабыли все, порастеряли. К октябрьским праздникам, получив «двойки» почти по всем предметам, многие переростки покинули школу, пошли работать.

Жилось трудно. Но радость мирной жизни, надежды на лучшее скрашивали все тяготы и лишения.

Помню день 9 мая 1947 года. Весна в этом году была бурная. Река Юг вскрылась поздно, но, набрав силу в малостарыгинских и мочальнинских лесах, за сутки затопила весь поселок. Дом, в котором размещалась контора лесопункта, пришлось обвязывать канатами и крепить их к старому трактору. Наш дом стоял на правом берегу реки, под горой, но утром 9 мая вода подступила к дому, потом залила пол, а к вечеру плескалась уже в русской печке. Пришлось срочно эвакуироваться в дом на горе, где размещалась пекарня. Брат Шурка, 6 лет, сидел на досках, брошенных на металлическую кровать, и, привязав к палке стеклянную табличку «Зав. базой», «удил» с кровати «рыбу».

Но все это не мешало празднику, а только усиливало состояние какой-то радостной эйфории. Люди высыпали на улицу, все в праздничных одеждах. Было тепло, солнечно, ярко.

Особенности этого поселка в том, что на правом высоком берегу размещались магазин, пекарня, медпункт, баня, дом начальника лесопункта, а на левом, низменном берегу, были жилые бараки.

День чуть не омрачился трагедией. Брат начальника лесопункта Иван Васильевич, парень статный, красивый, трудолюбивый, смиренный, любимец девчат, решил перевезти в лодке на левый берег баб и девок. А тех с визгом и криками набилось в лодку столько, что лодка чуть не черпала воду через борт. Течение было сильное, лодку бросило на копер снесенного половодьем моста, она опрокинулась. Всполошился весь поселок. Мужчины бросились с баграми по берегу, спустили на воду две лодки. Спасли всех, но уже за поворотом реки.

Как всегда бывает в таких случаях, после пережитого страха и

волнений на людей нашла какая-то необъяснимая веселость, заиграла у магазина гармонь, молодежь, а потом и бабы, пустились в пляс, зазвучали песни, шутки, начались игры, беготня, кому-то пришла в голову мысль обливаться водой: ведь не только в сырых одеждах ходить недавно спасенным... Начальника лесопункта и других в своих домах облили водой.

А тем временем на площади перед магазином всеобщее внимание привлекла необычная и опасная для всех ее участников сцена. Бухгалтер лесопункта Заварин Андрей Сидорович на оставшемся от плаката «Да здравствует День Победы» лоскуте красной материи нацепил все свои многочисленные медали, повязал этот лоскут с медалями на шею своей собаке-дворняжке, сел на табурет и скомандовал:

- Пошла, пошла, орденов Ленина, Суворова, краснознаменная, гвардейская, пошла, пошла...

Собака, позвякивая медалями, шла по кругу, доставляя удовольствие зрителям.

Андрей Сидорович доставал недопитую бутылку водки из внутреннего кармана пиджака, наливал полстакана водки, выпивал ее на один глоток, крестился и про себя бормотал:

- Помяни, Господи, всех погибших друзей моих...

А затем сквозь слезы снова командовал собаке: «Пошла, родимая, пошла...» Отец с трудом увел его в медпункт к Панову Петру Николаевичу. Не сказать о Петре Николаевиче, умном, благородном, мудром, по-мужицки хитром фельдшере тоже нельзя. Он в этот праздник сидел на крыльце барака без кепки, в одной рубашке, но с толстой палкой в руках: от соседского козла, которого смертельно ненавидел.

О Петре Николаевиче ходили легенды и анекдоты. Он умел угадать индивидуальный подход к каждому пациенту. Пришла как-то к нему женщина, вольнонаемная, средних лет, работница конторы, с неважной репутацией. И таких хватало.

- Петр Николаевич, третьи сутки живот болит. Что делать?

- Вот что, голубушка, - сдвинув седые брови, всерьез сказал фельдшер. - Самое лучшее тебе лекарство отдаю.

Налил он ей в бутылочку из ковша колодезной воды.

- По три ложки три раза в день. Через два дня придешь.

Пациентка пришла через два дня на прием.

- Спасибо, Петр Николаевич, так пронесло....

- Легче стало?

- Легче.

- Вот так-то, голубушка. Самое лучшее лекарство тебе отдал.

Уж начал о поселке, так расскажу еще об одной достопримечательности его. К 9 мая это не относится. Рассказ пойдет

о бане. Хотя искупавшегося в холодной воде молодого парня Ивана Васильевича переодевали в этот день в бане.

Была она одна на весь поселок. Причем, что удивительно, не существовало каких-то «мужских», «женских» дней, а мылись все вместе: мужики, бабы, девки, парни, мы - подростки. Никаких перегородок в бане не было. Была огромная печь-каменка с двумя встроенными двухсотлитровыми бочками, широкий полок с тремя ступенями, две лавки вдоль стены, два мутных окна, лампа керосиновая где-то у дверей, пяток алюминиевых тазов да деревянные шайки объемом на ведро. Случались и казусы. Слышал как-то рассказ одного парня:

- Зашел в баню, разделся у печки, налил воды в шайку. Дай, думаю, погреюсь. Залез на полок, от души веником прошелся. А в бане туман, двери хлопают, то кто-то входит, кто-то выходит, кто-то на каменку воду плещет.

Слез с полка, глянул, а шайки-то нет. Пошел искать. Вижу, какая-то девка из моей шайки моется. Я размахнулся да и шлепнул ее по заднице. «Отдай шайку!» Она подняла голову, обернулась. «Ой, Вася, это ты?» Я тоже больше ее опешил: оказалось, это моя подружка Клавка. Шайку ей оставил. А с той поры встречаться перестали. Как-то стыдно.

Вот так из-за какой-то шайки любовь разохлась.

У Миши Рыкованова мать была эстонка, из репрессированных, так и не научившая говорить по-русски. Бывало, кричит: «Миша, да скорообку (сковородку)». А то пришла к начальнику лесопункта - Василию Васильевичу жаловаться: «Косила, косила, а кто-то пришел и сгреб», но произносила это слово по-своему, без звуков «г» и «р». Получалось, что нам было смешно, а вот ей вряд ли.

Где мои друзья тех лет?

Заварин Василий Андреевич работал начальником Кудангского лесопункта, несколько лет тому назад умер.

Рыкованов Михаил Михайлович работал директором Завражской средней школы, уехал в Эстонию. Там погиб.

Вечная память вам, мои друзья!

7 ноября. Домой непустили. Ставили днем концерт для школьников, а вечером - для взрослых. Я читал стихотворение К.Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», участвовал в физкультурных номерах. Зрители нас принимали очень хорошо. После каникул перейду в общежитие. Клава, жена Василия Санка Лисого, вот- вот родит. Все ходит да охает.

8 ноября. Пришел домой утром. Мама «бучит» белье. Для этого она высыпала в большую треножную шайку два ведра сухой свежей золы, залила золу тремя ведрами кипятка, закрыла лохань старой фуфайкой. Когда шелок отстоялся, она залила им белье, сложенное в

старом корыте. Когда я пришел домой, то мама терла каждую «лопотину» (белье) о доску, потом завернула белье в старый чистый половик.

- Поешь - и собирайся, поедем на Субори, на речку Чернушку, белье полоскать.

На ближней речке Колоде кто-то разрушил плотину, вода ушла.

Пришлось тащить санки с бельем через всю деревню и через летовище. Очереди у речки не было. Сегодня в деревне много пьяных мужиков и баб. Справляют праздник.

Память

А ведь эта самая речушка когда-то в прямом смысле спасла отцу жизнь.

Вызвал его лагерный немецкий офицер в канцелярию.

«Комиссар?» - спрашивает.

- Нет.

- Откуда родом?

- Из деревни Скочково Никольского района Вологодской области.

Немец достал крупномасштабную карту, раскрывает ее .

- Ваша деревня?

Да, это Скочково.

- Что это за речка Портомойка?

- У этой речки другое название. Непристойное.

- Какое?

Отец назвал.

- Повтори.

Отец повторил.

Немец громко рассмеялся и сказал:

- Иди.

А могли расстрелять. Каникулы.

Учусь играть на гармошке. Своей нет, ходил к дяде Ване, его дом рядом, он разрешил поиграть. Его жена Пелагея, мама зовет ее Полаша, не разрешила уносить гармонь из дома.

- Играй тут, за печкой, - говорит.

Пришел дядя Ваня, сильно выпивши. Сел на кухне за стол и запел. Он поет одну эту песню.

Мы не сынки у маменьки

В помещичьем доме.

Мы выросли во пламени,

В пороховом дыму...

Пускай не хвастают белые

Посадкой насаку -

Изрубим шашкой острою

Их эскадрон в муку...

И в эту войну дядя Ваня служил в кавалерийском полку. Говорит, хватил всего.

Это мамин брат. А в семье у них были еще Михаил, Петр, Федор. Все воевали. Петр и Федор погибли под Смоленском.

Рассказывают, что Федора в бою ранили, Петр стал выносить с поля боя, да наступил на мину. Оба погибли. А вот старшие братья вернулись с войны. Михаил работает бухгалтером в леспромхозе, а дядя Ваня - заготовителем в сельпо. Иногда выпивает. Купит в магазине «четвертушку», выпьет по дороге к дому сто граммов, а остальное в снег у дома сунет. Полаша, хоть и ленива, а весь сугроб лопатой перероет, найдет «маленькую», выльет в помойное ведро остаток, да и шипит: «Так тебе...» Дядя Ваня теперь всю «маленькую» выпивает в магазине. «Не выльешь!» - шумит у дома.

А еще мама рассказывает, Полаша не солит в квашне тесто. Мама как-то спрашивает: «Чего у тебя пироги- то несоленые?» - «А если посолю, то Ванька за два дня все пироги съест, а так всю неделю лежат, несоленые-то».

Какая уж тут игра за печкой с тараканами. Свел гармонь, положил на стол и ушел домой. А дядя Ваня все пел:

«Пускай не хвастают белые

Посадкой насакау...»

Каникулы. Читаю роман Л.Н.Толстого «Война и мир». Дух захватывает! Какой великий писатель жил в России! Особенно нравятся Наташа Ростова, Андрей Болконский и Кутузов. Кутузов спас Россию. Против воли царя и высшего общества он приказал оставить Москву. Это было очень трудное решение Кутузов - гений, разбил Наполеона, его армию, жизнь отдал на благо Отечества, на пользу Родине, своему народу.

Каникулы. Ходил на беседки. Поступил нехорошо. Валька Алешки Кузькина утатила меня от дверей, усадила рядом с собой на лавку. «Со мной сегодня будешь плясать», - говорит. А как гармонь заиграла, да гармонист крикнул: «Первая пара, бегай!» - Валя меня дернула за руку, и я оказался на середине избы. Поплясал, как учил меня мой братан Васютка Павлинкин. Он в этот вечер у печки стоял. Кончились беседки, мы идем с братаном домой (дома рядом), он мне и говорит: «Ты сегодня с моей подружкой плясал, да и в первой паре. Чтобы этого больше не было. Вот уйду в армию, тогда будешь в первой паре плясать. А пока это мое место».

Каникулы. Федор Михайлович дал задание узнать о своей родословной. Я спросил деда Ивана Прокопьевича, он ответил, что некогда ему, работы много. Бабушка Анна Васильевна одно твердит, что их ширинская порода (она из деревни Шири) лучше всех. Маму спросил, она говорит, что и вспоминать не хочется, одно горе за другим так и вяжется. Тяти не было дома. Так кое-что написал о дедушке

Иване Прокопьевиче, да о бабушке Христине Прокопьевне.

Дочь учителей Валентина смеялась надо мной: «Ты такой большой, а все «тятя» да «тятя». Надо называть отца «папой».

Интересно все-таки: она моя ровесница, но учится в городе в десятом классе, а я только в седьмом. Интересно, как и кто перевел ее из класса в класс?

Память

Родословной своей я занимался всегда, собирал по крупицам сведения о родственниках по отцу, по матери. О Проне Поникарове («Поникше») я рассказывал. Это был богатый и предприимчивый крестьянин, закупивший где-то в середине прошлого века рябчиков и тетеревов на 40 возов. Хотел на Нижегородской ярмарке хорошо поторговать, но в оттепель проквасил птицу, пришлось закопать. Домой Проня пришел пешком, но принес в пестере первый в деревне самовар и двуручную пилу.

А мама не хотела рассказывать о своей семье потому, что несчастья и неудачи так и сыпались на головы всех членов этой работающей семьи. Дед Дмитрий рубил лес на новую избу. Был ветер в тот день. Мерзлая сосна пошла по ветру, слетела с пенька, придавила деда. Как он вылез из-под дерева со сломанным позвоночником и дополз до саней - просто уму не постижимо. Умная лошадь довезла его до дома. Год лежал дед Дмитрий на досках, так в жизни и не распрямился, ходил на четвереньках почти, но лошадей у колодца поил сам. Умер до коллективизации.

Семью раскулачили. А раскулачил семью мой будущий тесть. Старшие сыновья Михаил и Иван уехали «на города», мать - Людмила Дмитриевна сбежала с лесозаготовок зимой 1932 года в Шарью, потом добралась до Первоуральска. Петр вступил в колхоз и стал первым председателем колхоза «Буревестник», Федор подался в город. Анна давно жила с семьей на Урале. Судьба Марии, говорят, - самой красивой женщины в деревне, - воистину трагична. Ее зверски замучил до смерти в поле из ревности муж Коноплев Павел, затем привязал Марию веревкой за шею к телеге и приволок тело жены к дому бабушки Христины. Это случилось 22 сентября 1934 года. В этот самый день я родился в городе Первоуральске Свердловской области, далеко от деревни Скочково.

Родня по линии матери многочисленна, умна, трудолюбива.

Сын Марии и Павла - Коноплев Александр Павлович, сирота, «бабушкин» внук, хлебнул горя. В последние годы жил в деревне Дор, несколько лет тому назад умер, похоронен в Никольске.

Самый любимый человек из этого рода - мама. Ей я посвятил стихи:

Биография мамы

Коротка, в трех словах:

Две войны за плечами,
Шесть детей на руках.
Шила, мыла, вязала,
Пряжу пряла, ткала...
Сколько ж ты не доспала,
Где ты силу брала?
И с колхозной работы
Не ушла на часок.
Светом вечной заботы -
Твой в окне огонек.
Ни безделья, ни скуки
Не хотела ты знать.
Дай усталые руки
Поцеловать.

Мать Горчакова
Людмила Дмитриевна

Шестерых подняла на ноги: четырех сыновей и двух дочерей. В семье три учителя, из них двое - отличники народного просвещения России, два юриста с высшим образованием. Это - подвиг простой русской крестьянки, деревенской женщины-труженицы.

Каникулы. Председатель запретил взрослые беседки. «Пока навоз в Бабье поле из дворов и конюшни по первопутку не вывезете, - никаких беседок не будет!» После октябрьских праздников в деревне аврал. Кто навоз грузит на сани, кто возит его в поле - у всех работа. Я грузил навоз в конюшне.

Память

А поле называется Бабьим потому, что его в войну женщины-колхозницы разрабатывали. Рубили лес, корчевали огромные пни. По десять человек на одной ваге висели. Земля в поле выдалась чистая, сколько навозу в нее валили - ничего не росло. Так и забросили после войны это поле. Нынче на месте поля разросся ельник, осенью полно рыжиков, а по закрайкам пошла брусника. Одно название осталось.

11 ноября (четверг). Учимся. Получил две «4». На улице холодно. Передают из деревни, что брат Шурка сломал ногу. Получил от подружки письмо и шелковый носовой платок в подарок. Дочь хозяйки Клава родила сына, он все время пищит. Да и сама Клавка только и твердит: «ой, парень, ничего из тебя не выйдет! Рано стал за девкам бегать». Ухожу в общежитие.

14 ноября (воскресенье). Весь день просидел около кровати, на которой лежал брат Шурка, носил ему есть и пить. К ноге прибинтованы две дощечки. Читал Шурке сказки. Он хорошо держится.

15 ноября (понедельник). Отправился из дома рано: часы обманули. Упер без ребят. Все их «догонял». На Ульяновском угоре перед Дворищем испугался пенька. Показалось, что человек стоит. Никому об этом не рассказал. Федор Михайлович говорит: «Ты что такое куцее сочинение о своей родне написал? У вашего дома богатая история».

Память

В этом старом доме прошло мое детство. Да и не только мое... И отец, и дед, и прадед шлепали когда-то босыми ногами по этим широким половицам.

И стоит этот дом вот уже полтора века посреди деревни. Говорят, он был последним в деревне, а за ним начинались поля. Дом постарел, осел в землю. И хоть пытается белеть сквозь чашу рябин своими кирпичными стенами, хоть и гордится палисадником и тесовой крышей, вид у него далеко не молодецкий.

Жили-были в середине прошлого века три брата: Леонтий, Иван и Михаил, все Васильевичи. Вот почему и род зовут «Васенковы».

Братья построили кирпичный завод, сами кирпич делали, сами обжигали; сами и стены двухэтажного дома на четыре больших «квартиры» возводили. Вырос дом - красавец, слава рукам крестьянским, трудолюбию человеческому.

В июле 1882 года, жарким днем, когда взрослые были на сенокосе, сгорела деревня. Остался невредимым один этот дом среди пожухлых рябин да сиротливых печек и тлеющих головней. Много видел этот дом, его история - это история села. Я люблю этот старый дом за детство, за веселую трескотню дров в печке-лежанке в зимние сумерки. А еще люблю за сказки.

Сказки все любили в доме. И потому дед всегда зазывал ночевать сказочника Митю, бродившего по деревням в довоенные и военные годы, и преданно дружил с Николаем Егоровичем, деревенским сказителем. Первого я помню смутно - борода, руки маленькие, глаза живые, умные, ласковые.

В доме было всегда многолюдно. В годы войны внизу, рядом с нами, было правление колхоза «Буревестник». Здесь говорили о хлебе, о сене, о войне, о пиве. Приходили мужики с фронта. В отпуск ли после ранения, навсегом ли - дома умирать, шли в правление.

Из этого дома ушли на войну один за другим пять сыновей Ивана Прокопьевича и Анны Васильевны: Михаил, Александр, Иван, Василий, Анатолий. Помню, Анатолий уходил зимой, шел мокрый снег. А через полгода пришла на него похоронка. И долго не могли поверить мы, что Анатолия, красивого, сильного, веселого парня уже нет на этом свете.

Главным лицом в доме был дед, высокий, рыжий, бородастый, вечно сердитый, но в душе добрый.

- Приходи сегодня со мной спать на печи в правление, завтра лыжи сделаю, - предлагал он мне, потому что до старости боялся спать один. Или вызовет сказки слушать, достанет из печки горячую, обуглившуюся картошину, положит на стол кусок ржаного хлеба и скажет: «Ешь». Смотрит на мою перемазанную рожу и улыбается: «Война кончится - чай с сахаром будем пить».

Жили, росли, казался дом большими каменными палатами.

Приедешь в деревню, посидишь у осиротевшего дома, - словно в детстве бываешь.

Сейчас нет у дома настоящего хозяина. Мальчишки выбили стекла в окнах второго этажа, замечает снег в пустые глазницы, летом протекает крыша. Так и погибнет самый старый крестьянский дом в районе. Горько на душе.

18 декабря (суббота). Мороз, на улице - 42 градуса. Учителя не отпускали нас домой, но мы ушли: все-равно есть нечего. Дыхание спирало.

Получил письмо из «Пионерской правды», посылал стихи и рассказ об отце. Ответили, что стихи слабые, рассказ не напечатают. «Учись у Пушкина». Приводят пример: «Роняет лес багряный свой убор...»

19 декабря. Потеплело. Решили идти в Пермас сегодня, в воскресенье. У Дворища нас догнали Римка и Катя Поповы и Васька Дагама (Горчаков) из Блуднова. Васька говорит, что старший брат у него живет в Москве, поэт Александр Яшин.

По дороге лопнула лямка у пестеря. Нес его, как ребенка, до Пермаса.

26 декабря (воскресенье). Отцу дали колхозную лошадь. Рано утром поехали на санях за сеном к речке Суборновке. Первый воз привезли большой, свалили в ограду, а за остатком сена тятя (или папа, отец) уехал один. Василий Павлинкин ушел в армию. Павлина, его мать, отдала мне гармонию.

Память

Работая в Никольске, я часто приезжал в деревню Сочково к родителям. И не столько погостить, сколько помочь по хозяйству. Для матери я, в первую очередь, - работник, старший сын многодетной семьи, а для отца - еще и собеседник.

Мать выплянет из-за оконного косяка, скажет: «Приехал!» - и снова за свою работу, а отец выйдет на крыльцо, тепло поздоровается, пригласит сесть на скамейку, закурит, предложит папироску и мне, удовлетворенно кивнет головой на мой отказ.

- Как доехал? Все лето до деревни дороги нет.

Пожалуешься на дорогу, отец согласится: «Дорожка - что фронтальная» и поведет в избу.

- Пора пить чай. Мать, наверное, уже самовар вскипятила.

Мама уже и впрямь развела жар в самоваре.

- Только бы погода постояла. Идите завтра к речке Суборновке, уберите там сено, - говорит она, ставя самовар на стол.

- Не поспело там еще, - не соглашается отец.

- А там и через неделю не поспеет. Вынесите траву на чистое место, вот она и подсохнет.

Спорить не стали, утром поднялись, позавтракали, взяли вилы и грабли и отправились на речку Суборновку.

В каждой деревне, я уверен в этом, есть люди, тонко чувствующие природу, а через нее песни и поэзию. Помню, дед долгими зимними вечерами почти дословно пересказывал содержание книги А. Толстого «Князь Серебряный», любил декламировать:

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов стремянный.
Дороден был князь. Конь измучейный пал.
Как быть среди ночи туманной.

Отец любил стихи С.Есенина. Может, несколько идилически смотрелась картина, когда в знойный полдень отец после какого-то внутреннего раздумья, чуть стесняясь, начинал читать:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

В годы моей учебы в школе и педучилище о С.Есенине знали немногие мои сверстники: творчество поэта не изучалось, в библиотеках его книг не было...

И вдруг - чарующий Есенин. И от кого я слышу? От отца.

Я до сих пор не только помню, но и физически ощущаю тот восторг и упоительную радость от услышанного, каждый раз заново переживая это чувство. Сколько лет прошло, а это не забудется, как одно из самых ярких впечатлений детства и юности.

Работали весь день, поутомились. Кормина для скота в то время давалась нелегко. Широкие колхозные сенокосы выкашивались каждое лето до последнего гектара, для своей коровы приходилось искать траву где-то в дальних верховинах лесных логов. Зато какое счастье, какое блаженство посидеть у свежего стога, спиной ощущая тепло остывающего сена.

А мама уже ждет нас. На столе шумит самовар, аккуратными ломтиками нарезан хлеб, из печки выставлена кринка горячего молока и горшок щей.

- Сколько сена нагребли? - интересуется мама.

- Воз хороший будет, - отвечает отец.

Мама не верит.

- Каждое лето так: как уйдешь сено ставить - воз выходит, а зимой и возить нечего.

Отец не возражает, но ссылается на меня:

- У меня свидетель есть. Может, воз и не выйдет, так у меня рядом в лесу две копешки есть.

- Вот так-то вернее будет, - соглашается мама.

Особая радость сейчас в душе оттого, что годы детства и юности связаны с родным домом, с трудом и с поэзией.

30 декабря. В школе была елка. Василий Васильевич был Дедом

Морозом. Меня заставил спеть песню «Прощай, любимый город». Дал тетрадку в подарок. На улице холодно. Принес домой «Табель успеваемости». Нет ни одной «тройки». Тятя, нет - папа, сказал: «Молодец!» А больше мне ничего и не надо.

Ходил на беседки. Играл на гармошке. Все запоминал частушки.

Под окошечком рябина-

Веточки связались.

Был бы дролечка поближе -

Век бы не расстались.

Прочитал в газете, что вологодский поэт Сергей Викулов собирается издать сборник частушек. Буду собирать хорошие частушки и пошлю ему. Хороших частушек мало. Бабы поют много нецензурных частушек.

Память

Частушек я собрал, действительно, много. В 1950 году отослал Сергею Викулову три тетради с частушками. Это не менее 500. Сборник был издан. Среди авторов есть и моя фамилия. Даже гонорар получил.

А вот с другого рода частушками не знал, куда и деваться. Засели в голове - и не забудешь, не выбросишь. Наконец, собрал и их, записал, послал А.Топоркову в Московский университет. В 1995 году в Москве, в научно-издательском центре «Ладомир» вышла книга «Русский эротический фольклор», 645 стр. Правда, моей фамилии в книге нет, хотя некоторые частушки узнаю. Да и книгу получил в подарок.

Ценю и берегу и другую книгу «Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области», издательство «Советский композитор», Ленинград-Москва, 1975 год, составитель и комментарии М.Мазо, 62 страницы, тираж 1700 экземпляров. Я помогал Маргарите Львовне Мазо и членам ее экспедиции добираться до Скочкова, Пермаса. Отец мой и его сестра Ольга Ивановна напели им несколько песен.

Книга написана с большой любовью к Земле Никольской, к ее чудесным и талантливым людям. А было это в 1969 году, записи производились в 97 населенных пунктах 15 сельсоветов района. От 208 исполнителей сделано около 800 магнитофонных записей.

Сборник Маргарита Мазо посвятила «замечательным Никольским песельницам». Так что, живы Никольские песни, не забыты их исполнители, хотя многих из них сегодня нет среди нас, ушли они в мир иной, оставив потомкам свое богатое наследие. Это Е.В.Карачева из Калинина, ей в ту пору было 83 года; А.А.Черногубова, О.И.Игумнова и многие другие.

Каникулы. Дед посоветовал: «Сходи ты к Ладьке Сергееву, он более грамотный, расскажет о родословной». Сходил. Ладька пообещал написать.

Память

Он сдержал слово, написал. Только тетрадь «Потомственная запись Горчаковых» отдал мне в 1963 году. К этому времени я и сам уже многое знал, но вот не удержусь и приведу дословно его описание собственной судьбы, сдержанное, сухое, но от этого не менее интересное и драматическое. Итак, голос из далекого далека.

«В деревне меня зовут Ладька Сергеев, хотя мое полное имя Горчаков Владимир Степанович. На «Ладьку» так переделали мое имя, а «Сергеев» потому, что сиротой жил у бабушки Сергея.

Родился я в 1888 году. Детство прошло в деревне Скожково, учился три года. После школы прят куделю на портянки. Раньше ходили все время в лаптях. Освещение было из лучины. Нащипают тонкими дранками и жгут в светце. Керосину расходовали всего 3-4 литра за всю зиму. Чай пили в неделю один или два раза. Заработка не было. Люди только вышли из овиных ям после пожара в деревне в 1882 году, построили маленькие избышки. Многие пошли просить милостыню. Я подрос, возил дрова в город Никольск, платили по рублю за сажень. Потом стал учиться пахать. Сохи были своей работы, железа всего - два ральника да отвал. Положение стало улучшаться, когда стали выработать рязанские плуги. Пахали единолично, узенькими полосками. Скот стоил дешево, за корову давали от двенадцати до восемнадцати рублей. Старые лошади стоили пять рублей. За ними приходили татары, скупали и угоняли гуртом. Стало жить лучше с 1907 года. В лесу нарезали делянки, тесали шпалы, плутили лес и весной сплавливали его до Кич-Городка, а там паромами и пароходами отправляли в Архангельск.

В 1911 году умер дед Сергей. Ему было 92 года. В 1912 году я женился, взял в своей деревне у Ильи Александрова дочь Дарью. В 1913 году родился сын Дмитрий.

В июне 1914 года была объявлена война с Германией. Меня взяли на военную службу. После войны вернулся домой. Имел две лошади, стал рубить лес и возить его на избу.

В 1918 году стали наделять планы (участки), намеряли 28 планов, кинули жребий, кому и где достанется. Заняли поле, раньше в полях не строились. Нас, бывших солдат, занявших поле, прозвали старики «самодумцами», а улицу Самодумовом. Через год перешел в новый дом. Отец Степан умер. Поделился с братом Павлом. Мать, две сестры, Евлампия и Лукерья, жили у меня. Евлампия еще в 1912 году заболела, «выворотило» позвоночник, сгорбилась, ходила с палкой только по избе.

В 1919 году началась Гражданская война. Брата Павла мобилизовали. Пропал без вести. Сестра Лукерья вышла замуж за Никанора Емельянова. Я отдал ей корову, мелкое имущество, продал лошадь за 26 рублей, отдал им деньги, да для них продал новый сруб.

Сестра Евлам- пия перешла потом в няни к сестре.

В семье у меня было семеро детей. В 1936 году многодетным матерям, имеющим 7 детей, выдали по две тысячи рублей.

А в 1931 году объединили нас в колхоз, назвали его «Буревестник». Пришлось сдать трех коров, лошадь да жеребенка на третьем году. Жили всякое. Дети разъехались. Михаил и Геннадий уехали в Казахстан.

В 1962 году в деревню Сочково провели радио и свет. В этом же году сын Иван продал свой дом и уехал жить к теще в деревню Захарово Вахневского сельсовета. На этом кончаю. Запись 1962 года».

Каникулы. 7 января. Рождество. Мама сказала, что надо устроить «влазины». Папа согласился. Мама наварила пива. Но это не пиво. Я видел, как она бросала сахарный песок в пиво. А это уже брага. Гости были только свои.

Иван Дмитриевич (мамин брат) пришел один. Его жена Пелагея в гости не ходит. Дядя Ваня принес гармонь.

Потом пришли: Михаил Иванович, брат отца, старший, с 1904 года рождения. Его жена Павлина по гостям не ходит. Боится нашей родни по матери, потому что Марию убил муж из ревности к Михаилу Ивановичу, ее мужу. Но никто бы ее не тронул.

Иван Иванович с женой Александрой Ивановной (из того самого Кривяцкого) принесли корзину пирогов.

Ольга Ивановна с мужем Василием Степановичем пришли уже чуть навеселе. Ольга начала с порога плясать:

- Ягодиночка на льдиночке,

А я на берегу.

Брось, миленочек, жердиночку, -

К тебе перебегу.

Ольга Ивановна без песен и пляски жить не могла.

Василий Иванович с женой Галиной Дмитриевной пришли скромно. Но принесли полную корзину пирогов и рыбник. Тетя Анна не пришла.

Последним пришел дед Иван Прокопьевич. Играл на гармошке. Стер обе руки.

Память.

Вечер один из памятных. Вся семья собиралась редко. Жили дружно, помогали друг другу, никогда резко не ругались, но шутить и разыгрывать друг друга любили. И совсем по-свойски, беззлобно.

Дед Иван на кухне тянулся на пальцах с Иваном Дмитриевичем. Последний, будучи моложе, конечно, перетянул. Дед «шумел»: «Ты раньше за палец захватил!»

А братья решили подшутить над Михаилом Ивановичем. Он, как только выпьет, шумит на всю деревню:

- Я видел Маршала Конева!

Иван Иванович, его брат, и говорит:

- А я к Маршалу Жукову в приемную входил!

Начали разыгрывать Михаила Ивановича. Зла, повторяю, не было.

- Ты, Михаил Иванович, из семьи самый храбрый. Ну-ка, принеси с каменки из твоей бани камешек.

- Сегодня?

- Сейчас.

- Праздник большой сегодня. Нельзя.

- Боишься? Трус ты, Михаил Иванович.

- Я - трус? Ну, уж этого не бывало.

Папин брат, Иван Иванович, надев старую фуфайку, уже убежал с веником-голиком в баню.

И только Михаил Иванович взял камень с печки в бане, как Иван Иванович шеркнул веником по стене.

Михаил Иванович пулей вылетел из бани. К нам он пришел через полчаса, но уже в других штанах. Братья шутили: «Камень-то очень чистый». Михаил Иванович на полном серьезе отвечал: «Павлина, моя жена, камень вымыла. Говорит, все штаны сажей запачкаешь. А ведь принес! А вы говорили...»

Пошутили. Вспомнили старое. Пригласили деда.

- А мы на тебя, тятя, до сих пор обижаемся, как ты нас вожжами отхлестал, - говорит отец. - Надо же. Ведь мне было восемнадцать, а Михаилу - двадцать два.

- Стоило. Надо было не вожжами, а клюкой или ухватом.

Стали вспоминать, как отец с братом Михаилом ходили на заработки - шпалы тесать - в 1926 году. На заработанные деньги братья в городе «отоварились»: Михаил купил гармонь, а батька мой - наган с шестью патронами. Дед их за это и побил.

Заставили меня играть плясовую. Василий Иванович плясал с выходом, легко, будто летал по воздуху. Любимая частушка его:

- Серый камень, серый камень,

Серый камень - семь пудов.

Серый камень так не тянет,

Как проклятая любовь.

Ольга Ивановна дробила каблуками так, что и заглядишься, и заслушаешься.

- Я не лягу под машину,

Под большое колесо,

Пойду лягу под шофера -

Там тепло и хорошо.

- Пошла, дурная. Теперь не остановишь, - сказал Василий Степанович, муж Ольги.

Вытащили на плясовой круг и отца. Он плясать не умел, но на кругу топнул ногой, вскрикнул: «Эх, Санко!» - и сел.

Пели песни. Василий Иванович который раз начинал: «Ты ждешь,

Лизавета», дядя Ваня пел одну песню: «Пускай не хвастают белые посадкой насакаку...», отец - «Вниз по Волге-реке с Нижне Новгорода...», Ольга - «Последний нынешний денечек...».

Вспоминали Анатолия, младшего брата, не вернувшегося с войны. Ольга всплакнула. А Василий Иванович об одном твердит:

- Плясать хочу! Играй на басах.

Старшие братья говорили о войне. Эта проклятая война была с нами даже в праздники. Куда от нее деться?

Память

Пришли святки. Можно вспомнить и о деревенских чудаках. В каждой деревне есть свои чудаки, но в Скоцкове их было, пожалуй, особенно много. Может быть, детская память так цепко удерживала эти картины...

Вот дед Иван Прокопьевич где-то уже после войны сложились со своим давним другом Николаем Егоровичем на четвертинку водки. Поставили самовар, в чайник бросили щепотку чая, выпили по стопочке водки, сидят - разомлели. Но дед держит в кармане коточиг, при помощи которого плетут лапти, а Николай Егорович сунул в карман шилю.

- Драться-то будем, Иван Прокопьевич?

- Будем, Николай Егорович!

- Когда, Иван Прокопьевич?

- Погоди немножко, Николай Егорович.

Скоро уже и самовар выпьют, а все сидят за столом. И разговор один:

- Драться-то будем, Иван Прокопьевич?

- Да, пожалуй, сегодня поздно, Николай Егорович.

И мирно расходятся.

Или был в деревне такой чудак, человек сметливый, природный гимнаст Горчаков Арсений Михайлович. Любил пофорсить, а жил бедно. Купил в молодости компас вместо часов, прицепил его на длинную тонкую веревочку (цепочки не было) - и в карман.

На беседках парни спрашивают:

- Сколько часов-то, Арсений Михайлович?

Арсений важничает, но потом достает свои «часы» из кармана и небрежно бросает:

- Восемь часов девяносто две минуты!

- Спасибо за точное время.

Все, что с ним случилось, - и описать трудно. Но было и такое: пили они в новом доме с женой Марией чай из самовара. Был июль. Душно. Надвигалась гроза. Вот гром и молнии - рядом. Арсений открывает настежь окно. Мария взмолилась: «Убьет!» - «Воздух чище!». И в этот самый момент раздался страшный гром над головой - и в окно влетела шаровая молния. Она, шипя, тихо плыла вдоль стены. Арсений вскочил, схватил веник и ударил по молнии. Она нехотя вползла в чело

печи и там рванула. Полпечи разнесло. Другого бы убило, а его нет.

Любил разыгрывать свою жену Марию.

- Завтра разводимся. Будем делиться!

- Будем, Сеня.

- Значит, корова - твоя.

- Моя, Сеня.

- Крупный рогатый скот мой.

- Твой, Сеня.

- Овца твоя, а мелкий скот мой.

- Согласная.

- План твой, а огород мой.

- Ой, не согласна я. Что я без огорода-то делать буду. Ведь всю картошку коровы истопчут.

- Ладно. Развод переносится.

Или - еще случай. Ушла Мария корову доить, Арсений тотчас разделся догола, уцепился ногами за брус полатей - и висит.

Открывает Мария дверь - молоко все из ведра на пол, сама в слезы:

- И зачем ты, Сеня, вниз головой-то повесился?!

В каждый храмовый праздник Арсений что-нибудь учудит. Сбился по рукам с мужиками, что за четвертинку водки бросится в колодец. Выбрали самый глубокий. Арсений разделся, вскочил в бадю - и вниз.

Мужики кричат:

- Вытаскивать или чекушку в воду опускать?

- Опускайте сначала чекушку.

Погиб Арсений Михайлович в первые дни войны.

А вот сын Михаил пошел в него. Уже в начале шестидесятых годов приходят парни к нему в дом и видят: сидит Миша за столом на лавке, на столе стакан с водой, а в воду опущены два проводка от контактов плоской батарейки.

- Что, Миша, атомную бомбу изобретаешь? Ведь взорвешь все Сочковом!

- Кислород выделяю, чтоб в избе было легче дышать.

Пока и все о чудаках. Хотя на этом не конец.

Память

Вести от отца приходили только в первые месяцы войны. Мама читала по слогам солдатские письма, радостно сообщала нам, что папа жив, здоров, передает привет, всех целует, а потом вечером, уложив нас спать, старательно выводила на тетрадном листке каракули: мама училась всего один год. Через много лет отец вспоминал о тех письмах:

- Письмо из дома читаю - больше догадываюсь. Если написано «сено, мыло», понимаю, что это - «Сано, милый».

В каждом письме были наши приветы: мой рисунок танка или самолета, неуклюжие цветочки сестер. Шурка рисовать не мог, ему

было всего несколько месяцев, и мама, положив малюсенькую Шуркину ладонь на листок бумаги, тщательно обводила карандашом кисть и пальчики.

Осенью письма стали ходить реже, а потом и совсем перестали поступать весточки от отца. Почтальон четыре года обходил наш дом. Мама начала бояться его черной сумки: почти в каждую семью почтальон принес серенькую бумажку - похоронку. Маленькая бумажка, а горя сколько!

Но мы ждали, ждали. Мама не позволяла садиться за стол ни утром, ни вечером, пока мы не помолимся за спасение отца.

В сорок втором году я пошел в первый класс, научился писать и читать. И теперь я уже доставал с полки зачитанные письма-треугольнички и всей семье перечитывал их вслух.

Были в деревне и злые недоброжелатели. В июле сорок третьего года пришли в дом учитель-пенсионер, бригадир да понятой из соседей.

- От хозяина вестей нет, значит, он в плену, враг народа. Половину огорода изымаем в пользу колхоза. И вбили колья посреди картофельных гряд.

- Ниже кольев не копать.

Судьбы четырех ребятишек их не интересовали.

Мама пошла в город, в военкомат, захватив отцовские письма. Ответ пришел незамедлительно. Бригадир лично вытащил колья из картофельных гряд.

Отгремела война. Возвращались в деревню солдаты.

В конце мая приехал и мой дядя Иван Иванович, брат отца: золотые погоны офицера, седые вьски.

- Большой стал и весь в отца, - сказал он мне при встрече. - Держись, парень, и на нашей улице будет праздник.

Праздник пришел неожиданно. Это случилось в летний июньский день, когда мама ушла в деревню Кривяцкое на свадьбу Ивана Ивановича. Именно в этот день почтальон завернул к нашей калитке:

- Вам письмо. От отца.

Я знал, что он напишет! Мы все верили, что он напишет!

Прежде чем разорвать конверт, я прочитал адрес: Вологодская область, Никольский район, Пермасский сельсовет, деревня Скочково, Горчаковой Людмиле Дмитриевне (если жива), Горчакову Ивану Прокопьевичу (если жив), Горчакову Геннадию Александровичу.

Это мне!

Я написал ответ: «Здравствуй, тятя! Мама ушла к пиву. Дядя Ваня женится...» Отец вернулся в сентябре. Мама в этот день на колхозном току сортировала зерно. Без телеграммы (да и зачем волновать родных, когда и сам не знаешь, сколько суток пройдешь пешком почти двести километров от станции Шарья до своей деревни), с пустым вещевым мешком, встал он на пороге родного дома.

- Здравствуйте, дети!

Шурка и Нина рисовали что-то, сидя на лавке за столом. Я и сестра Раиса были в школе.

- А ты кто? - недоверчиво спросил Шурка.

- Я ваш... отец.

Но Шурка не поверил: отец у него был молодым, вон он - на фотографии - и обидно заревел.

Счастьем светился наш дом. Мама снова научилась улыбаться. Я подражал отцу во всем: учился ходить степенно, как он, не торопясь, брал кусок хлеба за столом, даже перестал драться со сверстниками. Кто не поймет мальчишечье счастье!

Наше военное детство стало далеким прошлым. Шурка, ныне Александр Александрович, работает в Верховном Суде России, Нина - «Отличник просвещения России», Раиса - пенсионер.

О, как многому научил меня отец! Тринадцатилетним парнишкой я строил с ним дом, неумело стуча топором, вел за ним покос по лугу, удивляясь его силе и сноровке. Он научил меня любить этот мир и эту землю.

Любил бывать дома. Здесь было самое спокойное место на земле, самая вкусная вода - из колодца, вырытого отцовскими руками, самый сладкий мед из его ульев...

Наш дом, который мы с отцом строили, односельчане сожгли майской ночью несколько лет назад. Я нанял бульдозер, сгребли головни в кучу, засыпали их землей. Головни дымили все лето. Дом не хотел умирать.

Будущее должно быть прекрасным

Славна земля Вологодская и славян Поюжья! Ещё в допетровские времена народы, населяющие наши края, кормили хлебом центральную Русь, Урал и Зауралье. С хлебом наших предков отправлялся храбрый Ермак покорять Сибирь.

Наши земляки были отважными воинами. Недаром у Суворова любимым был Вологодский полк, совершивший героический переход через Альпы, на поле Куликовом насмерть стояла Белозерская дружина, в Великую Отечественную войну сотая дивизия, сформированная в Вологде, первой получила честь стать гвардейской.

Великий труженик и воин - такой народ рождает великие таланты. С Никольской землёй связаны имена известных русских писателей Павла Засодимского и Владимира Гиляровского.

**Отец и брат Александр (Саша).
Семидесятые годы.**

На нашей земле ярко расцвёл удивительный талант поэта Александра Яшина. Известный современный писатель Роберт Балакшин, живущий ныне в Вологде, сказал, что таланта Александра Яшина с лихвой хватило бы всей Европе на целый век. Неоценимая заслуга А.Яшина и в том, что он сумел заметить, поднять и

Александр Романов, Виктор Коротаев, Геннадий Горчаков в Никольске.

Фото Вл. Покровского.

выпестовать талантливых людей на Вологодчине: Василия Белова; Александра Романова, Виктора Коротаева, Николая Рубцова.

Помню, как в далёком пятидесятом году прошлого века проходило первое областное совещание молодых писателей в Вологде, участником которого был и я, тогда учащийся педучилища. С отеческой любовью поддерживал Александр Яшин любую, чуть заметную искорку таланта в каждом из участников. «Держайте, пишите, больше читайте, учитесь каждый день!» - напутствовал он нас.

Сегодня ярко горит звезда поэта Василия Мишенёва. Слава его давно перешагнула границы области. Поэт В. Мишенёв обрёл общерусскую известность, стихи его востребованы, находят живой отклик в сердцах читателей. И всё потому, что поэт - человек неравнодушный, душой болеющий за Россию, за отчий край и родимый дом.

И опять нам повезло: Василий Мишенёв не замыкается только в рамках своего творчества, своего таланта, он щедро дарит душу свою и творческий опыт всем, кто тянется к перу, в ком светится искра божья. Один за другим выходят сборники стихов А. Лешукова, В. Цветкова, Н. Селиверстовой, А. Лакеева, Р. Панова, С. Маркеловой.

Помнят о Никольске и Вадим Каплин в Вологде, Игнатий Белозерцев в Москве, Василий Андреев в Ростове Великом.

Чудна и щедра талантами земля Никольская! И нет сомнения, что зазвучат новые песни во славу родного края, с твёрдой уверенностью в счастливое будущее вологодской земли.

Да и сегодня на глазах меняется к лучшему облик родного края. С пуском дороги на Шарью Никольск приобрёл стратегическое значение для всего Северо-Запада России. А это значит, что будут жить на этой земле наши внуки, процветать земле никольской.

Это как раз то, о чём мечтал поэт Александр Яшин, к чему всеми силами души своей стремимся и мы.

К сожалению, праздник поэзии, посвященный 90-летию со дня рождения А. Яшина, под громким названием «Вся Родина моя - Бобришный Угор» получился тусклым, невыразительным. И виной тому не только субботный дождик в городе. Устроители праздника ограничились старым, уже приевшимся никольчанам сценарием, не внесли ничего нового, оригинального. Не было и так ожидаемых поэтов и любителей русской литературы из районов Поюжья.

Это всё поправимо. Главное, не потерять интерес и желание проводить поэтические праздники в районе.

Геннадий ГОРЧАКОВ.

Песня о родной школе

(написана к 125-летию средней школы № 1 г. Никольска)

Тихой улочкой, тропкой знакомой
Каждым утром мы в школу идем.
Ведь недаром зовем ее домом
И родною недаром зовем.
Нас встречает любимый учитель,
Нам смеется веселый звонок.
Сколько новых веселых открытий
Принесет долгожданный урок!
Наша школа в излучине Юга,
На высоком речном берегу.
И ее я, как лучшего друга,
Никогда позабыть не смогу.
Не забуду любимую школу,
Дружный класс и последний звонок,
Громкий шум переменок веселых,
Свой зеленый Никольск - городок.
Под знакомые гулкие своды,
У родного порога клянусь,
Что сюда через многие годы
Обязательно снова вернусь.
Чтоб увидеть знакомую парту,
Чтоб учителю руку пожать,
На простой исторической карте
Город новой судьбы показать.
Но не скоро, не скоро, не скоро
Мы из школы любимой уйдем.
Так давайте же громко и хором
Мы о ней эту песню споем.

Геннадий Александрович ГОРЧАКОВ.

Первый самовар в деревне

Давно собирался написать о своем далеком предке - прадеде по линии матери - о Поникарове Прокопии Корниловиче, а тут рядом Ильинская ярмарка в Никольске, событие яркое, праздничное, случай самый подходящий для воспоминаний.

Прокопий Поникаров (по прозвищу Проня Поникша) считался в деревне Скочково богачом. Да это так и было. Трудолюбивый, предприимчивый, не знавший покоя, он выходил за рамки обычного представления о крестьянине. А, может, это мы сами, исходя из недавних коммунистических представлений о прошлом, так унизительно упрощали жизнь и возможности русского крестьянина в прошлом веке? Пожалуй, это так и есть. Проня имел богатый дом в деревне Скочково, но семья росла, в доме становилось тесно. Жена Прокопия Корниловича - Анна Матвеевна - родом из Блуднова, родила 16 детей. Выжили девять. Бабушка Христина была двенадцатым ребенком. Анна Матвеевна была подстать Прокопию - трудолюбивая, неумная, мастерица на все руки. Девушкой пешком в Киев ходила богу молиться.

Итак, семья увеличивалась. И решил Проня выстроить новый дом. Выбрал участок за Дальней Чернушкой, километрах в семи от деревни, за Вторым Амбалом (между деревнями Скочково и Куданга протекают три речки Первый, Второй и Третий Амбалы), срубил дом, конюшню, вырыл колодец, разрубил лес под новины, только бы переезжать...

Но лютых людей и тогда было много. Кто-то темной осенью сжег все строение. Урочище и сейчас зовется Пронин починок. Это был страшный удар для семьи. Прокопий Корнилович нашел в себе силы подняться. Зимой - где-то в конце восьмидесятых годов прошлого столетия - он закупил в деревнях уезда рябчиков и тетеревов на 40 (сорок) возов и отправился с этим богатством по весне на ярмарку в Нижний Новгород, об этом писала газета «Вологодские губернские ведомости». Неудача преследовала предприимчивого мужика и на этот раз. Началась ранняя весна, оттепель, птицу пришлось вывалить и закопать в ров, да еще и штраф заплатить. Проня пешком вернулся в деревню из Нижнего Новгорода, еле ноги приволок, но принес на себе в пестере пилу о две руки, да медный самовар. Вся деревня сбежалась смотреть, как Прокопий Корнилович с семьей пьют чай с сахаром из самовара. Это было событие для деревни.

Сыновья (а их было семь) стали зажиточными крестьянами. Иван Прокопьевич - опять после пожара в деревне - переехал в город. Павел Иванович Поникаров, известный в Никольске рыбак, сын ему. Кузьма Прокопьевич народил смекалистых, трудолюбивых, добрых парней. Род по этой линии весьма многочислен. По всему району - родни: в Блуднове, Кожаеве, Шолкове, Кузнечихе, Куданге, в самом Никольске...

Да и бабушка моя Христина Прокопьевна (царство ей небесное!) дала начало знаменитому, выносливому, талантливому роду.

Гуляй, Ильинская ярмарка, помни о тех, кто торговал на этой площади и в старые добрые времена, кто жил и работал когда-то ради всех нас.

Геннадий ГОРЧАКОВ.

По просьбе зрителей, присутствовавших на районном смотре сельской художественной самодеятельности, посвященном 50-летию образования СССР, публикуем ниже песню «Край мой северный».

Край мой северный

Слова Г. А. Горчакова, музыка В. Н. Синегина.

Встану утром рано-рано

И один в луга уйду,

Ой, туманы-растуманы,

Лучше края не найду.

Припев:

Край мой северный,

Край любимый,

Сердцем верным я с тобой.

Ох, недаром ты зовешься

Вологодской стороной.

Все вместил мой край зеленый.

Гладь озер, разливы рек,

Жизнь счастливую построил

Наша советский человек.

Припев:

Край мой северный,

Край любимый,

Сердцем верным я с тобой.

Ох, недаром ты зовешься

Вологодской стороной.

Лучший лен у нас родится,

Городских не счесть огней.

Разве можно не гордиться

Вологодчиной моей.

Припев:

Край мой северный,

Край любимый,

Сердцем верным я с тобой.

Да, по праву мы гордимся

Вологодской стороной.

Сохраним песни и предания для потомков

Не ослабевают внимание исследователей народного поэтического творчества к песням, пословицам, поговоркам, сказаниям, рожденным на нашей вологодской земле.

Приходится только удивляться и радоваться тому, какой неподдельный интерес у москвичей вызвало выступление русского фольклорного театра акционерного общества «Северсталь» из Череповца под руководством Евгения Павловича Максимова. Для меня было большим откровением услышать по телевидению слова одной столичной, знаменитости: «Вологодская область - кладезь русской души». Это, мои земляки, о нас с вами сказано. Эти замечательные слова и побудили меня написать небольшую заметку,

В юности я активно собирал на родные частушки, многие из них вошли в первый сборник «Вологодские частушки», изданный в пятидесятые годы под редакцией поэта С. Викулова.

А когда учился на курсах повышения квалификации в Москве, то все вечернее время проводил в читальном зале Центральной библиотеки имени В.И. Ленина. Меня интересовало народное творчество вологжан, а, в частности, жителей тогда обширного Никольского уезда. Помню, как меня взволновала песня одного крестьянского поэта своей впечатляющей образностью;

- Сколько на печи печины - Столько на сердце кручины.

Вдумайтесь, какое сравнение, как точно сказано о тяжелых думах мужика! В этих словах - вся жизнь Никольского крестьянина.

А вот зачин другой песни:

- Посоветуйте, миряне,
Кого отдать во солдаты?
Отдадимте-ка, миряне,
У вдовы сына Ивана.
Ванька белый, кудреватый.
Холостой он, неженатый...

Конечно, отдали Ваньку во солдаты. Разве могла что-нибудь сделать вдова в защиту единственного сына?

Целая россыпь свадебных заповок. Они, в основном, девичьи. Но встречаются песни и от лица парней, такие ухарские, чисто вологодские:

Накануне Рождества
Сеял репу - не возшла!
Сватал Катю - не пошла!
Пересею - так взойдет,
Пересватаю - пойдет.

Северный русский крестьянин отличался набожностью, но это не мешало ему зло высмеивать служителей церкви за житейские

«промашки». Интересно читается большое стихотворение про покровского попа, который «был до девок очень добр», повадился к девице Аняте, был уличен, с позором бежал со свиданья.

Но мы все время обращаемся в прошлое. Я почему-то уверен; что в районе есть немало любителей русской словесности, ценителей и знатоков севременного устного на родного творчества. Совсем недавно через публикации в газете «Авангард» мы с радостью, интересом и благодарностью автору прочитали замечательные исследования Владимира Николаевича Поникарова по истории возникновения названий Никольских деревень и местных фамилий. Знаю, что богатый материал о народных сказаниях, поговорках, загадках собран учителями Кожаевской, Осиновской, Теребаевской. Пермасской и других школ. Давайте его обобщим, а о том, что особенно интересно, — расскажем в газете.

В свое время большой интерес вызывали такие заметки А. Панова. С. Топоркова, И. Карачева. Помнится заметка Н. А. Колтаковой из Дунилова об Анфаловой могиле.

Время скоротечно. Что не сумеем сделать сегодня - никогда уже не сделаем. Многие забудется, так и не станет достоянием будущих поколений русских людей.

Геннадий Горчаков.

Куда нас мчит эпоха

Приехал летом брат Александр из Москвы, а сестра Нина - из Великого Устюга, и решили мы съездить в деревню Скочиково, на речку Кудангу, что в трёх километрах от деревни. Там на Горе погост, где похоронены родители.

Дорога до Осинава нынче чудесная - асфальт, да и от сельсоветского центра до родной деревни через Шолково хоть и просёлочная, но поднятая, оканавленная, ухоженная. «Жаль, отцу не пришлось походить по ней, всю жизнь месил сапогами грязь по колено», - заметила сестра.

Доехали быстро. День июльский жаркий, солнечный, но в деревне попадаются пьяненькие, такие весёлые и довольные жизнью молодые мужички.

- Почему мужики не на сенокосе? - спрашивает брат у соседки.

Та сокрушённо заявляет:

- Так местный предприниматель завёз дешёвый спирт - настойку женьшеня, мужики развлекают и пьют.

Вспомнили мы детство, юношескую послевоенную пору. Это вовсе не был соблазн обратиться к собственной биографии. Как было трудно

содержать корову! Сено заготавливали на дальних урочищах, ношами таскали его за многие сотни метров куда-нибудь в укромное место («Вдруг бригадир увидит - увезут на колхозный двор»). А сейчас, когда в такой большой деревне не содержится ни одной общественной головы «крупного рогатого скота», да и кирпичная ферма разобрана, всё разворовано, разбито, будто Мамай прошёл, - сейчас-то коси, где хочешь, раздолье для частника, но вот... «дешёвый спирт привезли...»

Да и колхоза-то прежнего нет: был «Каменный», когда-то - «Буревестник». Не стало колхоза «Каменный» - исчезло, ушло в небытие имя. А ведь назывался-то как: «Каменный», вроде - вечный.

Работают за околицей пилорамы, мужичкам есть работёнка, вот и на дешёвый спирт хватает, но это всё до поры. А что потом? Пожилые женщины возмущаются: «Весь хороший лес скоро вырубят, трактора вон день и ночь шумят». И правда - дороги за деревней разбиты, колес страшные. «На кладбище на машине не ездите - не проехать», - советуют мальчишки. Это на «Ниве» - то не проехать? А как покойников на погост возят? «Кто как сумеет: на тракторе, на лошади. Вот был случай: везли покойника на телеге, да опрокинули гроб в колею...» По телу бегут мурашки.

С укором и опаской смотрят старые люди на эту страшную дорогу за деревню, за летовище, заросшее высокой непонятной травой, которую не ест скот, на снующие по сельской улице тракторы с лесом, - и горько на душе.

На кладбище мы проехали. Всё-таки машина проходимая. Побуксовали, правда, в речке Султанихе. Лето было сухое, а в дожди, говорят, тут и тракторы буксуют.

Кладбище разрослось. Поразила тропинка к Дормидонтову ключику, вода в котором почитается святой. Тропинка заросла высокой крапивой. Она-то откуда тут взялась?

Спустились к речке Куданге, побродили в холодной воде. В детские военные годы мы совершали сюда групповые набеги с медотками (мешок с двумя палками-ручками) за рыбкой-молявой. И всегда возвращались с удачей.

Знаменитое моё село! Здесь сохранился дом, в котором Александр Яшин писал «Вологодскую свадьбу», сюда приезжал за невестой на самосвале жених из Теребаева.

При всём «негативе» деревня не производит впечатления умирающей. Свои дома мужики обустроивают, изб-развалюх мало. Значит, в душе мужики ценят эту землю, верят во что-то. Дай-то Бог!

Геннадий ГОРЧАКОВ.

Всех чтить и помнить

Тестя своего, Серапиона Емельяновича, родом из деревни Блудново, я не знал. Да и знать не мог, так как он умер в 1942 году от туберкулеза легких, будучи работником Кемского леспромхоза. Похоронен около церкви в селе Никольском. Могила его не сохранилась. В церкви была устроена местная МТС. Трактора въезжали, выезжали, разворачивались... Не думаю, чтобы кто-то нарочно сравнивал с землей и грязью могилу Серапиона Емельяновича, его в Кеме уважали, но факт налицо - могила стала неизвестной. Не ездим мы, как и многие другие в это село, потому что не знаем, где склонить голову перед прахом родного человека.

Это трагедия нашего века. О Серапионе Емельяновиче известны крайне противоречивые сведения. Я встречал людей, которые при упоминании его имени сразу от меня отворачивались, прекращали всякие отношения. На свою свадьбу мой друг Поникаров Михаил Владимирович не пригласил нас с женой Алей (а мы были первыми друзьями всю жизнь) только потому, что теща его узнала, что моя жена дочь «Серапиона». Потом хватало скандалов на этой почве. Да и мы-то с моей верной подругой, а в будущем - замечательной женой-не знали всей ситуации, - просто не мыслили жить друг без друга.

Драма проявилась наяву, когда мы с женой расписались в Узбекистане, а свадьбу решили справить в Карныше, на Никольской земле. Я учился заочно в университете, приехал только в августе 1957 года в Никольск. От Никольска до Карныша брели пешком, чемодан висел на палке через плечо. Этот памятный девятый километр то ли ползли, то ли брели по колено, - не помню. Но до Карныша дошли.

По дороге мне Аля и говорит: «Как только твоя мать Людмила Дмитриевна узнала, что я дочь Серапиона, она схватила меня за волосы, несколько раз ударила головой об пол и все время кричала: «Так тебе, Серапионова дочь».

Я сказал: «Давай не будем останавливаться в Карныше, пройдем прямо в Ямскую». (Где работала теща). Аля сказала: «А мы помирились».

Осадок от этого разговора бередил душу постоянно. Замечу, что мама в последние годы своей жизни лучшей и самой внимательной невесткой считала мою жену Алю. Вот так распоряжается судьба человеком.

Меня же чисто по-человечески интересовала судьба и жизнь Серапиона Емельяновича. Каким он был? Почему его помнят Никольским «Чапаем»? Почему такие крайне противоречивые сведения о нем? И потом - почему его дети (сын и две дочери от первой- жены; две дочери от второй жены, моей тещи Александры Егоровны) выросли все такими добрыми и порядочными людьми? Ведь

жестокость порождает жестокость, а добро порождает добро.

Нежданно-негаданно я нашел человека, семья которого была очень близка с семьей Горчакова Емельяна Ивановича из Блудново. И этим счастливым моим собеседником, не отступившим от правды ни на мелочь, оказалась моя любимая учительница Блинова Кира Алексеевна. А уж ей-то я верю полностью.

Она вспоминает. «Горчаков Емельян Иванович жил в деревне Блудново, он был настоящим крестьянином, очень честным человеком (моему отцу он возил дрова, и, когда предлагал идти и проверить, сколько привезено дров, отец всегда говорил, что Емельян Иванович никого в жизни не обманет). Он был настоящим хозяином, имел большое хозяйство. У него было много коров, три или четыре лошади, много всякого мелкого скота. Жили Горчаковы в своем доме на две половины, в одной сам Емельян с женой и младшим сыном Серапионом, а в другой старший сын Николай с женой Анной и с двумя сыновьями - Иваном и Петром. Кроме того, Емельян Иванович имел пасеку, у него было 8 ульев, а когда мой отец увлекся пчеловодством, мы (я и брат) познакомились с жизнью семьи. Наши ульи и все оборудование для пасеки (медогонка, роевня; дымари, рамки и прочее) было перевезено в Блудново. И вот летом ездили качать мед, и родители брали нас с собой. Для нас все было увлекательно, интересно. Помню Серапиона Емельяновича. Он был любимым сыном у матери, она очень ухаживала за ним, а он командовал громким голосом: «Поддай, принеси, убери!» Она суежилась около него, особенно нам с братом - запомнились их разговоры, видимо, Клавдия собирала на работу завтрак и спрашивала, что ему дать: хлеба или пирога, а он важно отвечал: «Все равно, давай пирога, да побольше». Нам тогда это показалось смешным. Мать звала его Сарапушкой, отец - Сарапа, а мы (когда не слышали его родители, они не разрешали смеяться над стариками) Чапсей-Царапа. Он был высокий, широкоплечий, у него были голубые глаза. Одевался он в кожаную тужурку, галифе и ярко начищенные сапоги. Он был, как говорил папа, умный и быстро «зашагал по служебной лестнице», вступил в партию и быстро «вышел в начальники». Когда начались разговоры о раскулачивании, мы перевезли ульи от Емельяна Ивановича, а его семью спас от раскулачивания Серапион, что еще подняло его авторитет. Вскоре он женился, у него было трое детей. Жена у него была простая красивая девушка из хорошей семьи, жили они все на половине Емельяна Ивановича. Собирались строить Серапиону дом, но вскоре его перевели в Кему (повысили в должности, как говорил Емельян). Серапион уехал, оставил семью, там женился. Растили его детей дед с бабушкой. Жили они всё вместе, и сноха как говорится, доухаживала за ними до конца жизни».

Вот тут и подумай. Слова-то сказаны хорошие. Хотя сейчас, анализируя действия Серапиона Емельяновича в отношении семей и

по матери, и по отцу, я не скажу, что он был деспотом, неким литературным шолоховским Нагульниковым, скорее Разметновым.

Ведь семья и дом деда Ивана Прокопьевича (по отцу) не был раскулачен. А это дом единственный в Никольском районе - двухэтажный (четыре квартиры, низ - кирпичный, верх - деревянный). Правда, отец мой Александр Иванович слыл в свое время одним из первых никольских сельских комсомольцев, по призыву в армию попал в пограничники, в ОГПУ, как тогда говорили, это и спасло «богатого» деда от раскулачивания. Под «прикрытием» сына Александра дед Иван Прокопьевич до своих последних дней не вступал в колхоз. Правда, иногда он «проговаривал», что вроде участвовал в семнадцатом году в штурме Смольного.

Окидывая взглядом прошлое, я никого не виню. Но и здравницу никому не пою. Жили люди по своей совести, по своим убеждениям. Мы, их дети и внуки, пра-пра-внуки, должны в чем-то их простить, но не предавать, а жить по-своему, строить свою новую свободную Россию. Надеюсь, будут новые счастливые и памятные дни для нашего молодого поколения. Счастья им! И добрая память ушедшим.

Геннадий ГОРЧАКОВ.

Здравствуйте, Саша, Нина Петровна, Владик!

Пожалуй, главна из всех новостей года та, что я с 26 по 29 декабря 1972 года ездил в Москву на празднование 75-летнего юбилея маршала Советского Союза И.С. Конева. Это, конечно, честь большая и для штатского человека, вроде меня.

Мы вылетели в Москву 26 декабря с тем, чтобы вовремя быть на месте. Посетили 27 декабря квартиру генерала Лешукова Г.П. в Москве, ему Никольский горисполком присвоил звание Засл.гражданина гор. Никольска. Старик принимал нас сердечно.

А назавтра /я упускаю многие мелочи, хотя и они интересны/ мы в 14 часов были с Плотниковым Андреем Федоровичем, редактором районной газеты «Авангард» на ул. Грановского, это в центре Москвы у подъезда, где живёт Конев. Процедура выяснений длилась очень недолго - и мы в квартире у И.С. Конева. Он встает, очень тепло принимает, внимательно слушает приветственный адрес, принимает герб Никольска, вышитый на бархате. Не забывайте, что он только что перенес сложную операцию, и даже стоять ему было тяжело.

Сели за стол. За обедом и разговорами прошло 2 часа. Тепло он вспоминал о Никольске, о своей работе в райвоенкомате, о тех интересных, но трудных 20-х годах. За столом был еще ген. армии Жадов, жена и дочь Конева, трое товарищей из Подосиновца/Кировской обл., где деревня, в которой родился Конев.

Приходили поздравлять маршала. При нас был начальник академии

имени Фрунзе, ген.армии со своим зам.генерал-лейтенантом. Они поздравили Конева, вручили ему памятную медаль Академии. Конев поднёс им по рюмке франц.коньяка. Выпили.

Мы тоже zelo угощались.

Впечатления добрые. Земляков он встретил хорошо «Как-нибудь при встрече расскажу подробнее. Всего вам доброго, а заодно - и с Новым Годом, с Новым счастьем.

Я же новый год справлял в Сочкове. Смотрели с батьком телевизор. Привет всем.

Геннадий.

4 января 1973 года.

Маршал-солдат о земляках

В эти дни писать о встрече с Иваном Степановичем Коневым очень трудно. Скорбная весть обострила воспоминания и чувства. Это, вероятно, свойственно всем, кто встречался с Иваном Степановичем в дни его болезни.

В конце декабря прошлого года мы вручили нашему земляку, Маршалу Советского Союза, видному военачальнику и государственному деятелю, дважды Герою Советского Союза Ивану Степановичу Коневу в день его семидесятипятилетия приветственные адреса и поздравление никольчан.

С особым гостеприимством и радушием вместе с делегацией из Подосиновца принимал нас Иван Степанович в своей московской квартире. Стоя он выслушал слова приветственного адреса райкома КПСС и райисполкома, а также решение горисполкома о присвоении ему звания Почетного гражданина города Никольска.

А затем завязалась непринужденная беседа. С живым интересом слушал наш прославленный земляк о Никольске, о тех больших изменениях, которые преобразили наш край. Его интересовало буквально все: и урожайность колхозных полей, и дорожное строительство, и средства связи, и состояние городского хозяйства.

- Телевизоры есть? Хорошо! Электричество в каждом доме.. Радостно слышать об этом!

Долго говорил Иван Степанович о Вологодчине, о суровых и трудных годах становления власти Советов в Никольском уезде.

- Люди у вас хорошие: ядреные, крепкие, отзывчивые. Чистой души люди, как ваши речки лесные, как ваши леса, как воздух целительный, Никольский, - и глаза Ивана Степановича озарились теплом воспоминаний. Передайте землякам: пусть не сердятся на меня за то, что не удалось за эти годы побывать в Никольске. Они поймут мою занятость по работе. А сейчас вот еще и здоровье...

В дни, предшествовавшие юбилею, Иван Степанович перенес

сложную операцию, но держался мужественно. Ничто не говорило о том, что он серьезно болен. И только тревожное беспокойство жены и дочери выдавало насколько трудным было состояние Ивана Степановича.

- Землякам моим самые теплые приветы. Я всю жизнь помнил о них, как и избу, в которой родился, как и дедовский колодец, из которого в детстве пил воду...

Самые теплые приветы и самые добрые пожелания передайте землякам, - сказал на прощание Иван Степанович.

Мы исполняем просьбу Маршала.

Г. ГОРЧАКОВ, директор Никольской средней школы № 1.

А. ПЛОТНИКОВ, редактор газеты «Авангард».

Памяти И.С. Конева

Во второй Никольской средней школе 22 мая состоялся митинг, посвященный памяти земляка, Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Ивана Степановича Конева. О жизненном пути И.С. Конева рассказал учащимся преподаватель И.П. Панов. На митинге выступил райвоенком Ф.Г. Салий. Участники митинга память И.С. Конева почтили минутой молчания. От коллектива школы родным и близким И.С. Конева послана телеграмма.

Геннадий ГОРЧАКОВ

Какие чудные названья...

Какие чудные названья
У наших русских рек и сел:
Борки, Березово, Росстани,
Медянка, Шири, Суходол...
Ручей в лесу чуть-чуть заметный -
Журчат едва хватает сил.
Когда и кто словцом заветным
Его,, как сына, одарил.
За то раздолье луговое,
За горсть водицы в сенокос?..
Глядится в зеркальце лесное
Рядок застенчивых берез.
И над любой из рек - деревни,
Дома сбежались к берегам.
Любил селиться предок древний
Поближе к речкам и лугам.
И первый дом срубив у нивы,
Свалив тайгу в высокий вал,
Свои места словцом красивым

Навеки, прочно награждал.
И кто он был - никто не знает.
И пусть его давно уж нет –
Его любовь к родному краю
Живет в названьях сотни лет.

Матери

Биография мамы
Коротка, в трех словах:
Две войны за плечами,
Шесть детей на руках.
Шила, мыла, низала,
Пряжу пряла, ткала...
Сколько ж ты не dospала,
Где ты силу брала?
И с колхозной работы
Не ушла на часок.
Светом вечной заботы
Твой в окне огонек.
Не безделья, не скуки
Не хотела ты знать.
Дай усталые руки
Поцеловать.

Сыну

Когда уезжал я из отчего дома
И круто открылся в пути поворот,
Увидел, что мама, любимая мама,
Все так же стояла у старых ворот.
Прости меня, мама, за редкие ласки.
За письма скупые, нечастый визит...
И все повторяется, словно бы в сказке,
Мой сын у порога у раздумья стоит.
Ну, что пожелать тебе в жизни. Алеша, -
Из дальней дороги здоровым вернись,
Будь добрым и смелым, под жизненной ношей,
Как было б ни трудно в пути, - не согнись!
Но я не скажу тебе вовсе ни слова,
А только тайком на тебя погляжу.
Не думай, что я поступаю сурово,
- Я лишь до калитки тебя провожу.

Землякам

Презрев все трудности и беды,
Кляня дожди и комаров,

К нам земляки с июня едут
Из самых дальних городов.

Гармошка песнями зальется,
Запляшет в окна яркий свет.
Не раз в постели повернется
Обеспокоенный сосед.

А поутру все в лес да в поле,
На сенокос - лишь старый дед.

Шумит веселое застолье -
Ему конца и края нет.

Вы извините, но - признаться -
Порою трудно нам понять.
Как можно целый день купаться
И до полуночи плясать.

Да вы не видите ли, что ли, -
Деревня в праведном поту...

Так увезите же мозоли
В ответ на нашу доброту.

Дома

Я по родной земле немало
За эти годы исходил,
С узбеком рыл в степи каналы,
Рубил тайгу, детей учил.

Я не забуду дом таджика,
Друзей, укрывших от беды.
Будь их сердца водой в арыке -
Светлей бы не было воды.

И понимаешь с каждым годом
Все отрешенней и смелей,
Что жизнь должна идти с народом
И с доброй родиной своей.

Да. Дома даже стены лечат.
Прокалит печь радикулит.
Свечу зажгу в тот тихий вечер,
Хоть мама робко не велит.

Гори, свеча. Твой пламень зыбкий
Пускай никто не осмеет
И пусть не вызовет улыбки
У тех, кто знает, как живет.
Пожить бы здесь. Но за порогом
Шумит погода, ждут дела.
Благословляю ту дорогу,
Что тихой жизнью не вела.

Ести выйти рано-рано

Если выйти рано-рано
За деревню в поле,
Когда легкие туманы
Залили раздолье.
Когда колос недозрелый
Спит, не покачается.
Когда первый луч несмело
Облаков коснется.
А цветы, ракрывши губы,
Пьют росу ночную. -
В час такой навек поллюбишь
Сторону родную.

Водица

Вкусная водица
В речке Леденице
На цветах настояна
Будто чай лесной она.
Зубы сводит холодом.
Людам дарит молодость.
Пей ее струистую,
Ключевую, чистую,
В стужу - даже с паром
Сколько хочешь. Даром!

Поворот

Мчит машина, скорость набирая,
Тянут елки длинный хоровод.
Вот опять, в который раз, родная.
Скрыл тебя дорожный поворот.
И отныне годы и минуты
Будут ожиданием, что вот
Также неожиданно и круто
Въеду я за этот поворот

Дождик

Тучи плывут молчаливо над лесом
Сосны застыли, как в страхе девчонки.
Вот набежал и пролился отвесный
Дождик по-детски шумливый и звонкий,
Рада березка, лопочет счастливо,
Ель недовольна, кустарник промок
А от сосновой верхушки стыдливой
Струйкой бежит по стволу ручеек

Никольск

Изогнулась полукругом
Юг-река лесная.
Городок стоит над Югом,
Крышами сверкая.
Деревянный, русский, древний,
Скромный, тихий, пестрый...
А вокруг него деревни,
Как родные сестры.
А вокруг поля колхозов,
Да лесные дали.
Любопытные березы
В город забежали...

Рубили лес

Рубили лес. Мне были больно
Не потому, что он стонал,
А потому, что мир привольный
Легко и просто покидал.
Ревели тракторы сердито,
Трещали пилы у стволов,
И падал лес орлом подбитым,
Спокойно, навзничь и без слов.
Вот так и я. Наверно, ночью
Умру под легонький снежок.
А завтра утром, в девять точно,
Детишки сядут на урок.

О доброте

Мы много гворим о доброте,
А старика к крылечку не проводим.
И нравственной безликой глухоте
Порой и оправдание находим.
Живет в проулке деревенском мать,
Тропинку к дому снегом заметает.
И каждый день,
Наверное, раз пять
Бульдозер мимо к ферме проезжает.
Сидит в кабине парень-здоровяк.
Отец и дед фронтовиками были.
Ему б вдове помочь - пустяк.
Да доброте его не научили.
К чему так много слов о доброте.
Не лучше ль стать
Действительно добрее.
В нетленной человеческой красоте
Нет качества весомей и ценнее.

Над холодной речкой Ветлой

Над холодной речкой Ветлой
Тихо шепчутся березы.
Смотрят ивы в омут светлый,
Где вода чиста, как слезы.
Сколько горьких расставаний
Ветла видела когда-то:
Уходил со свиданий
Женихи в военкоматы. . . .
Наши братья уезжали,
Новых встреч не назначали.
И белее от печали
Над рекой березы стали.
Не забыть мне день тот летний,
Шаткий мост, седой от пыли.
Мы отца за речку Ветлу
В сорок первом приводили.

Утро было...

Утро было такое росное.
Мы брели босиком по лугу.
То ли травы, березы, сосны ли
Рассказали о нас друг другу.
Может, правду росой выело,
Может, правды и не было.
Столько солнца на сердце вылилось
Из-за той распроклятой небыли.
Ты ушла в леса дремучие,
Ищешь счастье росинки чище.
Только парни чужие лучше ли,
А меня ты давно не ищешь.

Любимой

Ой, глаза! В вас синь озерная
И беда, коль глянешь раз
Бьется искорка задорная
В глубине счастливых глаз.
Где покой? Иль был, иль не было?!
Затопила синь покой.
Я но жизни, словно в небыли
За твоей иду рукой.
И в глаза твои глубокие
Не осмелюсь, не взгляну.
Скоро в них я, синеокая,
Всем сердечком утону.

Судьба семьи Горчаковых в период коллективизации*

Нас соединяет с прошлым только Память. Поэт Борис Олейник сказал: «Мы ее предавали, она ж нас – никогда». Святое дело каждого современника – как можно больше знать о своих предках, о своих родных корнях. Тогда нам станет понятно, почему мы сегодня такие, какие есть, чему нам стоит учиться у наших прадедов, в чем на них равняться, что у них перенимать.

Я хочу рассказать о судьбе моего прапрадеда Михаила Михайловича Горчакова.

По воспоминаниям старожилов, деревня Сочково пережила два пожара: один в 1850-х, а второй – в 1880-х годах. Последний пожар пощадил только двухэтажный дом Горчаковых. Очевидно, потому, что первый этаж был кирпичным. Погорельцы третий раз не строились на пепелищах и разошлись по ближайшим деревням: кто в Кудангу, кто в Дворище, кто в Пермас и другие места. Разъехались по разным деревням и братья Горчаковы из родного «четырёхизбного» дома. Отец их Прокопий рано умер. Старший сын Прокопия, Михаил, со своим сыном Михаилом отправился в деревню куданга. Звали их в Куданге Миша-старик и Миша-малышонок. В роду Горчаковых одного из сыновей часто называли Михаилом. Михаил Михайлович, мой прапрадед, назвал своего младшего (из пяти сыновей) Михаилом, что осложнило сыну жизнь, когда отец был репрессирован, так как он тоже был Михаилом Михайловичем Горчаковым. Как свидетельствуют документы, после 1937 года он стал Василием Ивановичем, так как оставаться с прежним именем было небезопасно. Михаилом назвал своего сына и старший сын прапрадеда Кирилл Горчаков, не желая прерывать семейную традицию. А также Петр Михайлович и Александра Михайловна называли своих сыновей Михаилами. А последним Михаилом из рода Горчаковых стал внук Александры, сын ее дочери Галины.

По воспоминаниям Александры Михайловны Ворониной, дочери Михаила Михайловича Горчакова, в Куданге их семья пользовалась большим уважением. Прапрадед Михаил Михайлович построил мельницу, которая так и называлась «Мишина толчея», кузницу, а также завел семейное дело по выделке кож; была маслобойня, большая пасека, на свои средства построил школу для деревенской детворы. Он содержал учителя и не только платил ему за обучение ребятишек – учитель питался вместе с семьей Горчаковых и жил в их доме в мезонине. Все сыновья получили среднее образование. Они учились в гимназии в Никольске и ходили туда пешком через д. Упиралово за 33 километра. Дочерей Наталья Петровна не отдала учиться дальше.

Она ругалась и говорила, что Михаил Михайлович всех сыновей на бобылей переделал.

Умение ковать, выделывать кожи передалось детям, внукам и правнукам Горчаковых. Ведь недаром наш прапрадед Михаил Михайлович говорил, что «из железа он может создать такое, что не каждая стряпуха из теста сделает». По мнению прапрадеда, «только ленивые живут плохо, бедно», а в его семье не было ленивых. Все члены семьи от мала до велика трудились с утра до вечера. Детей с раннего детства приучали к тяжелому деревенскому труду. Прабабушка Александра вспоминала, что ей было порой обидно, когда деревенская ребятня играла, ходила купаться на речку, а им приходилось работать по хозяйству. Она рассказывала такой случай: когда они жали хлеб, уже шел снег, Александра плакала, так как была совсем маленькой, и ее крохотные ручки замерли. Она пожаловалась матери, а Наталья Петровна ей отвечала: «На, возьми, Сашенька, мой серп, ручку-то я уже нагрела».

Неленива была жена Михаила Михайловича – Наталья Петровна. Кемлячка Наталья сразила прапрадеда с первого взгляда своей красотой, стройностью, крепостью, сноровкой в работе, когда помогали они разгружать баржу на пристани в Никольске на реке Юг. Была Наталья Петровна из многодетной и трудолюбивой семьи Праховых. Такова была и ее с Михаилом Михайловичем семья: двенадцать детей подарила она мужу. Только одна девочка не дожила до совершеннолетия. Наташа – так называл ее Михаил Михайлович – успевала все: шила, ухаживала за скотом, косила, готовила еду, пряла и ткала тонкие холсты в приданое дочерям и толстые шерстяные ткани. Дочери умели делать все, чему научила их мать. Многочисленная семья не знала, когда спит их матушка, потому что когда все засыпали в двух избах, она еще была на ногах. Когда же утром все собирались за большим столом (иногда было восемнадцать человек с семьей старшего сына и со стариками-родителями), все было готово: большой самовар, суп, свежий хлеб и пироги. Наталья Петровна была очень добрая. Она помогала односельчанам. К ней приходили то за хлебом, то за зерном. Она всех жалела и в тайне от Михаила Михайловича помогала людям. А он ругался и говорил, что нужно самим трудиться, чтобы жить хорошо.

20-е годы. Страшная судьба ждала крестьянина-труженика. Рушится крестьянский уклад жизни, лад, формировавшийся в народе веками. И в один из августовских дней рушится все...

По свидетельства очевидцев доносил на Михаила Михайловича его односельчанин Проня Колтаков по прозвищу Смоляк, у которого не

было ни кола ни двора. Чувство зависти к тем, кто имеет достаток, не давал ему покоя. Он пришел с милиционерами в дом Горчаковых. Описали все: скот, имущество, запасы. В течении часа все было вынесено из дома: одежда, обувь, зерно в мешках, мед в бочонках, мебель. Был выведен скот: лошади, коровы, овцы, бараны. А потом все отдали на торги. Дети были напуганы. Милиционеры не жалели никого, не обращали внимания на мольбы и слезы.

В августа 1929 года увели Михаила Михайловича со старшим сыном Василием, но сыну удалось сбежать. Он никогда не давал о себе знать. Говорили, что друг его, фиктивно женившись на оставшейся с двумя детьми жене Василия, увез их куда-то в район станции Шахуньи, где и встретил их Василий Михайлович. Наталье Петровне с младшими детьми оставили только баньку. В 1930-31 годах Михаилу Михайловичу было разрешено жить в ссылке недалеко от Котласа. Наталья Петровна приехала к нему, нашла кузницу, где он работал, и встала у порога. Михаил Михайлович оглянулся, сел и заплакал от радости, увидев свою Наташу. Это была последняя их встреча. В тех местах вспыхнула эпидемия тифа, и Михаил отправил Наталью Петровну домой, в родные края, но это ее не уберегло. Приехав к сыну Прокопию в Леденск, она заболела и умерла в 1933 году. А в 1934 году Михаил Михайлович был освобожден и вернулся домой с хорошими документами и характеристиками. Ни дома, ни семьи больше не было. От Прокопия прапрадед узнал, что его Наташа умерла, он очень тосковал, просил: «Ты явись мне хоть на миг, хоть в страшном сне или наяву, я не испугаюсь...» Побывав на могиле жены, прапрадед из Леденска поехал в родные края. После ссылки Михаил Михайлович не пропал. Его все уважали, помогали ему. А так как Михаил Михайлович был мастером на все руки, то тоже помогал людям: запаивал посуду, делал топоры, насаживал косы. И говорили люди: если Миша косу сделал, так и косить легче.

30 июля 1937 года вышел оперативный приказ Наркома внутренних дел СССР Н. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно данному приказу они подлежали немедленному аресту. В сентябре 1937 года Михаила Михайловича навестил местный «чекист» с Проней Смоляком, вооруженный пистолетом, и обманом завладел документами Михаила Михайловича. Михаил был вынужден скрываться в лесу, в зородах, на пожнях. Моя тетя Галя, будучи девочкой, носила ему еду. В субботний вечер Михаил Михайлович пришел к своей дочери Александре, чтобы помыться в бане. Смоляк его выследил, пришел вместе с милиционерами. Снова арест. Смоляк

кричал Михаилу: «Одевайся! Побыстрее!» Михаил Михайлович плакал и тихо просил: «За что, ребята? Я вам и так все отдал, вы уже все забрали, отсидел я свое. Отпустите, пожалуйста». Тетя Галя рассказывала, как они плакали, всю ночь не спали и думали, что же теперь будет с Михаилом Михайловичем.

Увели Михаила в Никольск, больше о нем никто ничего не слышал. Узнавать о судьбе этого «контрреволюционера» и «террориста» было опасно.

2 ноября 1937 года Михаил Михайлович был осужден тройкой УКНВД по Вологодской области. Приговор: высшая мера наказания за контрреволюционную агитацию и террористические намерения против руководителей партии. Приговор приведен в исполнение 19 ноября 1937 года в Ленинграде.

На основании ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х - начале 50-х годов» Горчаков М.М. реабилитирован 11 апреля 1989 года прокурором Вологодской области.

Поиски привели родственников на Левашовскую пустошь, теперь это братское мемориальное кладбище. Там среди многих расстрелянных покоится прах М.М. Горчакова, моего прапрадеда.

Над братской могилой возвышается православный крест с иконой Спасителя, а также гранитный католический крест. Вот, что вспоминает Н.П. Гоголева, внучка М.М. Горчакова: «Взяла землю с родных могил (Горчакова Прокопия Михайловича – моего отца и Горчаковой Натальи Петровны – моей бабушки), отвезла в Левашово на братскую могилу к кресту с образом Спасителя. Теперь на братской могиле, где покоится наш дед, есть горстка земли с могилы его любимой жены Наташи и сына Прокопия. Вдруг к моим ногам упали две еловые шишки. Отвезла их в Леденск, одну зарыла на могиле бабушки, другую у подножия памятника на могиле моего отца Горчакова Прокопия Михайловича. Через год, снова побывав в родных местах, на могиле Натальи Петровны и Прокопия Михайловича Горчаковых я обнаружила нежные побеги, первые ростки елочек с Левашовской Пустоши».

В «Книге Памяти» есть стихи, посвященные Горчакову М.М., написанные его внучкой Н.П. Гоголевой. Только две дочери были еще живы и узнали о реабилитации и месте последнего покоя М.М. Горчакова. Теперь и их не стало, но есть внуки, правнуки и праправнуки. Они хранят светлую память о великом труженике Михаиле Михайловиче Горчакове.

Екатерина ЛОБОВА, школа № 2.

*** Печатается в сокращении.**

Директор школы

*«Что кому,
А для меня Россия –
Эти вот родимые места».*

А. Яшин.

Эти слова замечательного нашего земляка в полной мере относятся к жизни и деятельности Геннадия Александровича Горчакова. Вся его трудовая биография связана с народным образованием на Никольской земле которому он сполна отдает свои знания, силы и опыт.

45 лет педагогического труда – целая жизнь, 36 лет работы директором средней школы № 1 г. Никольска – вот основные вехи его трудового пути. Тысячи выпускников школы, которые учились и воспитывались у Геннадия Александровича, несут в своих сердцах чувство глубокой благодарности за науку и воспитание.

Родился Геннадий Александрович 22 сентября 1934 года в городе Первоуральске Свердловской области. Родители его – Александр Иванович и Людмила Дмитриевна. Случилось так, что в 1932 году семью матери раскулачили, ее отправили на лесозаготовки. Условия были ужасные, работа не девичья, не женская, в ходу были притеснения, унижения, оскорбления. Зимой 1932 года лесными дорогами она сбегала из лесоучастка в Шарью, а там – в Первоуральск, где жила с семьей сестра. Отец Геннадия Александровича после службы в армии приехал за невестой на Урал, где они и поженились.

Интересно, что раскулачивал семью Людмилы Дмитриевны Горчаковой Серапион Емельянович из Блуднова, по прозвищу «Чапай». Волей случая он оказался тестем Геннадия Александровича (умер в 1943г.). Дочь Серапиона – Алевтину Серапионовну, жену Геннадия Александровича – Людмила Дмитриевна приняла хорошо, хотя в начале и была недовольна таким выбором.

«Детство мое прошло в деревне Сочково. Отец «ходил» на финскую, а затем - с первым призывом – на Отечественную. Остались мы – малые дети – четверо! – на руках у матери. Что тут говорить? Хватило всего...» - вспоминает Геннадий Александрович. Учился в Сочковской начальной и Пермасской семилетней школах. С особой благодарностью вспоминает Геннадий Александрович учителя русского языка и литературы этой школы Берсенева Федора Михайловича, заметившего в нем искорки литературного влечения. Большое влияние на формирование его взглядов оказали учителя школы Кузнецов Василий Васильевич, Кудрявцева Анна Александровна, затем Никольское педагогическое училище, в стенах которого царил культ знаний. Глубокий след в формировании воззрений будущего учителя оказали преподаватели педучилища Рычков Павел Васильевич, Блинова Кира Алексеевна, Рыжков Михаил Никифорович.

Здесь, в педучилище, он начинает писать стихи, знакомится с поэтом А. Яшиным, едет в 1950 году на первый съезд молодых писателей в Вологду. В 1953 году по путевке Министерства просвещения РСФСР уехал в Самаркандскую область. Учил узбеков, немцев, крымских татар, таджиков русскому языку. В 1966 году с отличием закончил Самаркандский университет.

С сентября 1960 года Геннадий Александрович живет и работает в Никольске: два первых года – инспектором РОНО, а с августа 1962 года – директором средней школы № 1 г. Никольска. За 36 лет работы директором (а это удивительный феномен) проделана огромная работа. Главное – создан сильный педагогический коллектив. Геннадий Александрович умеет подбирать педагогические кадры, правильно их расставлять и организовать на предметную результативную работу. С особым уважением и теплотой отзывается Геннадий Александрович об учителях школы, подлинных мастерах трудной педагогической профессии. Это Топорков С.А., Ельцина Н.А., Берсенева Р.П., Морозова О.Ф., Кузнецова Э.А. Четверикова А.Н., Четвериков П.В., Панова А.М., Колтаков Г.М. и другие. За это время коллектив учителей менялся не один раз. И большинство учителей достойны благодарной памяти.

По всем направлениям учебно-воспитательной работы средняя школа № 1 всегда была в числе первых в районе. В школе созданы и свято хранятся замечательные традиции в учебной работе, военно-патриотическом воспитании, краеведческой работе. Геннадий Александрович был инициатором создания памятника павшим за Родину и И.С. Коневу. Кстати, с И.С. Коневым он встречался в Москве в день его 75-летия в 1992 году. Принимал активное участие во всех мероприятиях по увековечиванию памяти А.Я. Яшина.

На праздничной линейке

С чувством боли и горечи говорит Геннадий Александрович о современном состоянии школы. Он его характеризует как состояние, близкое к катастрофе. Материальная база школы настолько слаба, что не позволяет на современном уровне вести учебную и воспитательную работу. Положение усугубляется систематическими невыплатами вовремя заработной платы учителям. В кардинальной доработке нуждаются программы и учебники. За эту работу должны взяться великие патриоты России.

Геннадий Александрович гордится тем, что родился и вырос в России. Чувство национальной гордости поддерживало его в трудные минуты.

«Очень хочу, чтобы мои ученики знали прошлое России, русскую культуру, русское искусство и все делали для возрождения Отечества», - говорит он. В новом учебном году усилия педагогического коллектива школы директор намерен направить на возрождение русской национальной школы (русский фольклор, народные традиции, культуры, памятники старины Никольского района, православие и нравственность).

Геннадий Александрович – интересный собеседник, по многим вопросам он проявляет эрудицию и компетентность. Живой отклик в душе никольчан вызывают его публикации в газете «Авангард». Но он очень требователен к слову и материалу, который публикует. Он пишет тогда, когда этот материал необходим, когда он хочет что-то подарить людям.

Широк круг его общения. «Мне повезло в жизни на хороших людей. Горжусь дружбой с А. Яшиным, К. Симоновым», - пишет он в автобиографии. Неизгладимое впечатление оказали на него встречи беседы с писателями и поэтами: Е. Евтушенко, В. Солоухиным, В. Беловым, В. Астафьевым, В. Дементьевым, М. Алигер, Н. Рубцовым, А. Романовым.

Герой моего рассказа – хороший семьянин. У него трое детей. Дочь Елена окончила факультет истории и иностранного языка Вологодского пединститута, живет и работает в Череповце. Дочь Светлана – преподаватель русского языка и литературы, живет и работает в Мурманске. Сын Алексей окончил Архангельский лесотехнический институт, живет и работает в Никольске. Главная его радость – 6 внуков.

Геннадий Александрович хорошо играет на баяне, замечательно поет, особенно любит петь русские народные песни. Его любимый романс «Гори, гори, моя звезда».

Пусть ярким светом горит звезда Геннадия Александровича на пороге третьего тысячелетия. Пожелаем ему дальнейших успехов во всех делах и начинаниях!

А. КУВАЕВ, бывший зав. Никольским РОНО.

Учитель учителей

Сегодня, 22 сентября, исполнилось 60 лет со дня рождения Геннадия Александровича Горчакова. Его имя и дела широко известны среди учительства района, да, наверное, не только учительства, а всего населения. Талантливый учитель, великий труженик, старший товарищ и коллега вот уже более 40 лет сеет то, что всегда называли в народе добрым и вечным. Сеет основательно, получая прекрасные всходы и обильный урожай. Деятельность его неразрывно связана с главной школой района, где он руководит большим и сложным коллективом учителей, учащихся, работников.

Г. А. Горчаков родился в пору «великого перелома мужицкого хребта» - величайшего акта жестокости по отношению к крестьянству во имя светлой идеи. Именно поэтому в его паспорте местом рождения указан Урал. Однако, родовые корни Геннадия Александровича здесь, на дорогой и милой его сердцу Никольской земле. Еще года четыре назад в деревне Скочково стоял добротный отцовский пятистенки из вековых сосен - «родовое имение» Геннадия Горчакова. Недобрые люди спалили его родные пенаты. «Жаль, как жаль!» - не раз с глубокой тоской говаривал он мне. Ведь там, в отцовском доме, был лучший душевный отдых. Туда, в водные стены, он мчался, когда было мучительно тяжело, только там могла отмякнуть душа. Там, в Скочково, истоки великой и трогательной сыновней любви к родному краю, к людям его населяющим, к неброской, но чем-то привлекательной, северной природе.

Годы войны и послевоенное лихолетье оставили жестокую вмятину в сердце. Никогда дети военной поры не смогут позабыть вкус кукольных лепешек и запах гороховой похлебки.

Жили бедно, но была какая-то одержимость в получении образования. Голодные, полураздетые шли в школу за десятки километров от родного дома, радуя и родителей и учителей своими успехами в учебе.

Судьба Геннадия Горчакова как педагога определилась осенью 1949 года, когда он переступил порог Никольского педагогического училища. В молодой толпе счастливых первокурсников его выделяли внешность и манера держаться, собранность, серьезность и сосредоточенность, увлеченность многими делами. Он был очень хорош с гармошкой в руках. Но самым большим увлечением, наверное, была литература, которая стала делом всей его жизни. Ведь совсем не случайно, шестнадцатилетний Никольский паренек оказался на семинаре молодых литературных сил Вологодчины, организованном в 1950 году Александром Яшиным.

Встреча с именитым земляком укрепила желание совершенствоваться в литературе. Пусть и не стал Геннадий Александрович профессиональным поэтом, но учителем литературы стал талантливым. Многие поколения никольских школьников с большой теплотой вспоминают

уроки своего директора. А сколько поэтических шедевров держит его голова. А как выразительно он их читает и только наизусть. Никак иначе. Это надо видеть, словами этого не передать.

В год смерти «отца народов» (1953 г.) Г. А. Горчаков получает диплом учителя начальных классов и уезжает на работу в далекий Узбекистан. Работа в глухом кишлаке, где очень многие не знали по-русски ни слова, стала превосходной школой умения ладить с людьми. Молодой русский учитель очень скоро стал самым уважаемым человеком в горном поселке. Через три года все население кишлака пришло проводить учителя на работу в город. Нужно ли доказывать как непросто было юноше завоевать такую любовь в чужом краю.

Там, на земле солнечного Узбекистана, в древнем Самарканде, получил он красный диплом выпускника университета и в 1960 году после семилетнего перерыва вернулся в Никольск.

Два года работал инспектором школ районного отдела образования. От молодого инспектора исходил дух высоких культурных запросов и идеалов, высокая требовательность к себе, честное служение народному образованию. И труд, неустанный ежедневный труд. Завидный интеллект и высокая культура заметно выделяли Геннадия Александровича от общей учительской среды, Именно эти качества очень скоро создали ему огромный авторитет в районе. Большого уважения заслуживает и то, что уже тогда он твердо отстаивал свои принципы и оценки. Хотя, справедливости ради, скажем, что он прекрасно улавливает пределы дозволенного. Его считали не просто инспектором, его называли учителя района хорошим инспектором.

И вот, в 1962 году, когда встал вопрос о руководителе крупнейшей школы района выбор пал на Г. А. Горчакова. Опять нужно было утвердить авторитет на этот раз в учительской, среде элитарных «стариков». Серия блестящих уроков сразу же все расставила на свои места - состоялся учитель и директор. Под его руководством школа заняла ведущее место в районе. Геннадий Александрович и сегодня делает все возможное, чтобы сохранить этот престиж. Сделать это в последнее время стало особенно трудно. Во-первых по тому, что школа пережила смену учительского поколения, а во-вторых потому, что в последние годы очень сильными стали учительские коллективы ряда сельских школ.

В 1965 году я стал его учеником. Одни из многих. И счи таю себя таковым до сих пор. Правда, теперь я еще и коллега. Его наставления и поддержка для меня всегда были очень значащими. Хотя его открытость я ощутил не сразу. На первых порах считал его слишком строгим и слишком, недоступным человеком. А вот ошибался. Впоследствии, когда я стал учителем и директором, когда мы провели в доверительных беседах не один и не два часа, я понял, что мой учитель - человек

добрейшей души. О многом мы говори ли за эти годы. С какой любовью каждый раз рассказывает он о родителях своих - «папе и маме», любит вспомнить прожитое, гордится семьей (а она у него учительская), ценит жену свою, Алевтину Серапионовну, за душевную щедрость.

И я делюсь с ним своими заботами - житейскими и учительскими, находя понимание и поддержку. Добрые наставления старшего товарища в трудные моменты заставляют поверить в себя, возвращают желание лучше работать. Он и здесь для многих из нас оказался превосходным учителем. Для учеников своих (читай и учителей школы) он не жалеет ни времени, ни сил, ни идей своих.

Геннадий Александрович любит рассказывать о своих планах, работе, радостях и сомнениях, с гордостью говорит о своих педагогах, большинству из которых «цены нет». И поделом: четыре учителя школы приняли участие в конкурсе «Соросовский учителя». Для маленького Никольска - уникальный случай.

Все мы знаем как много и с удовольствием занимается Г.А. Горчаков делами по укреплению материально-технической базы школы. Во всех этих делах он выступает самым деятельным участником, взваливая на себя основную ношу решаемых проблем. Ему чужда роль «свадебного генерала», берет на себя весь огромный труд организатора. Предельно добросовестно готовится к любому большому и малому делу.

Мне приходилось бывать не вольным свидетелем бесед директора с подчиненными. Так вот, бросается в глаза уважительное отношение к человеческому достоинству собеседника, будь то начинающая «учителка» или элитарная дама. Бывает требователен и даже непримирим, но исключительно по отношению к плохой работе.

Открытость и доброжелательность, потребность живого общения с людьми привлекают к нему людей. Геннадий Александрович любит шутки, любит и знает меткие русские выражения. Не верите. Поверите, если возьмете в руки его книжку «Сказ о русском лапте».

Любовь к людям и дружескому общению, чувство долга и неуставная работа - вот те качества, которые позволяют юбиляру успешно решать стоящие перед образованями задачи, в непростой период сегодняшнего тяжелого перелома в жизни общества.

Очень хочется, чтобы дела и мысли Ваши, Геннадий Александрович, еще долгие годы были для многих из нас важной и необходимой принадлежностью нашего бытия.

Как хочется, чтобы Ваше желание поработать в новом типовом здании стало реальностью. Средняя школа № 1, флагман школ района, вправе требовать этого.

Добра Вам, здоровья и счас тья, Учитель учителей!

Дмитрий БАДАНИН.

Настоящий учитель словесности

Может изменить любимая женщина,

Ранить может ружье,

Отказать и угаснуть звезда.

Только верь в память.

Память порою предавали.

Она же – никого, никогда.

Это эпитафия к повести-эссе Г.А. Горчакова. 20 мая 2004 года родные и близкие вновь вспомнят имя Геннадия Александровича, учителя учителей и детей.

Последние годы судьба часто сводила нас на пермасской земле. Хочется рассказать о выпускнике Пермасской семилетней школы Геннадий Александровиче, окончившем ее в 1947 году.

Я помню его с 1976 года, когда начала работать директором школы. Мне всегда казался этот человек каким-то необыкновенным, недоступным, недостижимым и умным. Средняя школа № 1 под его руководством ежегодно занимала первые места по многим вопросам, и очень хотелось дотянуться до этой планки, познать секреты мастерства, и он щедро делился с начинающими, учил, помогал.

Помню урок литературы в 11 классе по творчеству С. Есенина. Начало урока в 8 часов утра, но желание посетить урок не просто учителя, а учителя русского языка и литературы, мужчины, директор огромно. Поэтому собрались учителя со всех школ района, присутствовал методист из области.

На уроке - тишина, никто не заметил, как пролетели 45 минут.

Валентина Ивановна Сорокина заметила: «Настоящий учитель словесности. Геннадий Александрович говорил: «Урок литературы не обязательно лес рук, самое главное – душу взволновать». И, конечно, это ему удавалось.

Наши встречи с Геннадием Александровичем в Пермасской школе начались с 1993 года, когда он приехал на встречу с учителями Никольского педучилища: Киной Алексеевной Блиновой, Александрой Николаевной Преображенской и учителями Пермасской школы: Мишневой Ниной Николаевной. Кузнецовым Василием Васильевичем. Много интересного рассказал ребятам Геннадий Александрович, ведь он многие годы вел дневник.

Мы постоянно следили за его творчеством, читали и перечитывали его книги. Многие в них написано и о пермасской земле. Повесть «Дом не хотел умирать» я бы назвала биографией российских деревень: это трудные 30-50-е годы, время раскулачивания, война, послевоенные годы. жизнь деревни в праздники и будни.

Геннадий Александрович подарил нам несколько экземпляров, но почти всё пришлось раздать, так как многие узнавали себя в этой повести

и хотели иметь сборники лично, а Пётр Петрович Вершинин, одноклассник Геннадия Александровича, увез одну книжку в Казахстан.

Целый цикл праздников и уроков прошёл в школе по творчеству Геннадия Александровича. Это праздник «Как не любить мне эту землю» по очерку «Храмовые праздники». Когда мы готовились, я спросила соседку Нину Васильевну Горчакову, так ли всё было, как написано. Она ответила: все именно так. Геннадий Александрович рассказывает в очерке, как варили пиво, выкупали избу для посиделок...

Спектакль «Сказ о русском лапте» подготовила учитель русского языка и литературы А.А. Сорокина, на котором присутствовал сам автор, представители Вологодского института развития образования. Живо, бойко рассказывали ребята историю о русском лапте, не остались равнодушными гости, а Валерий Васильевич Судаков, ректор ВИРО, тут же сочинил экспромт:

*Народ поистине талантлив,
Ничто не валится из рук,
Встал перед русским лаптем
Доктор всех исторических наук*

Но особой нашей гордостью является созданный директором СШ № 2 Я.И. Шиловым видеофильм «Сдуть души, или дом не хотел умирать» по творчеству Г.А. Горчакова и В. М. Мишенева. Это память для всех, а особенно для родных. Целый цикл уроков разработан по этому фильму: «Сдуть души, или дом не хотел умирать» в 10 классе, «С чего начинайся родина?» в 7 кл., «Путешествие по родному краю» в 6 классе.

Шедевром творчества Геннадия Александровича является стихотворение «Биография мамы». Я помню, на уроке литературы у присутствующих на глазах навернулись слёзы, когда звучали эти строчки:

*Биография мамы коротка
В трех словах:
Три войны за плечами —
Шесть детей на руках.
Мыла, шила, вязала,
Пряжу прядя, ткала
Сколько же ты недоспала,
Где ты силы брала?*

Это стихотворение поэт читал на пепелище своего родного дома в д. Скожово. Оно звучит как гимн деревенской женщине-труженице, женщине-матери. С интересом слушали ребята рассказ о родовом древе семьи Горчаковых. Геннадий Александрович рассказал ребятам, как он собирал материал о роде Горчаковых, чтобы знать свои корни.

Последняя встреча с Г.А. Горчаковым состоялась в октябре 2003 года на юбилейном вечере поэта Василия Мишенева. Много теплых слов сказал Геннадий Александрович о поэзии Василия Михайловича.

Очень жаль, что не успели о многом поговорить, ведь Геннадий

Александрович - человек-легенда, он был свидетелем интереснейших событий прошлого века, хотел отметить осенью 70-летний юбилей, но не дожил. Очень жаль. Память о нём останется в сердцах учителей и учеников на долгие годы.

Любовь БЕРСЕНЕВА,
учитель литературы Пермасской школы.

Памяти брата и друга

Геннадия Александровича Горчакова

Ты ушёл, друг и брат,
Как нам в это поверить,
Что с Тобою уж встреч не ждать...
Нашу боль не унять, не измерить
И умом все нет сил понять...
Небеса выбирают лучших,
А тебя в Светлый Пасхи день,
Ты ушёл в небеса, сквозь тучи,
Не коснётся души твоей тень...
Нам оставил земные заботы,
Что задумал, допеть, досказать.
Чтобы бил Дормидонтов ключик,
Чтобы летопись рода писать,
Передать её детям, потомкам,
Как мечталось тебе, дорогой.
А стихи твои, как и проза,
Будут жить в наших душах,
Как ты с нами, вечно живой.

Н.П. ГОРЧАКОВА-ГОГОЛЕВА, г. Москва.

Светлой памяти

Геннадия Александровича Горчакова

Никольск прощается с Геннадием Александровичем Горчаковым, большим патриотом пашей никольской земли, славным ее сыном.

11 апреля перестало биться сердце этого человека. В сентябре ему исполнилось бы 70 лет. Дата, которую он очень ждал, юбилей, к которому мы все готовились...

50 лет педагогического труда - целая жизнь, 36 лет работы директором средней школы №1 г. Никольска - вот основные вехи его трудового пути. Тысячи выпускников школы, которые учились и воспитывались у Геннадия Александровича, несут в своих сердцах чувство глубокой благодарности за науку и воспитание.

Детство его прошло в деревне Скочково. Учился в Скочковской начальной и Пермасской семилетней школах. После окончания

Никольского педучилища в 1953 году по путёвке Министерства просвещения РСФСР уехал в Самаркандскую область. Учил узбеков, немцев, крымских татар, таджиков русскому языку. В 1960 году с отличием окончил Самаркандский университет.

С сентября 1960 года Геннадий Александрович живёт и работает в Никольске: два первых года - инспектором РОНО, а с августа 1962 - директором средней школы № 1.

Геннадий Александрович умел подбирать педагогические кадры, правильно их организовывать на предметную результативную работу. По всем направлениям учебно-воспитательной работы школа № 1 всегда была в числе первых в районе и области. В школе были созданы замечательные традиции учебной работы, военно-патриотического воспитания, краеведческой работы. Геннадий Александрович был инициатором создания памятника павшим за Родину и И. С. Коневу. Принимал активное участие во всех мероприятиях по увековечению памяти А. Я. Яшина.

Геннадий Александрович гордился тем, что родился и вырос в России. Чувство национальной гордости поддерживало его в трудные минуты. «Очень хочу, чтобы мои ученики знали прошлое России, русскую культуру, русское искусство и всё делали для возрождения Отечества», - говорил он.

Геннадий Александрович являлся одним из самых ярких представителей никольской интеллигенции. Он обладал исключительно яркими интеллектуальными качествами. Широта кругозора, всесторонний ум, талантливость, постоянное стремление к познанию нового счастливо сочетались в нем с исключительно простотой в общении, уважительным отношением к людям, большой душевностью.

Им были выпущены несколько интересных книжек. Он соавтор поэтической сборника «На родной земле», автор двух повестей-эссе «Сказ о русском лапте» и «Дом не хотел умирать». Готовил к изданию большой очерк о народной эстетике «Четыре ипостаси берёзы». Писал чистые, проникновенные стихи.

Широким был круг его общения. Неизгладимое впечатление на него оказали встречи и беседы с писателями и поэтами: К. Симоновым, Е. Евтушенко, В. Солоухиным, А. Яшиным, В. Беловым, В. Астафьевым, В. Дементьевым, М. Алигер, Н. Рубцовым, А. Романовым.

Живой отклик в душе никольчан вызывали его публикации в газете «Авангард». Он очень требовательно относился к слову и материалу, который публиковал. Большой человеческий дар Геннадия Александровича - его способность жить неумирающей памятью.

На ниве народного просвещения и культурной жизни нашего района Геннадий Александрович оставил добрый след. Остаётся добрая память

людей об этом Учителе с большой буквы, беззаветно любившим наш никольский край.

... И вот наступила неожиданная для всех трагическая развязка - смерть Геннадия Александровича. Мы свято будем чтить память об этом прекрасном человеке, нашем друге и соратнике. Пусть земля ему будет пухом.

Подольский В.В., Кудринский В.П., Пушина Н.И., Лешуков А.А., Подольский А.А., Куваев А.А., Мишенёв В.М., Рыжков В.П., Пархоменко В.А., Медведева А.П., Куваева З.Н., Дурягина С.И., Рыжкова Н.С., Соколова Г.А., Гомзикова А.А., Баёва А.Г., Карандашева З.Н., Мокневская Р.И., Ковач А.С., Четверикова А.Н., Шапкина Р.Г., Берсенева Л.Н., Кузнецова Э.А., Пьянков В.В., Плотников Н.Ф., Слепухина А.К., Лукьянов В.В., Бороздина Т.И., директора школ района.

Учительница первая моя

Седьмого мая текущего года исполняется 70 лет со дня рождения Алевтины Серапионовны Горчаковой, ветерана педагогического труда, 42 года проработавшей в школах Узбекистана и Никольской средней школе № 1.

Юбилей этот омрачён невосполнимой утратой - смертью любимого мужа Геннадия Александровича Горчакова.

...Но жизнь продолжается, диалектика природы неумолима. И сегодня хочется сказать добрые слова о юбиляре, высказать ей сердечные пожелания, тем более, что о ней во время работы в школе почти ничего не говорили, она находилась в тени мужа.

После окончания Никольского педучилища в 1953 году по путёвке Министерства просвещения РСФСР уехала в Самаркандскую область. Учила узбеков, немцев, крымских татар, таджиков русскому языку.

С сентября 1960 года Алевтина Серапионовна живёт и работает в Никольске учительницей начальных классов средней школы № 1.

В совершенстве владея активными методами и приёмами работы, она давала учащимся глубокие и прочные знания, их труд превращала в творческий поиск. Высокий авторитет учителя складывается не только из профессионализма, педагогического мастерства, но (в начальных классах – особенно) из личных качеств человека, посвятившего себя педагогическому труду. За многие годы работы педагогический коллектив средней школы № 1 убедился в порядочности и гуманизме Алевтины Серапионовны, постоянстве христианских и нравственных начал, твердости убеждений. И всё это при бескорыстии, при безмерном трудолюбии, скромности и преданности работе, семье, обществу.

Ее выпускники грудятся в разных уголках России во всех отраслях народного хозяйства. Очень интересный, от души идущий отзыв дает об Алевтине Серапионовне ее выпускник, ныне доцент С-Петербургского университета Евгений Владимирович Поникаров: «Главное открытие первого школьного утра – добрая учительница Алевтина Серапионовна! – осталось навсегда. Потом уже на переменах ревниво оценивающие взгляды на учительницу других первых классов - а какие они? Лучше? Хуже? И с гордостью - наша лучше! Красивее! Добрее! А сколько всего она знает. Ведёт и математику, и чтение, и даже природоведение. Фраза «А Алевтина Серапионовна сказала...» начинает казаться неопровержимым аргументом.

Семилетний человек ещё чрезвычайно любознателен и восприимчив, открыт и оптимистичен. Запас его доверия велик, но и разочарования ранят сильнее и трагичнее. Чувство справедливости у него еще не замутнено, и он очень чутко улавливает искренность и фальшь, правду и несоответствие слов и мыслей. И насколько доверие это сохранится и оправдается, опять же во многом зависти от профессионализма и человеческих качеств первого учителя. Личность Алевтины Серапионовны заложила основу благополучного вхождения нас в школьный мир. И хотя это не является гарантией успешного существования в этом мире, значение роли её трудно переоценить. Неслучайно, наверно, воспоминание об Алевтине Серапионовне «первой учительнице» хранился в моей памяти в одном ряду с первой влюблённостью.

И памятники первой учительнице, появившиеся уже в некоторых городах, - свидетельство того, что большинство людей с благодарностью вспоминают своих первых учителей.

А я снова смотрю на старую фотографию, где на фоне деревянной школьной стены, которой, давно уже нет, сидят и стоят три десятка первоклашек. И в центре - добрая и понимающая улыбка первой учительницы – Алевтины Серапионовны Горчаковой).

Слова признательности и искренней благодарности хочется сказать Алевтине Серапионовне и Геннадию Александровичу за то, что они воспитали двоих дочерей Свету и Елену, сына Алёшу, всем дали высшее образование, все они являются классными специалистами.

Завтра Алевтине Серапионовне исполняется 70 лет. В этот замечательный день хочется от всей души пожелать Вам, Алевтина Серапионовна, крепкого здоровья, душевного спокойствия и благополучия, побольше внимания и человеческого тепла от родных, близких и знакомых.

Мы же и сегодня остаёмся Вашими друзьями и коллегами.

Александр КУБАЕВ.

На блины - только к теще

3 июня Анне Николаевне КУДРИНСКОЙ исполняется 90 лет! Живет она в нашем уютном маленьком городке на улице 13 Января. Про свою жизнь вспоминает часто: как уцелела при бомбежках в Ленинграде, как с трудом добралась до родной Никольской земли, как счастливо многие годы прожила с мужем Петром Дмитриевичем (в свое время он работал директором Кемского леспромхоза), и как вырастили они шестерых детей. Два сына сейчас живут в Никольске: Леонид - полковник запаса, Владимир тоже известный в районе человек, он избирался секретарем партии, главой административного района. Но я хотел бы рассказать не только о биографии Анны Николаевны, хотя это, несомненно, интересно, познавательно и трогательно.

Она - моя теща! Для меня Анна Николаевна, хоть в России над тещами и любят подтрунивать, мать родная. Я каждый год, приезжая в отпуск, всегда останавливаюсь у тещи дома, а к братьям хожу в гости. Она понимает шутку и ценит юмор, до сих пор может рассказать такой анекдот, что все вокруг будут заразительно смеяться. Вот об этом дальше и пойдет рассказ. У нас даже сложилась маленькая традиция. В каждый приезд теща меня балует фирменными блинами. Но несколько лет назад ни на второй, ни на третий день блины на столе так и не появились. Почему нарушилась традиция? Что случилось? Зная ее необидчивый характер, ближе к вечеру, как бы между делом, говорю: «Вот был вчера в гостях, там угощали блинами!». В ответ горькая правда: «Руки болят, суставы ломит, печь толком не истопишь». На утро, смотрю, моя Анна Николаевна приедет, находится в хорошем настроении. И с загадной улыбкой ходит по дому. Интересуется: как отдохнулось, куда собираюсь еще сходить. Сели завтракать. Анна Николаевна, восседая горделиво за столом, загадочно и таинственно произносит: «А я ведь, Саша, блинов напекла!». И смотрит, не отводя глаз, на меня. Думаю: на столе блинов нет, печь холодная, нетопленая. Да и утварь необходимая для выпечки на кухне отсутствует. Начинаю волноваться: а не оговорилась ли она? Да и здорова ли?!

Видя мое смущение, Анна Николаевна мне вновь повторила сказанное. Но более твердо. Мол, блинов напекла, кушать будешь? Делать нечего, надо же как-то из ситуации выходить. «Неси!» - говорю.

Анна Николаевна открывает заслонку печки и достает... блины! Откуда?! Ответ не заставил себя долго ждать. «Всю ночь не находила покоя, почти не спала. Все думала: уедешь и будешь думать, что теща уже и блины перестала печь», - объяснила мне Анна Николаевна. Но почему печка холодная? Меня одолевает любопытство, но я молчу. Ей тоже не терпится открыть тайну. Кто

же первым не выдержит? Не выдержала все-таки Анна Николаевна. Оказывается, пока я спал, она договорилась с соседкой и у нее дома приготовила блины! Блины принесла домой и ждала, беспокоилась, чтобы я слишком долго не проспал, а то блины остынут. Блины понравились! Но и хлопот Анне Николаевне тоже доставил. Я конечно, поблагодарил Анну Николаевну и соседку за угощения. А для себя на будущее зарекся, что про блины, которые я пробовал в гостях, при Анне Николаевне речь вести не буду.

С достойным юбилеем, моя дорогая Анна Николаевна!
Здоровья и долгих лет жизни!

Ваш зять А.А. ГОРЧАКОВ, г. Москва.

С юбилеем и возвращением, Александр Александрович!

Горчаков Александр Александрович мой земляк, мы с ним из одной деревни Скорчково и одного возраста. Вместе провели детство в тяжелые военные и послевоенные годы, вместе учились в Скорчковской начальной школе. После окончания Бутово-Курьвской семилетней и Никольской средней школы N 1 в 1959 году А. А. Горчаков начал трудовую деятельность воспитателем рабочей молодежи в Березовском лесопункте в поселке База (после был переименован в поселок Лесная Роша, ныне не существует). Жил в щитовом «финском» домике с техноруком лесопункта Берсеневым Владимиром Александровичем, будущим директором леспромхоза, а позднее - первым секретарем Никольского райкома КПСС.

После срочной службы в армии в 1960 -1963 г.г. Александр Александрович поступил на учебу в Саратовский юридический институт, по окончании которого была непрерывная работа а течение 44 лет на различных должностях в сфере правосудия. Началась эта деятельность с должности судьи в одном из районов Челябинской области. Однако эта гражданская служба продолжалась недолго. Судьба устроила неожиданный поворот - его призвали на службу в систему военной юстиции. Указом Президиума Верховного Совета СССР А. А. Горчаков был назначен на должность военного судьи и направлен в г. Красноярск. Как обычно водится у военнослужащих, были новые назначения, многочисленные переезды к новым местам службы. Экстерном закончил военное училище. Служил в Новосибирске, в Москве, в Алма-Ате. Закончил военную службу в должности председателя военного трибунала Владивостокского гарнизона Тихоокеанского флота в звании полковника юстиции. Награжден орденом «Почета», многочисленными медалями, в том

числе «За служение Закону». Европейским комитетом по наградам и премиям награжден почетным знаком «Международное признание». Почетным работником судебной системы.

После увольнения из Вооруженных Сил был принят на работу в высший орган судебной системы власти страны - в Верховный Суд Российской Федерации на должность Главного консультанта, где проработал 18 лет, получил звание Государственный советник юстиции I класса. Замечу, что эта должность имеет предельный возрастной ценз 65 лет. На дальнейшую службу контракт может быть продлен только в виде исключения решением Президиума Верховного Суда на один год. Так вот, А. А. Горчакову контракт продлевали пять раз - беспрецедентный случай и кадровой практике Верховного Суда. Накануне юбилея приказом Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева за многолетнее образцовое исполнение служебных обязанностей, конкретный вклад в развитие судебной системы, инициативу при исполнении служебного долга А. А. Горчаков награжден медалью «За заслуги перед судебной системой Российской Федерации» II степени.

Ну, а причем тут упомянутое в заголовке возвращение? Дело в том, что по окончании государственной службы А. А. Горчаков возвращается на жительство в Никольск. Впрочем, он никогда не забывал свою родину, ежегодно приезжал в родные места. «Я не мог не приезжать, - говорит он, - здесь родился, отсюда ушел в армию, на деревенском кладбище в Сочковке покоятся мои родители. Да и жена у меня никольчанка. Встречи с никольчанами, с родными, с друзьями давали заряд прочности и энергии, в родном краю отдыхала душа». В Никольске Александр Александрович построит дом. Красивый внешне, компактный и в то же время просторный, с продуманной внутренней планировкой, комфортный для проживания не только для себя, но и для многочисленных гостей: у Горчаковых Александра Александровича и Нины Петровны два сына, которые, имея высшее образование, работают в Москве и часто бывают в Никольске.

В мае этого года Александру Александровичу исполнилось 70 лет. Юбилей он отмечает в Никольске, с отсрочкой, - в июне, после окончания государственной службы.

Поздравляю своего друга, патриота никольской с юбилеем, с окончанием службы и возвращением на родину. Желаю крепкого здоровья на долгие годы. Пусть всегда будет при нем присущая ему энергия, доброжелательность, общительность... и та смекалка и солдатская находчивость, какая была проявлена в прилагаемых воспоминаниях!

Владимир ПОНИКАРОВ.

Из жизни моей никольской

Детство и юность, проведенные на никольщине, - неиссякаемый источник для воспоминаний в зрелые годы о прожитом. Один случай помню до мелочей.

Во время срочной службы в армии, а служил я в Калужской области, мне и моему другу Кузнецову Владимиру с улицы Красной дали отпуск с выездом на родину. Наш отпуск был весной. К концу его наступила распутица. Дорога стали непроезжими, прекратились полеты самолетов - грунтовый аэропорт в распутицу закрывался. Районный военком несколько раз продлевал нам отпуск и сообщал об этом в воинскую часть с указанием причин такого решения. Время шло, а конца распутицы не предвиделось. «Все, - сказал комиссар, - дальше продлевать отпуск не имею права. Принимайте решение сами, о нем поставьте в известность своего командира». Мы с другом решение приняли. Я дал в часть телеграмму - два слова текста и подпись «Выходим пешком. Горчаков», не указав ни направления нашего маршброска, ни предполагаемого времени прибытия. Прихватив вещевые мешки с провиантом, мы рано утром двинулись по пустынным улицам города Николяска в Шарью, готовые проявить солдатскую отвагу и геройство при преодолении на своем пути водных преград и безымянных высот. Но при выходе из города увидели грузовую машину. Оказалось, что водитель готовится к поездке в В. Устюг. Для нас это было не по пути, но зато не пешком! До В.-Устюга мы добирались трое суток. При очередной буксовке автомашины у меня затянуло под колесо полу шинели, и если бы водитель «газанул» еще раз, я был бы вычеркнут из списков личного состава своей воинской части. Обошлось. В Ядрихе на поезд сесть не удалось, приехали в Котлас. «Вы, товарищи бойцы, - сказал нам военный комендант, - продвигаясь по направлению Воркуты, несколько отклонились от установленного маршрута. Вам надлежит двигаться в противоположном направлении», - и отправил нас поездом до Шарьи. От Шарьи у нас были проездные документы, и мы благополучно доехали к месту службы до города Козельска. Прибыли в родную часть. На улице май, гарнизон давно перешел на летнюю форму одежды, а мы с Володей отбиваем солдатский шаг в шапках и в грязных шинелях. Однако командир был рад нашему прибытию в добром здравии и в офицерской среде при случае с гордостью и не без основания утверждал, что его солдаты к месту службы за сотни верст пешком придут.

Александр ГОРЧАКОВ.

Про юбилей и не только....

Дорогой Александр Александрович! Земляки и дружок детства! Самые сердечные поздравления с Юбилеем!

Все то замечательное, что отмечается сегодня в характере и судьбе юбиляра, - его жизненный задор, целеустремленность, напористость, широта души, товарищество переполняли его со скочковских времен. Лет 60 тому назад или чуть больше попал как-то он в нештатную ситуацию: родители оставили его одного в доме, "домовничать", а сами отбыли по дальним гостям. Как настоящий товарищ, он это счастье решил разделить со мной. "Приходи, Володька, ко мне ночевать, одному боязно. Я блинов напеку. Я умею!" Отказать другу в просьбе, да еще подкрепленной блинами, было бы неразумно. Конечно, если по-нынешнему оценить такое предложение, так тут сильно попахивало подкупом, взяткой, но в то время он еще не был Заслуженным работником Судебной системы Российской Федерации и такое предложение, думаю, не могло быть расценено как криминал. В назначенное время я явился к месту службы. Ночевал в номере "люкс" - отдельная комната за капитальной стеной. Утром проснулся, вышел в большую комнату, которая как во всякой деревенской избе той поры не была отделена от кухни, и... я затрудняюсь выразить свое состояние в тот момент. Дым, как в бане "по-черному". Видимость близка к нулевой. Только на шестке русской печки просвечивает огонек. "Что там делаешь", - спрашиваю. Он бодро так отвечает: "Блину пеку". Я понял, что у этого абитуриента в кулинарный техникум первый блин вышел комом. И не только первый. И не второй. Как говорил Михаил Евдокимов: "Куды там! Больше!" И не просто комом они вышли. Головешками. Притом не маленькими. Как на пивном пожоге. Дегустировать блины было некогда. Надо было принимать срочные меры по спасению двух невинных молодых душ от бесславной гибели в дыму. Ведь Шойгу со своим министерством к тому времени еще не родился. Надеяться на помощь скочковского брандмейстера - добровольца Нестерова Александра Кирилловича тоже не было никаких оснований. К тому же давно установлено, что спасение утопающих, - дело рук самих утопающих. Угорающих тоже. Какая разница. И я стал пробираться к выходной двери, чтобы открыть ее и разбавить "блинный" аромат свежим воздухом. Двери открылись раньше, чем я добрался до них. На пороге появилась тетя Павлина, соседка и родственница этого авантюриста. Для меня остается тайной, как она удачно выбрала время для визита: то ли с улицы заметила необычные цветовые оттенки в атмосфере около нашего ночлега, то ли зашла просто для профилактики. Известно, что ум у женщин повадлив, на всякие случаи

догадлив.

“Ой, ребята, что это у вас, пожар?” - в голосе ее прозвучала, скажу вам, обоснованная тревога. Голос из-за печки был торжествующим: “Нет, мы печем блины!”. Заметьте: никакого снобизма, никакого зазнайства, полное бескорыстие, широта души. Все успехи в кулинарии он не присвоил себе, а великодушно разделил на двоих: “Мы печем блины”.

Павлина была женщина умная, с юмором, быстро вошла в роль: “Ну, так я вам помогу”. В условиях недостаточной видимости я не рассмотрел, как произошла смена караула у сковороды. То ли Павлина кондитера погладила легонько ниже пояса коленком, то ли потрепала за уши нежно, с вывертом, как деда Щукаря трепали в детстве. Она была из Дора, деревенское прозвание у нее в роду было, насколько мне помнится, Морские. Поэтому я допускаю, что она просто поморяцки списала новоявленного кока с вахты. Откуда ей было знать, что перед ней был будущий почти адмирал, орденосец.

Помалу в доме рассветало, а на столе появилась стопка блинов. Павлина ушла, пообещав придти еще, если снова потребуется ее помощь. Помощь не потребовалась, блинов нам хватило. Вкусные были блины. Ну, как же! Кто тесто готовил!

Так выпьем за то, чтобы юбиляр и впредь, многая лета, все так же, как в детстве, как в юности, как в зрелом возрасте имел в достатке задора, активности, смелых замыслов, и чтоб они так же легко исполнялись в жизни, как слетали блины со сковороды... у тети Павлины.

В. ПОНИКАРОВ, г. Никольск
11 июня 2011г.

М.А. ГОРЧАКОВ

... В тишине только ветер гуляет,
Тропинка хитренько виляет,
Исчезает за листвою
И выводит в летний зной.
На полянке пахнет сеном,
Сенокос в разгаре летом...
Я спускаюся к реке,
В этом зное как к весне.
Прохлада нежно освежает,
Река сквозь пальцы убегает...
Шумит за лесом перекаат,
На лес спускается закат...

* * *

Когда не хватает терпенья
И начинает всё раздражать
Надо вырваться к птичьему пенью,
У берёзки часок полежать.
Побродить среди шумящего леса,
По лугам босиком пробежать
И взглянув в своё райское детство,
Честно про себя прошептать:
Природа и мир идеален,
А проблемы только внутри.
Разве клён человечески жаден?
Или берёза жаждет войны?

* * *

Буйство природы прекрасно
Ибо рвётся на волю душа.
Она так упивается страстно
Каждым прорывом огня.
Но душа, увы, ненасытна
И просто молит грозу,
Чтоб та увеличила силу,
Что ревёт там печально вверху.

* * *

Душа бы песней не страдала
Так долго во плоти
И на чувствах б не играла,
Отрываясь от земли.
Не видала б наслажденья
От мыслей грязных и дурных.
И исчезло б впечатленье
О святыхнях сих земных,
Если б только на рассвете
То, что вечером хотелось
И с согласия тех на небе
Наяву всё б завертелось.

* * *

На краю дубравушки,
Среди белых тополей,
Куда заходят девушки
Бежит старый водолей

Вода течёт прозрачная
Из матушки земли,
И зарево прозрачное
Рождается в тени
Здесь умелец старенький,
Берестой владея,
Ковшик сделал маленький
И оставил для людей.
На краю дубравушки,
Среди белых тополей,
Куда заходят девушки
Журчит юный водолей.

* * *

Возможно, время невозможно
До конца ещё понять.
И бывает очень больно
В нём себя не узнавать.
Но бывает очень ясно
Образ виден сквозь года,
Но, увы, всё так напрасно -
Там ведь нет сейчас меня.

* * *

Солнце вяло наблюдает, как орудует ветрище,
Как деревья он сгибает, засыпая их снежищем...
Задувает в каждый угол, запекает во щелях,
Каждой твари нынче худо, ибо солнце в облаках.
В пелене и урагане воцарилась кутерьма,
И абсолютно стало ясно - это малая война!
Но война для нас чужая, без последствий и смертей,
Просто жизнь бурлит иная, да и солнце ветра злей!

* * *

Возмущение духа - тревожит,
Мысль от мысли невнятно отводит.
Тело совсем замирает,
А тонус как пламя в нём возгорает!
Немного трясутся коленки,
И скоро взорвётся душа,
Но время сдувает эмоции пенки
И в душе наступает весна!

Время приходит, время резвиться,
солнце согреет, солнце обелит.
Белые тучи, светлые лица, люди смеются, души согреты.
Яркие лужи, звонкие птицы, люди прекрасны, люди... где ты?

* * *

Снегопад накрыл внезапно,
И природа замерла,
Вдруг всё сразу стало ладно,
И оттаяла душа.

Захотелось разбежаться,
Раствориться в пелене.
Разве можно удержаться
И остаться в стороне?

Нету верха, нету низа,
Всё накрыла кутерьма;
И душа резвиться стала,
Вдруг разрушилась стена!

Снегопад накрыл внезапно,
И природа замерла,
Вдруг всё сразу стало ладно,
И расплакалась душа!

Свадьба в д. Скожково. Гармонист Горчаков Михаил Александрович - дядя Геннадия Александровича

Горчакова Людмила
Дмитриевна, Горчакова
Александра Егоровна и
ее дочь Алевтина

Семья

Семья Горчакова Геннадия Александровича: жена Алевтина, дочь Светлана, сын Алексей, дочь Елена, племянница Тانيا, Геннадий

**Горчаков
Александр
Александрович**

Семья Горчакова Алексея Геннадьевича

**Алексей (сын Геннадия Александровича), жена Людмила,
дети: Иван, Дмитрий и Наталья**

Сестра Нина с дочкой Татьяной и внучкой Аней

Горчакова Светлана и Крицкая Елена (Горчакова Елена)

**Горчаков Александр Александрович,
его жена Горчакова (Кудринская) Нина Петровна**

**Горчаков
Владислав Александрович,
его жена Горчакова (Патракова)
Наталья Федоровна**

**Дочь Владислава
и Натальи
- Анастасия
(13.01.2000 г.р.)**

**Горчаков Михаил
Александрович,
его жена Горчакова
(Громова) Ангелина
Викторовна**

**Дети Михаила и Ангелины:
Вера (29.08.2008 г.р) и Александра (17.12.2013 г.р.)**

Книга издана на средства детей: сына Алексея,
дочерей Елены, Светланы, брата Геннадия
Александровича - Александра, племянников -
Владислава и Михаила.

Сверстано и отпечатано
в АНО «Редакция газеты «Авангард»,
161440 г. Никольск, ул. Коммунистическая, 4.
ИНН 3514007313, № заказа 48, год выполнения - 2014.
Тираж 100.